

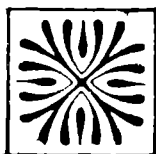
"Пусть стихи Ваши
людие увлюбнутся..."

Г. Ринский.

Людьми-е Михайловне
на добрую наметь.

с уваженьем Ринская

май 2002 г.

**АНТОЛОГИЯ
БЕЛОРУССКОЙ
ПОЭЗИИ**

Перевод Геннадия Римского

**ТОМ
I**

Москва
Русский Двор
2001

УДК 821.161.3-1
ББК 84(4Бел)-5
А72

Консультанты:

И. В. ПЕРЕЯСЛОВ

секретарь правления Союза писателей России,
секретарь-адъюнкт Московского отделения
Петровской Академии наук и искусств,

О. Е. ВОРОНИНА

член Союза писателей России.

**А72 Антология белорусской поэзии в 2-х томах. Перевод
Геннадия Римского. Т.1 — М.: Русский Двор, 2001. —
512 с.**

ISBN 5-88752-039-6(Т.1)

ISBN 5-88752-038-8

Книга предлагает вашему вниманию пятидесятилетний свод белорусской поэзии, представленный более чем 150 авторами. Выход в свет двухтомника «Антология белорусской поэзии» продолжает знакомство российского читателя с белорусской культурой, начатое сборником «Белорусская лирика XIX-XX веков» (М.: Русский Двор, 1998).

Новые переводы, вошедшие в антологию, значительно расширяют временные рамки, охватывая произведения прославленных классиков и современных поэтов, что, безусловно, заинтересует всех любителей поэзии и послужит укреплению дружбы между народами.

УДК 821.161.3-1

ББК 84(4Бел)-5

ISBN 5-88752-039-6 (Т.1)

ISBN 5-88752-038-8

© Авторы соответственно, 2001

© Г.В. Римский, перевод, 2001

© ОАО Русский Двор, подготовка к изданию,
оформление, 2001

РИФМОВАННАЯ АРИТМИЯ ВРЕМЕНИ

Как свидетельствует опыт мировой истории, от государств и народов остаются в вечности только очень немногие вещи: например, пирамиды, дворцы, банины, дворцы, крепостные стены и храмы (то есть — *архитектура*); полотна живописцев, грандиозные скульптуры, бронзовые статуэтки, золотое питье, иконы, фигурки из слоновой кости и перламутра, украшения из золота, серебра и драгоценных камней, инкрустированное оружие (коротко говоря — предметы *искусства*); различные откровения, исследования и технические изобретения (то есть — *наука*); а также народные сказания, мифы, легенды, песни, исторические былины, летописи, средневековые поэтические баллады, пословицы и поговорки, письма, загадки, художественные произведения, мемуары, философские трактаты и иное словесное наследие (то есть все то, что мы сегодня относим к такому понятию, как — *литература*). Все же остальное — имеет шанс зацепиться в памяти грядущих поколений только в том случае, если оно хоть каким-то образом имеет отношение к обозначенным выше категориям (хотя и тут, как показала история, оказалось важнее всего быть запечатленным в слове летописца, мемуариста или поэта).

Ну кто бы, в самом-то деле, помнил сегодня о существовании исчезнувшей еще за двенадцать веков до нашей эры небольшой (всего-то 200 метров в поперечнике!) малоазиатской крепости Троя, если

бы ослепший от старости поэт Гомер не сочинил про нее свою бессмертную «Илиаду»?.. Да и при словах о самой Древней Греции в первую очередь вспоминается именно Гомер и его поэмы, как при словах о Древней Руси — безымянное «Слово о полку Игореве».

Впрочем, «Слово...» — это памятник не только древнерусской, но одновременно и украинской, и белорусской литературы, ибо оно соединяет в себе диалектизмы, топонимы и историю сразу всех этих трех братских народов. Хотя, как мне кажется, в данном случае все же несколько противоестественно употреблять это выражение — «*три народа*», уместнее, пожалуй, все-таки говорить о трех составных руслах *единого* в своем этногенетическом происхождении народа. Не случайно же и преждевременно ушедший из этой жизни замечательный белорусский поэт Александр Мельников, писавший свои собственные стихи на русском языке, говоря о работе над переводами произведений белорусских поэтов на русский, признавался:

...Тружусь, печалюсь радостью одной:
Как нелегко с *родного* — на *родной*.

Каково-то было бы ему увидеть, доживи он до сегодняшних дней, как даже эта — в чем-то, наверное, и правда, парадоксальная для народов с *общей* языковой основой — необходимость перевода стихов с одного *родного* языка на другой оказалась ныне «сброшенной с парохода современности», и каждая из братских литератур вынуждена теперь существовать единственно в пикале своих собственных национально-культурных координат, не пересекаясь, не взаимообогащаясь и не взаимодействуя со своими вчерашними партнерами.

Не знаю, может быть, здесь и не место для этого, но не могу не высказать мысль о том, что во многом наша *собственная* вина, что мы вдруг оказались каждый будто бы на своем необитаемом, отделенном друг от друга волнами сапороляции, этнокультурном острове. Для чего, спрашивается, наши великие первоучители — соученики братья Кирилл и Мефодий — совершали свой христианский подвиг и создавали общеславянскую «кириллицу», если мы не сочли возможным преодолеть элементарные диалектные различия и (думаю, в силу только одной своей духовной лени) освободили себя от счастливейшей возможности владеть сразу всеми наречиями нашего великого праматеринского языка? Почему мы не учили столь близкие между собой украинский, русский и белорусский (хотя должны были бы знать также и сербский, и польский, и болгарский), чтобы говорить друг с другом и читать по-своему друг друга во всех ее оттенках и переливах, не прибегая к помощи словарей и переводчиков? Немалую роль в углублении этой языковой дифференциации сыграла, конечно, и сама советская система с ее безупречно отлаженным механизмом разделения функций, обеспечивавшим при помощи института высокопрофессиональных переводчиков широкий доступ к произведениям практически любого из национальных писателей и снимавшим тем самым необходимость в самостоятельном изучении языков других республик. Поэтому, что стоило только этой системе развалиться, и каждая из братских литератур мгновенно стала представлять для соседей полнейшую «герфу инкогниту». Браться в этой ситуации за изучение национальных языков было уже вроде как

поздно (к тому же это перестало подкрепляться какой бы то ни было материальной перспективой), а казавшиеся еще вчера такими созвучными и понятными белорусский и украинский языки, в отсутствие подстрочных переводов, оказались самой что ни на есть сущей китайской грамотой.

В этих условиях невозможно переоценить тот труд, который подняли на своих плечах переводчик Геннадий Римский и издательство «Русский Двор», сделавшие возможным выход к читателю «Антологии белорусской поэзии», начиная от Кирилла Туровского и Франциска Скорины вплоть до Рыгора Бородулина, Нила Гилевича и поэтов самого молодого поколения.

Понятно, что, будучи составленным на основе переводов, выполненных *одним* человеком, этот двухтомник не мог избежать определенного оттенка субъективности — в последние годы подготовка изданий подобного рода вообще переходит из ведения научных коллективов в руки индивидуальных составителей, и это, как показывает практика, не может не проявить себя в виде ярко выраженных вкусовых пристрастий, влияющих на отбор круга публикуемых авторов и их произведений. Достаточно вспомнить тут составленную Евгением Евтушенко поэтическую антологию «Строфы века», которая получила массу упреков как раз в излишней субъективном подходе к формированию состава ее участников и корпуса отобранных для включения в нее стихов. За это же упрекали и составителей другой антологии — Владимира Кострова и Юрия Полякова, а также супругов Юрия Конецкого и Любовь Ладейщикову, составивших антологию русской поэзии Урала, и многих других. И уж тем более эта субъективность не могла не ска-

...ах, когда формированием антологии занимался сам переводчик, который одних авторов переводил всю жизнь и в большом количестве, а других — только от случая к случаю... Хотя панорама белорусской поэзии и приобретает от этого черты некоторой диспропорциональности, общих своих масштабов она тем не менее не теряет.

Читая пятивековой свод белорусской поэзии, наглядно отчетливо видеть, что стихи — это не просто рифмованные выплески положительных или отрицательных эмоций отдельных авторов, но поистине — кардиограмма истории всего народа, воспроизводящая ритм его взлетов и падений, успехов и трагедий, периодов радостного труда и эпох голода и выживания. Хронологический принцип расположения материала в книге оказывается эффективнее любого из возможных вариантов ее составления, так как сам задает начальную точку системы этических и эстетических координат, возвращает к стихотворению Франциска Скорины «Верую в Бога единого», представляющему собой поэтическое переложение Господних заповедей:

«Не убий ни едиша
И не сверши греха блудна.
Не кради, что чужое,
Не дай свидетельства ложного.
Не желай жены ближнего,
Ни имения его или вещи его.

Задав таким образом при помощи отсылки к Божьим заповедям изначально высокий нравственный ориентир, составители и издатели «Антологии» получили прекрасную возможность для проекции всех последующих образов и поэтических сюжетов на этот характерный для древнерус-

ской летописной традиции эталон. И следующие далее «Мстры на пришествие во град отчий Полоцк пресветлого, благочестивого и христоролюбивого царя и великого князя Алексея Михайловича» Симеона Полоцкого эту традицию подкрепляют и усиливают. «Жий, монархо российский, жий долгие лета, / Пусть завидует недруг, пока церковь на свете», — пишет автор, как бы продляя разъясненные Скориной заповеди с судьбы отдельного человека на участь всего государства. Наши предки, похоже, гораздо лучше нас понимали, что только защитой церковной молитвы удерживаются мир и благоденствие в Отечестве, и соответственно — от соизвещающей этому благополучию или греховности граждан зависит благополучие и всей державы. Ведь всё, что попускается нам свыше от Господа, — это только Его наказание или милость за наши же *собственные* дела, а то и проверка: не отречемся ли мы от Него при первом же испытании? И как это ни поразительно, но из последовательного чтения «Антологии» становится хорошо видно, что ситуация, напоминающая происходящее сегодня в странах СНГ, эта зарифмованная поэтами аритмия общественных катаклизмов повторяется в истории наших народов практически из века в век, словно Господь устрашает для каждого нового поколения экзамены на духовную зрелость.

Вот, к примеру, стихотворение Яна Чачота «О ты, край мой несчастливый!», написанное им еще в 1823 году, которое, словно в волшебном зеркале, передает ситуацию практически всего XX века — с его Первой мировой, а затем Гражданской войной, последовавшими за ними революцией, террором, военным коммунизмом, коллективизацией и репрессиями, нагрянувшей в 1941-м Вто-

роп мировой войной, экспериментами Никиты по поропению частнособственнических инстинктов крестьян и завершившей все горбачевской «перестройкой», принесшей разрушение всего созданного поколениями наших отцов, поднявшей на поверхность жизни весь копившийся ранее на ее дне криминальный мусор и ввергнувшей народы бывшего СССР в очередную нищету, безработицу, межнациональные конфликты и бесправие.

О ты, край мой несчастливый!
Где ж сыны твои, Отчизна?
И дождутся ль твои нивы
Солнца, света, воли, жизни?..

...Память втоптана в болото
Наших предков, честь и совесть.
Кары, горя ждут сироты,
Над гробами плачут вдовы.

В нас растут братоубийцы
И предатели богато:
Бойся друга-кровопийцы,
Бойся, брат, родного брата...

То же самое отчаяние и безысходность опять и опять всплывают через определенные десятилетия в стихах Владислава Сырокомли, Янки Лучины, Кондрата Крапивы, Тетки, Максима Богдановича, Пимена Панченко и целого ряда других авторов, включая поэтов 1950—1960-х годов рождения, в чьи строки уже вошли горечь Чернобыля и Чечни, боль за ошибки отцов и тоска из-за непрекращающейся нынешней смуты. Увы, но попытки высказаться по поводу еще не остывших политических событий почти неизбежно грешат поспешностью суждений и особенно — *осуждений*, как это, в частности, видно по стихам Сергея Степана:

...Молитвы нами все забыты
И беззвучность у звониц.
Вновь плет народ мой домовитый
Ид из оравленных криниц.

И застает наша пива —
Татарник встал среди руш.
О, мой народ, ты несчастливый
Тюремник твой — *родной твой сын...*

Думается, что от настоящей поэзии требуется все-таки гораздо большая сдержанность, не к лицу ей выносить торопливые обвинения, копируя собой пресловутые сталинские процессы против троцкистов. Хотя бы в этом она не должна брать пример с власти, столько раз на протяжении миновавшего века пятнавшей себя такими вот поспешно-неправедными приговорами. И к счастью, словно выправляя своими стихами несправедливую строку в обвинительном акте, буквально на соседней странице с процитированным выше стихотворением С. Степана его сверстник Змитрок Морозов находит более сердечные, более человеческие (и тем самым более *конструктивные*) слова для выражения своего отношения к действительности:

...Утонет ли Отчизна в море слез?
Зовет для покаяния Христос,
Лишь продает Иуда, покупает..

Без веры человек, как та полынь,
«Не осуждай отца ошибки, сын!» —
Душа одну молитву повторяет.

Такое же отношение к жизни проповедует своим творчеством и Петрусь Мокаль, сумевший, перешагнув через обиды сегодняшнего времени, найти необходимые духоукрепляющие слова для своих

созвездий: «По воле Божьей милости живи, / Пусть даже на Земле бесчеловечно, / Учись у неба, чьи созвездья вечно / Притягивают силою любви...»

Отражая все чередующиеся в истории народа периоды расцвета и упадка, выражая вечную веру человека в *светлое будущее* (куда уйти от этого образа?) и показывая его трагедийное восприятие настоящего, белорусская поэзия уместила в себя всю гамму порывов человеческой души и весь спектр философско-религиозных воззрений. Самым заметным шагом в сторону от христианских ориентиров Франциска Скорины явилась идеализация возможностей человеческого разума, показывающая, сколь много надежд возлагал человек на представляющую миссию науки в этом мире. Так например, предчувствуя грядущие в недалеком будущем социально-политические перемены, классик белорусской поэзии Янка Купала писал в 1906 году:

...Кривые тропки темного житья
Науки солнцем стоит осветить,
Чтоб мы -- любой: и взрослый, и дитя,
Не заблудившись, век смогли дожить.

Наукой, волей снимем боль беды,
Засеем долно --- повеь родной земли,
И заживем счастливо, без вражды,
Как прадеды не жили, не смогли.

Просто удивительно, до чего беспредельна вера человека в социальную, природную и Божественную справедливость, в то, что все в этом мире рано или поздно устроится ко всеобщему народному счастью! По-разному понимают это устроенные представленные в «Антологии» поэты — одни, как это видно по стихам Янки Купалы, уповали

на торжество научной организации жизни, другие связывали надежды на обретение земного рая с социальным переустройством общества, идеями социализма-коммунизма. Увы, как показывает исторический опыт (причем не только построения социализма в СССР, но и социалистических экспериментов во многих других странах мира, начиная, может быть, с «поселков общности и сотрудничества» Оуэна, попыток создания Парижской коммуны в 1789 и 1871 годах и вплоть до создания полнотовского режима в Кампучии), социально-политические идеи нередко оказываются ошибочными, ведущими не туда, куда хотелось при их теоретической разработке, но это свидетельствует о заблуждениях скорее *разума*, тогда как свойство поэзии — выражать *душу* человека, и в этом плане она в высшей степени искренна и правдива, даже если и говорит о дискредитировавших себя на практике вещах. Ведь объектом описания поэзии является не столько *реальный*, сколько, как сейчас принято говорить, — *виртуальный* мир, населенный *виртуальными* же людьми, живущими в *виртуальных* условиях, то есть — некая картина, существующая только в воображении или в сердце поэта, как, например, в стихах Алесса Бачила:

На реках, на стройках и пшвах,
И ночью, и днем, и в восход ---
Работает всюду красиво
Великий советский народ.

Гляжу я — земля расцветает,
И песни творят волшебство!
Мне лучше родимого края
Нет в мире во всем ничего.

Мы дружбы великой желаем
И верной сыновней любви.
Отецна моя дорогая!
Красуйся и в счастье живи!

Да, эта мечта народа о всеобщем счастье на земле пока что так и остается неосуществленной, но значит ли это, что она недостойна быть озвученной в стихах, не может относиться к высокой категории *искусства*? Нет, конечно же, иначе нам пришлось бы вычеркнуть из литературы такой се, может быть, самый прекрасный, самый поэтический, но и самый жизненно неосуществимый жанр, как сказка. А без сказки, как и без подлинной веры, человеческая жизнь может превратиться только в некую бухгалтерски-скучную, как в одноименном стихотворении Пимена Панченко, «*схему жизни*»:

Тяжко работаем. Грустно мечтаем. / Век догоняем.
Героями ходим. / Тучей чернеем. Солнцем сияем.
/ Что-то теряем. Что-то находим... // ...Мучаем
планы. И машем рукою. / Редко бушуем. Тихо
стогаем. / Жаждем покоя. Не видим покоя. / Молча
болеем. И умираем».

Слава Богу, в последнее время большинство поэтов нынешней постсоветской действительности начали понимать иллюзорность упований на такие средства, как человеческий разум да универсальность политических идей, и ощутили в душе глубокую необходимость возвращения к тем единственно верным (и вечным) ориентирам, о которых говорили в своей поэзии еще Франциск Скорина и Симеон Полоцкий. Благодаря этому в стихи сегодняшних авторов вошло имя Иисуса Христа и попытки взглянуть на происходящее вокруг через призму Его заповедей. И хотя стихи этого рода еще очень трудно освобождаются от атеистичес-

кого пастора, семьдесят лет пропитывавшего нашу жизнь, как это видно по прекрасному в художественном плане, но полному непонимания сущности монашества стихотворению Максима Танка «Ах, Маг!» или таким, обращенным к Богу строкам из стихотворения Сергея Граховского «Молитва», как: «Разве Ты не видишь, / Разве Ты не слышишь, / Что в крови и блуде / Праведные люди / Гибнут, как враги?..» — которые сразу же разрушают стройность поэтической мысли тем, что не могут не зародить у подлинно православного читателя сомнения относительно *праведности* тех людей, которые пребывают *в крови и блуде*. Хотя, что касается поэзии Сергея Граховского в целом, то, думается, что он хотя и явно непропорционально в соотношении с другими авторами, но вполне заслуженно представлен в «Антологии» эдакой вполне самостоятельной и полновесной в плане объема (около 60 страниц!) «книгой в книге». Такие его стихи, как «Твои ладони пахнут первым снегом, / А первыми антоновками — снег», «На окнах лилии блелеют: / Кристаллом вырезал мороз» или «Мосты в минувшее сгорели», и правда заслуживают того, чтобы считаться классикой белорусской поэзии. Да и вся «Антология» переполнена стихами такой высокой огранки, что это не может не доставить читателю чисто эстетического, прямо-таки гурманского наслаждения. Таково, например, поэтические образы в стихах Федора Кляшторного: «Месяц вновь из-за гор васильками / Пересыпал озерную синь. / Стынет все... Ледяными серпами / Осень косит рябину, полынь...». Таково стихотворение прекрасного, но очень рано скончавшегося поэта Игната Канчевского «Сентябрьское панно», как бы уже програм-

мирующее собой появление в отдаленном будущем отголосочно-холодноватой манеры Иосифа Бродского: «В Бернардинской обители шепчутся железные листья. / На тропинках блестят чуть приметно скорлупки капитанов. / И в каналах вода от зимы не ешес, и чище, / Говорит с валунами о лучших водах беспрестанно. / И выходит таинственно вечером в позднюю пору / Князь последний Литвы в волнах гаснущих зыбкого света. / С бородой куперявой — капитанов на тропках узора, — / С страусиным пером, вознесенным над черным берегом... Таково же стихотворение Петруся Бровца «Пахнет чабрец»: «...Легкой походкой по узкой тропинке / Девушка в белом летит, как снежинка. / Губы — пылающей зорьки багрец. / Пахнет чабрец. / Пахнет чабрец...». А также строки Станислава Шушкевича о листопаде: «Осыпается желтый сад. / Листопад идет, листопад. / Перерезана тропка ручьем / У окна моего, как ножом...». Стихи Алексея Пысина о любви: «...И я почувствую, увижу, всемогущий, / Узрю ладонями твоими я / В полете ласточку, рябину в пуще, / Любовь моя». Или цикл «Псалмов» Рыгора Бородулина: «...И солнце — образ Божьей доброты — / Старается щедрей дать мир народу. / Оно закат свой знает, ну а ты / Не знаешь ни заката, не восхода». И еще целый ряд не менее великолепных стихотворений других авторов, передающих окружающий мир в образах и жизнь в чувствах...

Конечно, это вовсе не означает, что и белорусская поэзия, и переводческая работа Геннадия Римского стопроцентно безупречны, — стопроцентно безупречной может быть только пустота (даже к Богу мы умудряемся обращаться с упреками!). Но такой ли уж на самом деле грех в том, что,

допустим, интонация стихотворения Констанция Буйло «Люблю» («Люблю я душный запах лета / И бурю пыльную с дождем, / как гром гремит, а в черных тучах / Сверкают молнии огнем...») повторяет собой звучание известного всем стихотворения Михаила Лермонтова «Родина»: «Люблю дымок спаленной жнивы, / В степи ночующий обоз / И на холме средь желтой нивы / Чету белесящих берез...» — ну и так далее?

Думается, вполне искренен был и Василий Зуёнок, когда выводил в одном из своих стихотворений чеканную, точно математическая формула, строку-манифест: «На торжищах революций — поэты *не продаются*». И его ли вина, что эпоха, провозгласившая рыночные отношения превыше Бога и совести, красноречиво продемонстрировала всем нам обратное, показав, что сегодняшние поэты, увы, *продаются*, да *еще как продаются!*..

Но опять-таки — если это и грех, то скорее уж самой нашей эпохи, перечеркивающей традиционную тысячелетнюю нравственность, но вовсе не автора, эту самую нравственность исповедующего.

Если уж все-таки говорить о недостатках «Антологии», то я бы обратил внимание на другое. Ну, к примеру, на то, что, читая собранные в ней стихи, довольно часто натыкаешься на залетевшие в тексты *русских* переводов *белорусские* слова — такие как «зорный» (в смысле «звездный»); «труны» (в значении «гробы») и тому подобные. Хотя, думаю, все это тоже говорит лишь о том, что белорусская поэзия и после выхода этой «Антологии» остается открытой для новых переводов и новых изданий. Потому что, как нельзя вычерпать чайной ложкой море, так невозможно устами од-

ного переводчика переложить на другой язык всю бездонную гамму поэзии такого поэтического и песенного народа (о чем свидетельствует и бескрайняя глубина белорусского фольклора), как белорусы. А это значит, что проложенный Геннадием Римским первопуток имеет все шансы разрастись до размеров широкого русско-белорусского литературного большака, и у нас есть твердые основания надеяться, что мы еще встретимся однажды с новыми изданиями белорусских авторов — как уже знакомых нам по данной «Антологии», так и молодых, пришедших в литературу уже в самые последние годы, — которые будут переведены на русский язык лучшими поэтами России.

*Николай ПЕРЕЯСЛОВ,
секретарь правления Союза писателей России,
член Петровской Академии наук и искусств*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Белорусская поэзия -- мощный пласт мировой литературы. Ее лучшие поэты имеют широкую известность, их произведения переведены на многие языки мира. И, конечно же, традиционно наибольшее внимание белорусской поэзии уделяла и уделяет великая русская литература. Белорусских поэтов переводили выдающиеся русские поэты и переводчики М. Исаковский, А. Твардовский, С. Маршак, Н. Заболоцкий, М. Светлов, А. Тарковский, О. Берггольц, М. Дудин, А. Прокофьев, М. Лозинский, В. Рождественский, М. Комиссарова, С. Городецкий, А. Островский и другие. Интерес к белорусской поэзии не случаен. Удивительным феноменом ее является то, что каждое поколение белорусских поэтов выдвигало целую плеяду гигантов, творения которых поражали глубиной чувств и мыслей, и величайшим поэтическим мастерством. Первое поколение поэтов с блеском представляли Франциск Скорина, Николай Гусовский, Симеон Полоцкий, второе -- Павлук Багрим, Ян Чачот, Винцент Дунин-Марцинкевич, Францишек Богусевич, Тетка (Алоиза Пашкевич), третье -- Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, Эмитрок Бядуля, четвертое -- Кондрат Крапива, Петрусь Бровка, Пётро Глебка, Максим Танк, Аркадь Кулешов. Наконец, крупнейшими представителями поколения современных, ныне здравствующих поэтов являются Рыгор Бородулин, Геннадий Буравкин,

Антоний Вертинский, Сергей Граховский, Нил Чигасевич, Василий Зуенок и другие. Не многие литературы мира могут похвастать такими созвездиями огромных талантов, работающих одновременно. Но именно эта «конкуренция» и являлась той благодатной почвой, которая взрастила шедевры национальной литературы, рано или поздно, с помощью переводчиков, становившиеся достоянием мировой поэзии.

В настоящей книге вниманию читателей предлагаются произведения всех поколений белорусских поэтов, причем значительное внимание уделяется, безусловно, самым последним произведениям, опубликованным в литературных газетах и журналах. Однако, широко представлена и классика: ее утонченность, образность, необъятность, проникновенность поразительны и не могут не вызывать восхищения. От нее веет свежестью, совершенством, одушевлением. Хотелось бы надеяться, что в переводах мне удалось передать неповторимый почерк авторов, лексико-стилистический колорит и интонационный лад языка и что новые переводы белорусской классики напомнят о вечно юных, трепетных, гениальных стихотворениях, ярко и многогранно запечатлевших тончайшую, богатейшую гамму переживаний.

В данном издании я попытался представить как можно больше белорусских поэтов. Выбор произведений для перевода диктовался исключительно степенью их эмоционального воздействия в конкретное время в конкретной обстановке, а после обсуждения уже сделанного с профессионалами — их советами и пожеланиями. В этой связи я искренне благодарен выдающимся поэтам С. Граховскому, В. Зуенку, А. Вертинскому, пер-

выми осуществившим авторизацию своих стихов. Особую признательность выражаю Сергею Ивановичу Граховскому, выполнившему огромный труд по редактированию первого варианта книги, изданной в Москве*. Советы и замечания большого художника существенно помогли мне при работе над переводами, а общение с мудрым, высококоррумпированным, добрым человеком и прекрасным соседником явилось для меня величайшим счастьем. В разное время с отдельными переводами знакомились члены Союза писателей Беларуси, в недавнем прошлом директор Института литературы им. Я. Купалы Национальной Академии наук Беларуси академик В. Коваленко, нынешний его директор член-корреспондент НАН Беларуси В. Гнеломедов, заместитель директора, заведующий сектором современной белорусской литературы д. ф. н. С. Лавшук, сотрудники института член-корреспондент, д. ф. н. М. Мушинский, д. ф. н. В. Журавлев, а также поэты Г. Буравкин, Р. Бородин, Н. Гилевич, В. Аколова, Э. Акулин, И. Басецкий, Р. Боровикова, Т. Бондарь, В. Дашкевич, Л. Евменов, Г. Корженевская, О. Лойко, В. Мархель, В. Некляев, А. Пашкевич, Г. Пашков, А. Писарик, А. Письменков, В. Скоринкин, Ю. Свирка, Г. Творонович-Севрук, К. Цвирка, А. Яскевич. В ноябре 1997 г. первый вариант книги обсуждался на заседании секции художественного перевода Союза писателей Беларуси. Содержательные выступления известных в республике и за ее пределами профессиональных поэтов, переводчиков и критиков, таких как В. Казбурк, М. Кенько, Л. Козыра, В. Мархель, С. Панизник,

* Белорусская лирика XIX—XX веков в переводах Геннадия Римского. — М.: Русский Двор, 1998.

А. Яскевич, председателя секции И. Чарота, также способствовали устранению неточностей и погрешностей переводов. Там же в начале 2000 г. рассматривался и нынешний вариант «Антологии». Значительную роль в судьбе книги сыграли сын Якуба Колаба — д.т.н. профессор М. Мицкевич, член Союза писателей Беларуси Л. Савик и автор большого числа очерков об ученых Беларуси Н. Савик, первым обративший внимание на мои переводы. Их замечания и предложения также были для меня своевременны и полезны. Авторизовали свои стихи поэты Валентина Аколова, Иван Басецкий, Анатолий Вертинский, Нил Гилевич, Сергей Граховский, Вячеслав Дашкевич, Леонид Евменов, Василь Зуенко, Евгений Коришук, Василь Макаревич, Алесь Пашкевич, Геннадий Пашков, Алесь Писарик, Юрась Свирка, Масей Седнев, Кастусь Цвирка. Всем им искреннее спасибо за внимательное, доброжелательное отношение к книге и за помощь. Первый вариант книги — «Белорусская лирика XIX—XX веков» — был издан в Москве в 1998 г. в издательстве «Русский Двор» и получил положительную оценку как в России, так и в Беларуси. Настоящее издание значительно расширено. Я рискнула включить в «Антологию» также несколько переводов с польского — родоначальников белорусской поэзии, писавших на польском и белорусском языках Я. Барцевского, Я. Чачота, В. Дунина-Марцинкевича, а также переводы стихотворений великого польского поэта Адама Мицкевича, родившегося и выросшего в Беларуси и посвятившего ей множество произведений. В книге это отмечено звездочками в заголовках. Данные стихотворения легко читаются по-белорусски ввиду близости польского и белорусского языков, и как следствие без затруднений переводятся на

русский язык. Мне хотелось проследить, как зарождалась белорусская поэзия, каким стремительным был ее взлет, поскольку первые же белорусско-язычные поэты в совершенстве знали русскую и польскую поэзию, непосредственно общались со своими современниками, ставшими классиками мировой литературы: вспомним, например, дружбу А. Пушкина и А. Мицкевича, пушкинские переводы стихотворений Мицкевича «Будрыс и его сыновья», «Воевода», отрывка из поэмы «Конрад Валленрод». Пушкину удалось сохранить особенности польского языка, стиля Мицкевича. Я надеюсь, что это заметят и читатели «Антологии». По-видимому, здесь есть повод для продолжения этой работы как литераторам, так и ученым.

Небольшое замечание относительно датировки стихов. Как правило, я датировал стихи так, как указано авторами при их публикации. Г. Буравкин и В. Зуенок проставили даты написания своих произведений, которые также сохранены. Многие стихотворения датировались временем их первой публикации. Наконец, там, где мне по тем или иным причинам не удалось отыскать даты написания или публикации произведений, они не датированы. Конечно, интересно проследить творческий рост поэтов, их связь с эпохой. В меру своих сил и возможностей я старался проработать эту работу, которая требовала много времени и сил, дискуссий и конкретных решений, и, безусловно, крайне важна.

Геннадий Римский,

член-корреспондент Национальной
Академии наук Беларуси,
член Союза белорусских писателей

КИРИЛ ТУРОВСКИЙ

Жил около 1130-1182 гг. Образование получил в Тиро́ве. Прославился как проповедник, мастер торжественного церковного красноречия. Один из самых популярных писателей в стародавние времена. Известны его притчи, правоучения, каноны (церковные песнопения), молитвы.

ПОХВАЛА ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ

Каким языком нам должно воздать, братия,
светозарную память преблаженной невесты
Христовой Евфросинии?!
Будучи помощницей обиженным,
утешением скорбящим,
нагим — одеяние, больным — посещение,
сердце, отданное всем, такова есть
Евфросиния,
ибо сердце ее наполнено Божьей
премудростью.
Евфросиния — неуывающий свет
райского сада!
Евфросиния — небокрылый орел,
воспаривший от запада до востока,
как луна солнечная,
озарившая всю землю Полоцкую!

Как гордится, братия, Солун Дмитрием,
а Вышгород — святыми мучениками,
Так же мы возносим град блаженный
Полоцкий,
 врастивший красоту беспримерную
 преподобную Евфросинию!
Блаженны люди, живущие в нем!
Блаженны родители твои!
Блаженна утроба, породившая
 преподобную Евфросинию!
Блажен возраст твой, Евфросиния
 достохвальная!
Блажен труд твой и подвигнут к Богу!
Блаженны люди, живущие в монастыре
 Святого Спаса и Святой Богородицы!
Блаженны люди, живущие в тебе,
 преблаженная невеста Христа, Бога нашего!
Молись Богу о стаде своем,
 кое приобщила ты ко Господу,
Как тому подобает и слава, и честь,
 и поклонение Отцу, и Сыну, и Святому
 Духу и ныне, и присно!

ФРАНЦИСК СКОРИНА

Белорусский и восточнославянский перво-печатник, ученый, просветитель-гуманист. Родился в Полоцке около 1490 г. в семье купца. В 1504-1506 гг. учился в Краковском университете, где получил ученую степень бакалавра. В 1512 г. защитил при Падуанском университете ученую степень доктора лекарственных наук. В 1517-1519 гг. издал в Праге 23 библейские книги, написал к ним предисловия и послесловия. Около 1520 г. вернулся в Вильно, основал типографию, издал «Малую подарожную книжыцу» (около 1522) и «Апостол» (1525). В 1534 или 1535 г. уехал в Прагу. Умер около 1552 г.

Деятельность Франциска Скорины способствовала формированию белорусского литературного языка.

ВЕРУЙ В БОГА ЕДИНОГО

Веруй в Бога единого,
А не бери надармо имени Его.
Помни дни святые святити,
Отца и мать чтити.
Не убий ни едина
И не сверши греха блудна.

Не кради, что чужое,
Не дай свидетельства лживого.
Не желай жены ближнего,
Ни имущества его или вещи его.

БОГА В ТРОИЦУ ПОЧИТАЙ КО СЛАВЕ

Бога в Троицу единого почитай ко славе,
Матерь Его пречистую Марию —
к похвале,
Все небесные силы и святых Его —
к веселию,
Людей мирных — к доброму научению.

ПОНЕЖЕ ОТ РОЖДЕНИЯ ЗВЕРИ, ХОДЯЩИЕ В ПУСТЫНЕ...

Понеже от рождения звери, ходящие
в пустыне,
знают ямы свои;
Птицы, летающие в небесах,
ведают гнезда свои;
Рыбы, плавающие в морях и реках,
чуют виры свои;
Пчелы и им подобные
защищают ульи свои;
Так же и люди,
и где родились,
и где вскормлены милостью Божией,
к тому месту любовь вечно имеют.

НЕ КОПАЙ ПОД ДРУГОМ СВОИМ ЯМУ

Не копай под другом своим яму,
сам свалишься в нее.
Не ставь Мордохею, как Алана, виселицу,
сам повиснешь на ней.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Общественный деятель, поэт, драматург Симеон Полоцкий (в миру Самуил Гаврилович Петровский-Ситнилович) родился в первых числах декабря 1629 г., по-видимому, в Полоцке в зажиточной купеческой семье. Окончил Киево-Могилянскую академию. 8 июня 1656 г. был принят в Полоцкий Богомаиленский монастырь под иноческим именем Симеон. В 1664 г. перебирается в Москву, организует в Заиконоспасском монастыре латинскую школу для служащих Приказа тайных дел. Один из основателей Эллино-греческой академии. В 1667 г. был назначен воспитателем и учителем детей царя Алексея Михайловича. Скоропостижно умер 25 августа 1680 г.

Автор стихотворных сборников («Вертоград многоцветный», «Рифмологион»), драматических произведений, проповедей.

**МЕТРЫ НА ПРИШЕСТВИЕ
ВО ГРАД ОТЧИЙ, ПОЛОЦК ПРЕСВЕТЛОГО,
БЛАГОЧЕСТИВОГО И ХРИСТОЛЮБИВОГО
ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА**

Рифмы первые

Отрок 1

Веселися, о царю пресветлый с востока,
Освященный Россией от Божьего ока.

Отрок 2

Светися днесь, светися, церква восточная,
Ей отрада от неба дана медоточная.

Отрок 3

Ликуй, Россия, ибо царь благочестивый
Придет — церкви краса,
царь христолюбивый.

Отрок 4

Радуйтесь, граждане, сынове востока.
Бог воздал вам царя в вере без порока.

Отрок 5

Жий, монархо российский, жий долгие лета,
Пусть завидует недруг, пока
церковь на свете.

Отрок 6

Жий, земля белорусская, равно Сиону,
Утесненной дарованная
от всевышнего трона.

Отрок 7

Жий в утеху и радость своему народу,
В гонении данная российскому роду.

Отрок 8

Жий, други Константине, второй Владимиру,
Расширь православную во всех краях веру.

Отрок 9

Церковь ныне тебя, царь восточный, лобзает,
От пришествий врагов тебя освобождает.

Отрок 10

Отчий Полоцк лобзает тебе нареченный
Град твой, благочестием ясно освященный.

Отрок 11

Лобзает вся Россия Белая с Малою,
Верит, просветившая светом над тобою.

Отрок 12

Боже в Троице единый, над врагом победы
Царю нашему даруй, не ввергай нас в беды.
Не предай супостатам. С нами будь до конца.
Да пусть светит свет и величие Творца.

ПЕРЕМЕНЫ ВСЕХ ДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ*

И днем, и ночью по кругу время ходит,
Своим резцом богатству, славе шкодит.
Богатство — мать гордыни, слава — крови.
Кто не владеет ими, умом ли здрав, панове?
Невежество в смешении с гордыней
зависть ро́дит,
Бред окружающим неправедно наносит.
От зависти сердца теряют счастья грозди.
Гнев, споры, войны — все рождаются
от злости.
От войн — огонь, грабеж, убийства, голод,
Нужда и нищенство, убожество и холод.
Убогость — мать покорности смиренной,
Основа кротости, в веках благословенной.
Покорность, кротость людям мир дарует,
Отводит зависть. Разум торжествует.
Науки здравствуют. Покой царит в стране.
Достаток, святость, счастье дарит мне.

1640-1653

-

ДУША*
(Отрывок)

Птица некая в мире видимой бывает,
Люди райской птицею ее прозывают.
Красоты ради, данной ей от Бога,
Весьма дивная, в цветах различных, многих.
Кажется, цветы все имеет в себе,
Словно созданная не в мире, а в небе.
Голос ее столь сладкий, умиленный
Даже слышен бывает в радость
возбужденный.

Когда ловцами она уловится,
И как плененная во клеть посадится,
Плач печальный дотоле испускает,
Пока, сжалившись, ее не выпускают.
Птица эта — души образ человека верного,
В нем есть благи красота безмерная
И образа Божия, этим украшается
И дарами многими благо отмечается...

РАДОСТЬ ПЕЧАЛЬЮ ВЕРШИТСЯ*

Радости мира кратко пребывают,
А в конце печаль им овладевает.
От многонищевых пиров и пьянства
Главные болезни обычно в гражданстве.
От сладости блудней — телесное тленье,
Крупные совести вечно грызенья.
Гордости нужной вслед грядет ненависть,
Обилию вещей — людей скудных зависть.
Честь великая покоя лишает,
Высота духа низость порождает...

Белорусский и польский поэт Ян Барцевский родился в д. Мураги теперешнего Росонского района 23 января 1794 г. (по другим источникам — в 1790 г. или 1796 г.) в семье мелкого шляхтича. Учился в Полоцкой иезуитской коллегии. В 1820-е гг. переселился в Петербург, где познакомился с А. Мицкевичем и Т. Шевченко. Умер 28 февраля (12 марта) 1851 г. в Чуднове на Волыни. В историю белорусской литературы Ян Барцевский вошел как автор поучительных стихов на белорусском языке, сборников, основанных на белорусских народных сказках и легендах (1844-1846).

Где в ночи шумят ветра, небо скрыто, хмуро,
Где далекая звезда мрачного востока
То исчезнет в облаках, то блеснет пред оком,
Бродит грустная душа скучно и понуро.

И в кругу том, где давно от несчастий хмуро,
Мысли сдавлены в сетях мрака и порока,
Ты живешь, душа моя, то блеснешь
 пред оком,
То исчезнешь, как звезда в тучах
 грозной бури.

Если волею судьбы — не предназначений
На краю земли далеком окажусь, гонимый,
Доброта твоя согреет память поколений.

Всё бывшее обниму мыслями своими,
Вспомню, как страдал, любил, верил
в безнадежность,
Знал я искренность души, доброту
и нежность.

1839

ДЕВУШКА

Ах, чем же твоя, девушка, головка занята?
Иль не надоела тебе чужая хата?
Ты кому же доверяешь,
Свое сердце преклоняешь?
Не будет тут пути.

Заманила ты молодцов двух,
 как птичек в сети.
Днем и ночью они рады к тебе прилетети.
И ты к ним летаешь,
Челядь панскую смущаешь
На великий грех.

Заманила бы ты ловчего, он же и стрелец,
Музыкантом был когда-то, русский певец,
А стрелец, молодой парень —
Не большой хозяин,
Будешь без хлеба.

Полюбила садовника, да и то не в путь.
Он слуга господский, осторожней будь:
Женою тебе не быть,
Детей тебе не учить,
Ведь ты не умеешь.

ЯН ЧАЧОТ

Белорусский и польский поэт, фольклорист Ян Тадеушевич Чачот родился 7 июля 1796 г. в д. Малюшичи теперешнего Карелицкого района в обедневшей шляхетской семье. Учился в Новогрудской доминиканской школе, где подружился с А. Мицкевичем, и в Виленском университете. Один из инициаторов, организаторов и руководителей тайных студенческих товариществ филоматов и филаретов, писал для их сходов белорусские стихи, песни и драматические сценки. После разоблачения товариществ (1823) сослан на Урал, затем переведен в Уфу (1825) и Тверь (1831). Вернулся на родину, занялся собиранием и изданием белорусского фольклора. В 1837-1846 гг. в Вильно вышли шесть сборников, куда включены также оригинальные стихи Я. Чачота. Умер 23 августа 1847 г.

О ТЫ, КРАЙ МОЙ НЕСЧАСТЛИВЫЙ!*

О ты, край мой несчастливый!
Где ж сыны твои, Отчизна?
И дождутся ль твои нивы
Солнца, света, воли, жизни?

Грабит враг тебя открыто.
Жутко, страшно поневоле.
Жертв не счесть. И, гладкий, сытый,
Лишь смеется нашей доле.

Память втоптана в болото
Наших предков, честь и совесть.
Кары, горя ждут сироты,
Над гробами плачут вдовы.

В нас растут братоубийцы
И предатели богато:
Бойся друга-кровопийцы,
Бойся, брат, родного брата.

О ты, край мой несчастливый!
Где ж сыны твои, Отчизна?
И дождутся ль твои нивы
Солнца, света, воли, жизни?

Как же матери в награду
Могут долю выбрать детям?
Как же нашенским девчатам
Женихов найти на свете?

1823

**ИЗ ЦИКЛА
«СОБСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕСНИ»**

* * *

Ах же ты, цветочек мой,
Ах, моя ты пташечка,
Ах, моя ты зоренька,
Ах, моя ты девочка,
Что ж мне, бедному, свершить,
Чтоб с тобою век прожить?

Если будешь горевать,
Отца, мамку почитать,
В церковь праведно ходить,
По корчомкам не блудить,
Меня искренне любить,
Век свой будем вместе жить.

1844

* * *

Поле, поле широкое,
Небо, небо глубокое!
Боже! Молимся тебе неустанно,
Прими добрые наши пожеланья.

Солнцем вся земля сияет,
С небом ясным обсуждает,
Что все это — твоим даром,
Вседержитель ты не даром.

С ясным небом и землею
Бьем челом перед тобою!
С чистым сердцем и душою
Бьем челом перед тобою!

Благословенны будут дети,
Труд наш здесь на белом свете,
Благословенны будут люди,
Хорошо пусть всем нам будет!

1844

АДАМ МИЦКЕВИЧ

Великий польский поэт Адам Мицкевич родился 24 декабря 1798 г. на хуторе Заосье близ Новогрудка. Вскоре семья переехала в Новогрудок, где прошло детство поэта. В 1815 г. поступил в Виленский университет, который окончил в 1819 г. Свои первые поэтические произведения он опубликовал в 1822 г. В 1824 г. поэт был выслан царскими властями из Литвы, жил в России, где сблизился с декабристами, с А. С. Пушкиным. Летом 1832 г. Мицкевич переехал в Париж. В 1840-44 гг. читал лекции о славянской литературе в Париже, в дальнейшем в Лозанне. В 1849 г. редактировал демократическую газету «Трибуна народов», выступал со статьями революционно-демократического характера. Умер 26 ноября 1855 г. в Константинополе от холеры.

НЕМАНУ*

Родимый Неман мой! Где ж ныне твои воды,
Что черпал в отрочестве я в свои ладони,
И где я плавал, страстью пробужденный,
Искал прохлады сердцу безнадежно годы?

Лаура дивная на лоне тут природы
Любила косы заплетать заворуженно.
В серебряной волне плыл облик ее томный,
И слезы юности душили отчего-то.

Родимый Неман мой! Где ж время дорогое,
А с ним и счастье, вера, детское веселье?
Какой мечты развеяло метелью?

Где ж ураганы, бури века непокою?
Лаура где? Друзья? В какой забились келье?
Минуло все. Лишь память бережит живое.

1822

БЕСЕДА*

Любовь ты моя! К чему разговоры?
Тебе целый мир я хочу пожелать
И душу готов свою просто отдать.
Зачем громоздить словесные горы?
Сердца, ума они не достигнут
И лишь на устах нелено застынут.

Любовь ты моя! Не злись, будь веселой.
Тебя так хочу я ласкать, целовать,
Насколько сил хватит, пока еще молод, —
Всегда и везде без конца воспевать,
Пока я на это буду способен,
И ты от меня не уйдешь до гроба.

Устали уста в пустых словопрениях,
Теперь слить хочу с твоими устами,
Вести разговор только сердцебиеньем,
Дыханьем одним, одними глазами.
И так говорить часы, дни и лета.
До света конца и за концом света.

НЕУВЕРЕННОСТЬ*

Когда не встречаю тебя, я не плачу.
Снокою, коль встречу. Молюсь за удачу.
Но если надолго ты вдруг пропадаешь,
Тебя не хватает — тотчас ощущаешь.

Печальный, вопрос себе ставлю ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

Когда отойдешь ты, в сомнениях тешусь
Припомнить твой образ и трачу надежду.
Однако я чувствую все же порою,
Что образ всегда твой прекрасный со мною.

И снова вопрос себе ставлю ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

Хоть ведал я горе, но лишь своей болью
Делиться с тобой не хотел поневоле.
Нередко без цели тревожа дорогу,
Всегда приходил к твоему я порогу.

И, в дом заходя, разбирался ненужно:
Любовь ли меня привела или дружба?

Всю жизнь за тебя отдать я хотел бы,
Продался бы аду и не пожалел бы.
Твое бы иметь мне желанье такое,
Чтоб был я здоровьем твоим и покоем.
И снова вопрос себе ставлю ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

Когда ты положишь мне руку в ладони,
То сердце восторг бередит восхищенно.
Сном легким навеки засну: куда деться?
Но будит меня беспокойное сердце

И ставит вопрос предо мною ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

Когда для тебя эту песню слагал бы,
Сказать еще многое я пожелал бы.
Но я не заметил, как ткалась основа
И мыслей высоких, и рифмы, и слова.

Закончив, вопрос снова ставлю ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

1825

СОН*

Когда придется мне сказать «прощай»,
А в сердце вспомнятся слова признания, —
Оставь без слов, но все ж не добивай
Меня суровым словом — «расставанье»!

Когда поют на зорьке соловьи,
Ты по росе прижмись ко мне с услдой,
Последним поцелуем напои
Ты на прощанье, каплей горькой яда.

Расстанемся, — и станет мир бледней;
Бессильный, утону в твоих ладонях
И зацелую синь родных очей,
Завороженный глубиной бездонной.

Там до скончанья века я просплю,
А в Судный день, когда востру́бят трубы,
Сойди на землю, вымолви «люблю»,
Чтоб разбудить, кто оставался любим

И мне покажется, что не прошли века;
Совсем недавно я тебя покинул, —
Завороженный синью глаз, слегка
Я задремал и все с себя низринул.

ВИНЦЕНТ ДУНИН-МАРЦИНКЕВИЧ

Классик белорусской литературы XIX в. Винцент Якуб Дунин-Марцинкевич родился 23 января (4 февраля) 1808 г. (по некоторым данным, 1807 г.) в поместье Бобруйска в семье обедневшего шляхтича. В 1819 г. был отдан под опеку митрополита римско-католической церкви С. Богуи-Сестранцевича, проживавшего в Санкт-Петербурге, затем в Вильно. Два года учился на медицинском факультете Петербургского университета. С 1827 г. работал в различных учреждениях Минска, переводил с польского на русский. В 1840 г. переехал в поместье Люцинка Минской губернии, где прожил до конца дней своих. Поддержал участников восстания 1863 — 1864 гг. под руководством Кастюся Калиновского, был арестован, провел более трех лет в тюрьме. Умер 17 (29) декабря 1884 г.

Писал поэмы, пьесы, перевел на русский поэму А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1858).

• **ГАПОН**
(Отрывок из поэмы)

Песня 1

Коль душа огнем объята,
Что ж стоите, как телята?
Ну-ка, хлопцы, молодницы,
В пляс «метелицей», как птицей!
Из комедии-оперы «Идиллия»

Гомон, крики, шум в корчме,
Пляшет сельская дружина.
Пьет горелку в полутьме,
Разважаются чуприны.

Гости громко за столом
Разговор смешной ведут,
А корчмарка с корчмарем
Мед и пиво раздают.

Хлопцы, девки, молодницы
У порога гомонят,
Перезрелые девицы
У печи рядком сидят.

Посреди скринач играет
То «лявониху», «бычка»,
Поддает Гапон, гуляя:
— Ну-ка, врежь нам «казачка»!

Закрутилась Катеринка —
Так подсунул кулаком:
«Выходи, моя малинка!» —
И затопал каблучком.

«Веселей, скринач бывалый!» —
Восклищает наш Гапон,
И пошел в пляс разудалый,
Закружился бесом он.

То вприсядку заправляет,
Только стонет бедный пол,
То чечетку отбивает,
Аж на лбу дрожит хохол.

«Ах, ух! Поддай жару,
Давай крепче! Давай пару!»
Во всю мочь Гапон гуляет
И под скрипку подпевает.

«Эх, ух, Катеринка!
Черевички красны;
Кому светят, кого любят
Твои очи ясны?
Эх, ух, Катеринка!
Твои кудри вьются,
Скачет, пляшет моя милка,
Щечки лишь трясутся».

Трижды взвился, загремел,
Трижды выгнулся выноном,
Замер, прыгнул, пролетел
И прошёлся ходуном.

•

Катя ручками всплеснула,
Из-под челочки взглянула.
Фьють! Платочек распустила,
Трижды пяткою подбила,

Ножки чудные мелькают,
Черевички в лад скрипят,
Очи весело сверкают,
Будто искорки летят.

Косы русые взлетают,
Ленты, словно жар, горят;
А как скрипочка взмывает,
Начинает припевать:

«Милый Хартон, милый Савка
Да милейший мой Гапон,
Сокол ясный, пояс красный,
А поёшь — как перезвон!
Не хочу Савки, Хартона, —
С ними жизни не быть,
Нет милее мне Гапона,
С ним не буду я тужить».

Пляшет, машет, подпевает,
Щечки стали пламенеть,
То как лебедь подплывает, —
Любо-дорого глядеть.

А скрипач — известный ухарь! —
Вроде некуда манить,
Режет, тянет из-за уха,
Скрипка стонет и звенит.

И «метелицу» играет
Емко, громко, чуть не час!
Без конца смычок взлетает,
Струны плачут, гудит бас.
Локоть выставив на брюхо,
Нос скрипач аж в скрипку вжал,
Чуть замолк и из-за уха
На «лявониху» поднял.
Схватил Гапон Катерину,
Смело к сердцу притянул,
Обхватил рукой за спину
И в «лявониху» рванул!

А за ним вслед молодежи,
Девки, хлопцы, кто как мог,
Лихо начали кружиться —
Суматоха — не дай Бог!
Всё от пыли потемнело,

Хохот, визг, и шум, и крик,
Как в кастрюле закипело,
Как на скот напал вдруг бзик.
Тот — вприсядку, этот — с лёту;
Не успеет чуб взлететь,
Эта боком, эта скоком
И давай к тому же петь:

«Ах, когда у отца, матери была,
Как вишенка в садочке цвела,
Я попалась злему духу, муженьку!
Он как липку вытряс, вынул как соху.
Понаехало татар со всех сторон,
Взяли мужа моего в полон;
Не жаль же мне, что его взяли,
Жаль только, что не крепко связали;
Он, поганец, убежит-убежит,
Бед немало натворит-натворит.
И придется мне куда-то убежать,
С воробьями под стрехою ночевать».

Дальше крикнула Татьяна,
Ухватившись за Ивана:
«Пошел Янка по грибы,
Татьяна — за опятами,
Встретились, обнялись,
Как дети, заигрались...»

А за нею Халимон
Вторит, что церковный звон:
«Ой, Боже, мой Боже!
Зачем я родился,
Состарился, как собака,
До сих пор не женился».

Перестал. Ганка в пляс вспорхнула
И тоненько затянула:
«На улице куцый пес брешет,
А ко мне миленок чешет.
И то чешет, то не чешет,
Да недаром куцый брешет!»

Вот так пляшут, припевают,
Хохот, крики, шум стоит.
Пыль столбом, не оседает, —
И смычок вовсю визжит.

И тут — скрип! И настежь двери!
Лезет староста... Тревога!
Управляющий, как зверь,
Следом, — словно из берлоги.

И настрой у всех пропал,
Страх танцующих объял.
И скрипач не устоял,
Повалился на народ,
По всем струнам зашипел
И закончил хоровод.

И Ганону не до танцев,
Как увидел тех поганцев:
Сразу понял и привстал,
Во всё горло закричал:

•

«Ой, будет нам тошно, братцы!
Бегите, хлопцы, без оглядки.
Недаром же стали шептаться,
Что в рекруты будут набирать.
Побрал бы лихой их бес!
Кто может, бегите в лес!»

Суета, шум, беготня,
Все бегут как от огня.
Кто-то в двери упирает,
Кто-то прячется под стол,
Кто в окно стремглав сигает,
А Ганон приладил кол
И, спиной став у печи,
Как метлой, давай мести.

Вот когда охотников туча
Толпой медведя обложит,
Тот от злости вскипает круче
И ждет погладить, кого сможет,
Да так, что всяк забрешет.
Так Ганон наш колом чешет.

Он вертелся, словно выюн,
Сюда-туда кидался,
Не жалея, бил, кто попадался,
Но староста был не болтун!
Глядь! Полотенца и перины,
Кожухи и мешковины
На Гапона стал кидать.
Как же было не поймать:

Его, бедного, связали
Да в колодки заковали:
Будет водить хоровод!
Катеринка побледнела,
Закричала, обомлела:
Настал для них черный год.

1855

ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ

Псевдоним Владислав Сырокомля принадлежит популярному польскому и белорусскому поэту-демократу Людвигу Кондратовичу. Родился 29 сентября 1823 г. в усадьбе Смольгово на Любаницине. Учился в Несвиже и Новогрудке. Жил на Столбцовщине, а потом в Вильно. Сырокомле принадлежит популярное стихотворение «Ямщик», переведенное на русский язык и ставшее народной песней. Им написаны стихотворные и драматические произведения, основанные на белорусском фольклоре, белорусской действительности. Занимался он также краеведением. Дружил с В. Дуниным-Марцинкевичем, поддерживал его творчество в польской печати. Умер 15 сентября 1862 г. в Вильно.

ЯМЩИК*

«Все пьют и гуляют. В разгаре забавы.
Один ты, как враг в неволе.
На чарку! — Закурим, садись-ка на лаву.
Причину поведай недоли.

Ни кони, ни сани, ни даже девчата
Тебя не волнуют нимало.
Два года мы видим уже непредвзято,
Что ты не такой, как бывало». —

«Ой, горько и тяжко! Печаль все сильнее,
Не мило на свете, не мило;
Дай выпить! При чарке бываешь смелее.
Послушай, со мною что было.

Служил ямщиком я, силен был и молод,
Гулять до утра был охочий.
На почте работа — день целый приколот,
Ни праздников нет и ни ночи.

Пакеты возил всякий раз спозаранку
Исправно, усердно и рьяно.
Хорошие вести — тогда и гулянка:
Веселый, и сытый, и пьяный!

Имел я девчат и приятелей много,
Был с писарем равным — и квитым!..
А кони ж — как свистну, летят над дорогой,
Сверкают одни лишь копыта!

Хороший был хлопец, пример на гулянье,
Слюбой танцевать мог дивчиной.
А пан с тобой едет, подхватишь где панну, —
И два золотых тебе кинут.

Да только сам крепко любил я девчонку:
Жила тут в деревне у поля.
Ее миновать, если ехал стороной,
Ни разу себе не позволял.

Зовёт как-то писарь ещё до рассвета. —
Оделся, иду чертыхаясь.
Метель — Боже, правый! — ни лучика света.
Зима во всю ночь разгулялась.

«Вези эстафету!» — «А чтоб уж стореда!» —
Я буркнул под нос и собрался,
Коня оседлал и решительно, смело
Верхом по сугробам помчался.

Такой за всю жизнь не знавал я метели:
Унять не могу некой дрожи.
Версты две мы с сивкою вмиг пролетели,
Столб третий минуем... О, Боже!

Как будто о помощи кто-то вызывает,
И слышится голос сквозь слезы.
Подумал: подьеду! Видать, пропадает
В снегу и на лютом морозе.

Коня повернул, а в ушах шепот тонкий:
«Куда? Ну а писарь незванный?»
Слепи! Час урвешь и поедем к девчонке
Своей как-никак и желанной!»

И страх сердце стиснул, и дыбом встал волос,
Забегали жутко мурашки...
По тракту поехал, хоть шепчет мне голос,
Что грех это страшный и тяжкий...

Отвез. Возвращаюсь. Версты три до дома.
Страх сызнава мучает скрытый.
Так трудно мне стало, и сердце, как в коме,
Бубенчиком бьется разбитым.

Вдруг конь испугался. И вздыбилась грива.
Храпит. Напружинились ноги.
Гляжу я: лежит кто-то явно застывший
В сугробе у самой дороги.

Слезая. Иду. И полою полегче
С лица снег сметаю постылый...
О, Боже! Она!.. Дайте чарку покрепче...
Рассказывать больше не в силах».

ДОБРЫЕ ВЕСТИ
(Отрывок)

Заходит солнце погожего лета,
И веет ветер с прозрачных небес.
Приветствую, ветер! Из дальнего света
Добрые вести принес в наш лес!

Здоровы ж будьте, добрые вести!
На Западе там проливают кровь.
Бьются для славы, свободы и чести,
Свободными делают мужиков!

Гудят без устали песни и танцы —
Обильно жнивье на счастливый год.
Хватит вам, хватит, цари-поганцы,
Тоштать в болоте крещеный народ!

Хватит, чиповники, в ясной карете
Хватит являться помпезно во двор!
Хватит вам, хватит, мужицкие дети,
С нищих остатки брать на побор!

* * *

Вот уж и птицы запели повсюду,
Вот уж и вербы зацвели,
«Скоро весна!» — улыбнутся люди.
Но все же когда? И в какой дали?

Что принесет весна нам, Боже?
Мы уж отвыкли от теплой весны...
Ели, и сосны, и мох роскошный
В нашем краю и так зелены...

ФРАНЦИШЕК БОГУШЕВИЧ

Классик белорусской литературы Францишек Богушевич родился 9 (21) марта 1840 г. в поместье Свираны Ошмянского уезда Виленской губернии в семье обедневшего шляхтича. В 1861 г. окончил Виленскую гимназию и поступил на математическое отделение Петербургского университета, но вскоре был исключен за участие в студенческих демонстрациях, вернулся на родину, работал учителем в частной школе. Участвовал в восстании 1863-1864 гг. под руководством Кастуся Калиновского, был ранен. Спасаясь от преследований, переехал на Украину, в г. Нежин, где поступил в юридический лицей. Работал судебным следователем и адвокатом на Украине, в России, затем переехал в Вильно, где прожил до середины 1890-х гг., работая в судебных органах. С 1898 г. жил в Кушлянах, где умер 15 (28) апреля 1900 г.

Первый сборник стихотворений Ф. Богушевича «Дудка беларуская» был опубликован в Кракове под псевдонимом Матей Бурачок в 1891 г., вторая книга — в Познани под псевдонимом Симон Ревка из-под Борисова в 1894 г.

БОГ НЕ РАВНО ДЕЛИТ

Бог сирот любит,
Но судьбу не дает.

Пословица

Кем свершается по свету,
Что не равно делит Бог?
Один ходит по паркету,
В позолоте с плеч до ног,
 А другому, чтоб прикрыться
Хоть тряпицей — адский труд:
Решетом худым светится,
Сплюнь заплаты, нищ и худ!
Один хат имеет много,
Да огромных, как костел;
Завести туда бы Бога,
Тот из них бы не ушел.
 У другого — дом понурый,
Ветер воет, дым да снег;
Тут корова, свиньи, куры...
Тут неволя, тут и грех!
Этот катится в вагоне, —
Мяко, тихо, только жить!
Поезд мчит, как ветер гонит,
Он себе лишь спит и спит!

Тот в метель, мороз, убогий, —
Перехватывает дух,
С клунком трусит по дорогам
С головы до пят в снегу!
Этот хлеба и не знает,
Только мясо да пирог;
Псам заботливо бросает,
Одолеть что сам не смог.

А другой жует мякину,
Хлещет квас, ест лебеду,
И живет он со скотиной,
Волу пьет с ней на беду!
Одному в карманы служки
Набивают сотни сот;
Руки — пухлые подушки,
Как кисель, дрожит живот!

А другой с утра до ночи
Проливает тяжело пот,
Высох, словно хвост сорочий,
От недоли, от забот.

1891

-

ЖЕРТВА

Помолись, моя матушка, Богу,
Никогда чтоб я паном не был:
Никогда не желал бы чужого,
Свое дело как нужно творил.
Чтоб пред меньшим нос не задирали,
Перед старшим не гнул бы спины,
Чтоб свой грех пред собою я знал,
Не искал бы другого вины;
Жен чужих не вводил бы во грех
И, как должно, свою бы любил,
Чтобы детский мне слышался смех,
Чтоб отцом для них век бы дожил.
Чтоб людей я за братьев считал,
И богатство свое дал за них,
Чтоб за Родину жизнь бы отдал
И не жаждал отчизны других.
Чтобы Бога никак не гневил,
Не продал бы за грóши наш люд,
Своего чтоб добра не пропил
И чужой не имел даром труд.
Чтобы дважды мне деньги не брать
За продажу земли никогда,
Чтобы землю свою мне пахать
И на ней умереть без стыда.
Так проси ж ты у Бога, моли,
Чтобы паном я не был, вели...

ЯНКА ЛУЧИНА

Псевдоним Янка Лучина принадлежит Цезарю Люциановичу Неслуховскому, одному из зачинателей белорусской поэзии. Родился 6 июля 1851 г. в Минске в обедневшей дворянской семье. Учился в Минской классической гимназии, в 1871 г. поступил в Петербургский университет, затем перешел в Петербургский технологический институт, который окончил в 1877 г. Работал в Тифлисе, примерно с 1879 г. — в Минске на железнодорожных службах, одновременно писал стихи на польском, белорусском, русском языках, переводил стихи (в основном В. Сырокомли) с польского на русский. Умер 16 июля 1897 г.

Автор двух книг, опубликованных в 1898 г. («Поэзия», на польском языке) и в 1903 г.

РОДНОЙ СТОРОНЕ

Ты пораскинулась лесом, болотами,
Дюной песчаной, неурожайною,
Мать ты земляца, и умолотами
Хлеба даешь нам меру случайную.

Сын твой прикрылся бедной сермягою,
Лыком плетеные лапти обувши,
Едет разбитою вдрызг колымагою,
Конь еле тянет, словно заснувший.
Все в тебе бедно. Часто заплачет
Пахарь твой из-за неправедной доли,
Тяжко работая. Он же, батрача,
С тобой не простится по собственной воле.

И неприглядную хату с пожитками,
Поле скуное, выгон пропащий
Мы, хоть задавлены вечно убытками,
Любим и ценим — все они наши.

Даст Бог, кровавым пóтом заклятую
Как-то удóбрить земельку вдруг справится,
Быть добросытому, хоть небогатому,
Ну, а на праздник и чарка поставится.

Солнце науки сквозь тучи темные
Ясно над нашей засветится нивою,
Жить будут дети, не обделенные
Доброю волею — долей счастливою.

ВЕСНА

Скажут люди: «Весна!» — пишет так
календарь.

Кто ж узнает ее, если сыплется снег.
И соху зря готовит крестьянин, как встарь,
Аист к нам прилетел, словно курам на смех.
Но летят журавли с криком звонким —

ключом,

Юг покинул кулик, чайка где-то кричит,
А все ветер как дул, так и дует притом,
Гул по лесу идет: «Еще лету не быть!»
Ой, ты, доля моя — как вот эта весна.
Ты ко мне не идешь — хоть давно бы пора!
С горькой чарки как пил, так и пью я до дна,
И не светит еще мне в потемках заря.
Отзовись! Где же ты? — за тобою пойду
На край света искать! — я не вижу межи...
Отзовись, соловейкой залейся в саду!
Ясною звездочкой глянь!

— Где ты, доля? Скажи!..

СИВЕРКО

Эй ты, сиверко-ветер! Не пужен ты нам:
От полудня тепла нет, одна полутьма!
Хоть бы раз без тебя зеленеть бы полям,
Хоть бы раз без капризов ушла бы зима!
Человеческий дух встрепенется в груди,
И забудется море печалей и слез.
Стихни, сиверко, спи. Хоть в лесу не гуди.
За седой океан убегай, злой мороз!..

АДАМ ГУРИНОВИЧ

Поэт-революционер Адам Гилярий Каликстович Гуринович прожил короткую, но яркую жизнь. Родился 13 (25) января 1869 г. в имении Кавальки на Мядельщине в семье родовитой, но обедневшей шляхты. Окончил Виленское реальное училище. В 1887-1893 гг. учился в Петербургском технологическом институте, где присоединился к революционному движению. В 1893 г. возглавил нелегальную группу польско-литовско-белорусской и украинской молодежи. Заказывал для нее из-за границы марксистскую литературу, вел пропагандистскую работу среди петербургского и виленского пролетариата, был арестован. И только тяжёлая болезнь — черная оспа — заставила власти отпустить поэта в имение его матери Кристинополь (на Сморгонщине) под наблюдение полиции. Там он и умер 23 января (4 февраля) 1894 г., не увидев в печати своих стихов. Писал А. Гуринович на белорусском, русском и польском языках, много переводил.

* * *

Сколь вы сладки, ушедшего звуки!
Рад вас слышать и ночью, и ранью!
Снова слезы печали и муки,
Снова слышу любимой дыханье.

Сердце чуть успокоится праздно,
И опять неотступны сомненья,
Снова образ мелькает прекрасный,
Мысли тяжело теснят сновиденья.

На мгновенье покой наступает,
Дальше — только видения зримо,
Только рвется душа и страдает,
И вновь вижу я облик любимой.

Жизнь великолепна! Фатальное слово
И самое трудное людям задание.
Кто только не бился с ним снова и снова,
Кто сил не жалел, не искал оправдания!

Так! Жить мы хотим, и хоть тяжело бывает,
Хоть смерти, как счастья, мы ищем часами,
Но время проходит, беда отступает.
А что будет дальше — не ведаем сами.

Жизнь, словно будильник, идет неуклонно.
И ноша, что тянем, нас ниже сгибает.
Свободно, размеренно, жестко, мудрёно
Своим чередом все в веках исчезает.

ВЕСНА

Ты к нам опять вернулась,
Бледной осени сестрица!
Юной феей обернулась,
Ты румяна, светлолица!
Ты откуда же здесь, милая?
Где жила-была далёко?
Мы не ждали, дорогая, —
Хоть одним бы видеть оком.
Знали мы, что ты вернешься,
Край не бросишь несчастливый,
Золотым лучом прольешься
На луга, поля и нивы.
Под лучом твоим чудесным
Оживают небо, лица,
Расцвети цветы прелестно
И запели в роще птицы.
Гнёзда ласточки беспечно
Пол стрехой начнут свивать,
Полетит журавлик к речке
Тварь болотную искать.
Скоро в поле с песней звонкой
Выйдут пахари пахать
И под песню жаворонка
К Богородице зывать:

Чтоб налитым было жито,
Чтоб косилось при погоде,
Уродилось чтоб досыта
И в полях, и в огороде.
А как вывезем всё с поля,
В гумнах скирдами уложим,
Так помолимся в костеле
И тебя восславим, Боже...

ТЕТКА

Тетка (Алоиза Степановна Пашкевич) родилась 3 (15) июля 1876 г. в имении Пецин Лидского района Виленской губернии в семье зажиточного крестьянина. Окончила Виленское частное семиклассное училище В. Прозоровой в 1901 г. В 1902-1904 гг. училась на курсах А. Ф. Лесгафта в Петербурге. Стала одной из основателей партии Белорусского социалистического общества, членом ее ЦК. В 1904 г. экстерном сдала экзамен за полный курс Александровской женской гимназии в Петербурге, вернулась в Вильно. Из-за революционной деятельности вынуждена была эмигрировать в Галицию. Во Львове поступила на философский факультет университета. В 1906 г. напечатала сборники революционных стихов. Нелегально приезжала на родину, участвовала в издании газеты «Наша доля» (1906). Заболела туберкулезом, выехала в Закопане. В 1908-1909 гг. жила в Кракове, поступила на философский факультет Ягелонского университета. В 1911 г. вышла замуж за инженера С. Кайриса и вернулась на родину. С театром И. Буйницкого ездила по Белоруссии как актриса. В 1914 г. в Минске была редактором молодежного журнала. В годы Первой мировой войны работала сестрой милосердия в Вильно. Умерла от тифа 5 (18) февраля 1916 г.

Писать начала в 1902 г. Вышли сборники поэзии Тетки, избранные произведения — в 1952, 1967 гг.

• В ДОРОГУ

Через моря, океаны
Полечу я в далекий край,
Потому что люблю ураганы,
В бурях я ощущаю рай;
Ибо в дикой, страшной буре
Легче думам моим плыть;
И на гребне волн могучих
Песню я могу сложить;
Ибо только на просторах
В звонкой лире зреет слух;
Ибо в дикой страшной буре
Крепнет мой свободный дух.

1906

МОИ ДУМЫ

Хотела б быть зерном пшеницы,
Упасть на нивы Божьи.
Зазолотиться, без метлицы
Дать вкусный хлеб немножко.
Хотела б быть я речкой быстрой,
Умчаться в край родной.
Где напоить, где искупать,
А где умерить зной.
То зашуметь, то зашептать,
Мечтать в прекрасном сне,
То вновь сорваться и гулять,
Водой кипеть в огне.
Так разгореться, так слепиться,
Чтоб ввысь волной взмывать,
Похитить солнце, вновь спуститься —
Свет человеку дать.
Страстно двигаться к свободе,
Каплю счастья, доли влить,
Думать о своем народе,
Край родной всегда любить.
То рассыпаться росой
По травинкам вдоль дорог,
То обняться так с землею,
Чтоб никто разнять не мог!

Либо ветром обернусь я
Да над миром пролечу,
Черным вихрем закручусь я
И на месяц заскочу,
Со всей силы и размаху
Огнивом по звездам дам.
Искры высыпет от страха,
Задрожит и месяц сам.
«Кто, откуда, чего хочешь,
Чего воешь и шумишь?
То сквозь слезы нам хохочешь,
То горишь весь и дрожишь?»
«Я — посланец, ветер буйный,
Прилетел на суд вас звать!
У нас ночь, и край наш хмурый.
Люди спят — не оторвать.
Я там бился, я там вился,
Я им хаты поломал,
Но так все же не добился,
Чтобы глас народ подал!..»

1905-1906

-

БУРЯ ИДЕТ

Вновь нависли злые тучи,
Вновь закрыли небосвод,
Вновь простор мечтам летучим.
Вновь настанет черный год.
Вновь нас буря сотрясает,
Вновь грома́ грохочут рядом,
Вновь природа поражает,
Вновь нас бьет дождем и градом.

1906

ЯНКА КУПАЛА

Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич) родился 25 июня (7 июля) 1882 г. в имении Вязанка Минской губ. в семье безземельного арендатора. В 1898 г. окончил Белорусское народное училище. Учился на общеобразовательных курсах А. С. Черняева в Петербурге (1909-1913), в университете А. Л. Шанявского в Москве (1915). В 1908-1909 гг. — сотрудник газеты «Наша нива» (бел.) в Вильно и одновременно сотрудник библиотеки Б. Л. Даниловича, с октября 1913 г. — секретарь Белорусского издательского товарищества, в 1914-1915 гг. — редактор «Нашей нивы». Во время Первой мировой войны, с 1916 г. служил в армии. В 1919 г. переехал в Минск. Участвовал в литературно-общественной и культурно-художественной жизни республики, в образовании Белорусского государственного университета, Академии наук БССР, национального театра, в развитии издательского дела. С 1925 г. народный поэт Беларуси, академик АН БССР (1928) и АН УССР (1929), с 1940 г. — депутат Верховного Совета БССР.

Писать начал на польском языке в 1902 г. Первое стихотворение на белорусском напечатал в 1905 г. Автор многочисленных сборников стихов. Лауреат Сталинской премии (1941). Переводил на белорусский

*язык стихи Т.Шевченко, Н.Некрасова,
А.Кольцова, И.Крылова, А.Мицкевича и др.
Трагически погиб в Москве 28 июня 1942 г.*

МОЯ ВЕРА

Не верю идолам поганым,
Хоть украшают их дары.
Божкам не верю, истуканам,
Которых красят маляры.

Не верю купленным пророкам,
Что за копейки людям лгут,
Следя ревниво жадным оком,
Когда червонцы поднесут.

Не верю фокусников чуду
Любых народов и веков,
Пуускают что туман повсюду
В глаза доверчивых слепцов.

Не верю каменным часовням,
Распявшим дух живой в крови,
Загнавшим в рабские загоны
Всё — от свободы до любви.

Ни за какую плату, меру
Не дам сломить себя в борьбе...
В народ и край свой только верю
И верю собственной судьбе.

1905-1916

. МОЯ МОЛИТВА

Я буду молиться и сердцем, и думами,
Распятою буду молиться душой,
Чтоб черные тучи метелиц безумными
Ветрами не выли над отчей землей.

Я буду молиться до солнышка ясного,
Несчастных зимой согревать сиротин,
По пашням бродя и по пажитям ласковым,
С людьми оставаясь как любящий сын.

Я буду молиться пред небом и гробами,
Что дико над нами гуляют подчас
И нищих дорогами гонят бездомными,
Чтоб молний и града не слали на нас.

Я буду молиться ночами и плакаться,
Ведь звезды безжалостно гасят они,
И если звезда хоть одна с неба скатится,
Кто-либо срывается в вечные сны.

Я буду молиться полям всею силою,
Чтоб щедро и вечно платили за труд,
И сельскую хату поднимали бы хилую,
Надежды свершенными видел наш люд.

Я буду молиться и сердцем, и думами,
Распятою буду молиться душой,
Чтоб тучи метелиц ветрами безумными
Не выли над отчей землей, надо мной.

1906

* * *

Оставьте попусту рок грозный проклинать,
Плач зарывать сквозь слезы в глубь земли, —
Нам нужно жить и судьбы поправлять,
Чтобы погомки после не кляли.

Кривые тропки темного житъя
Науки солнцем стоит осветить,
Чтоб мы — любой: и взрослый, и дитя, —
Не заблудившись, век смогли дожить.

Свободы знамя соберет нас вмиг
И пусть ведет на битву с тьмой и злом,
А грозный рев мучителей глухих
Заглушим вольной песни Перунóм.

Наукой, волей снимем боль беды,
Засеем долю — новь родной земли,
И заживем счастливо, без вражды,
Как прадеды не жили, не смогли.

1906

Вы скажете: что-то пою я невесело,
Веселья не вижу совсем у людей...
Не смейтесь, прошу. Правда вас не утешила,
Неправды в душе я не знаю своей.

Как пел до сих пор, так и петь не стесняюсь,
В слезах омываю я песню свою;
От тягот народной судьбы убиваюсь
И только об этом для вас пропою.

Пусть мир отзовется на песню бездельного,
Пусть враг содрогнется от правды людской,
Свободой проникнутся мысли невольника,
И быть человеком захочет брат мой.

1906

РОДНОЕ СЛОВО

Могучее слово, родное ты слово!
Со мной наяву и во сне;
Ты душу пронзаешь мелодией новой,
Звенишь, словно песня, во мне.

Бессмертное слово, родное ты слово!
В гонениях выжить смогло,
Хоть гнули тебя, заточали в оковы,
Да зря! Ты звучишь как назло!

Свободное слово, родное ты слово!
Звучи же смелей, веселей!
Пусть гады беснуются, кружатся совы,
Живешь ты для славы людей.

Гонимое слово, родное ты слово!
Набатом взорвись над землей:
Отчизны язык, даже бедный, суровый,
Милей знатной речи чужой!

1908

ТОПОЛЬ И КАЛИНА

Песней весны лебединою,
Скинув все зимние чары,
Шепчутся тополь с калиною
В грустной долине над яром.

Листики зеленью хвалятся,
Небу ясны их напевы:
Ранней росой умываются,
Нежатся солнцем полдневным.

Тайнам закатов покорные,
Солнце с землей провожают.
В ноченьку скрытую, черную
Звезды и месяц встречают.

Слушают песни русалочки,
Птиц крыльев шорох басистый,
Вскрики гортанные галочки,
Плеск родника серебристый.

Слышится музыка дивная
В сонных болотах коварных...
Тешится тополь с калиною,
Скинув все зимние чары.

1910

ЗВЕЗДЫ

Ночью, когда выходил я из хаты,
На небе звездочки видел четыре.
Их завораживал облик крылатый,
Хоть возносился молитвой я мирно.

Первой — отца ярко звездочка грела,
Матери — слала вторая свет горько,
Третья — моя замерцала, зардела,
Родиной зрела четвертая зорко.

Первая рано погасла, простилась,
Медленно блеск свой теряет другая,
Третья печальною мглой закрылась,
Только четвертая ярче мигает.

1911

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Как летнее солнце свои спрячет косы
И розы небесные вспыхнут несмело,
Ночь сеет тогда серебристые росы,
Над логом туманом спускается белым.

От бледного месяца бледные тени
Ложатся на пашни от роц отрешенно,
И тени ушедших давно поколений
Встают и столбами стоят полусонно.

Над сном непонятные мысли всплывают,
Неслышно кружатся и просятся в сердце,
Где лаской зовут, где фантазией тают
И пламенем адским горят по соседству.

Молитва вечерняя в тот час рождается
И жертвенно падает в сонные дали,
Невидимой нитью к созвездьям стремится,
Плывет и меняется, словно в кристалле.

О, будь вечно славным, заката затишье
С пылающим заревом, месяцем бледным!
Пусть песня покоя мне душу колышет
И вынесет чистой над шумом победным!

1911

МОЯ МОЛИТВА

И в поле раздольном, и в хатке с окошечком,
В минуты раздумий, окрест созерцая,
Молюсь я и этому на небе солнцу,
И звездам, что ночью мерцают.

Молюсь я свободному ветру в лазури,
Что птицей летает от края до края,
Угрозою пасет в высях мрачные бури,
В печных трубах песни играет.

Молюсь и огню я, что сеет пожары,
Порою лихой на немереном свете.
От их беспощадной безжалостной кары
Трепещут и старцы, и дети.

Молюсь животворной воде в половодье,
Днем — доброй, не знающей ночью пощады,
Что пивы полощет и лодки уводит,
Сметая подворья и хаты.

Молюсь я земным и небесным просторам,
Всесильному истово Богу молюсь я
В любых испытаньях, во всякую пору
За землю моей Беларуси.

1912

ПЕСНЕЙ ТОЛЬКО

Песней только на свете живу я,
Только с нею сбиваю росу;
Постигаю, как есть, дорогую
Бесконечную быта красу.

Осветленный безмерно, по свету,
Словно свет сам, блуждает мой дух;
Озираю миры, как во сне том,
И всю жизнь обнимаю вокруг.

Надо всеми, что счастья давно весть
Потеряли от вечных невзгод,
Я творил бы великую повесть
Вечных радостей, вечных свобод.

Громы-молнии с неба хватал бы,
В облаках, что бушуют огнем,
И стрелами народный дух слабый
Поднимал, сотрясал бы, как гром.

Млечный Путь, что небесный детинец
Застилает, на землю бы снял,
Замостил им дорогу — гостинец
Нашим нивам, где ветер устал.

Солнце взял бы огнистое в руки,
От которого край наш расцвел,
Я тем Млечным Путем бы без муки
Человечество к счастью повел.

Только песней мой дух молодится,
И на свете живу только с ней,
Хоть пишу кровью эти страницы,
Кровью сердца Отчизны моей.

1913

ОТЧИЗНА

С землей и небом связывает меня нить,
Не рвущаяся вечно паутина,
Земля меня как верного лелеет сына,
А солнце душу нежит, продолжая беречь.

Я с колыбели научился сна хранить
Об этих близких, тесных мне
 местах родимых,
Что я полей частица наших лебединых,
Что в сердце искорку от звезд не погасить.

(Отец)
Отечизну получил в наследство я без злости,
Здесь рос, чужие в ней не оскверняя кости.
К ней грудью льну, как будто к матери своей.

И если кто-то унижает меня просто,
Он издевается над Родиной моей,
Когда ж над ней — он мне тем делает
больней.

1915

ЯКУБ КОЛАС

Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич) родился 22 октября (3.11) 1882 г. на хуторе Акинчицы (теперь в границах г. Столбцы Минской области) в семье лесника. Окончил Несвижскую учительскую семинарию (1902). Учительствовал в 1902-1906 гг. За участие в нелегальном учительском съезде был уволен (1906). В 1907 г. работал в газете «Наша нива» (бел.) в Вильно, в 1908 г. — в частной школе в деревне Сани Толочинского района. За нелегальную работу был осужден на три года, отбывал наказание в минской тюрьме. В 1912-1914 гг. работал учителем в Пинске. В годы Первой мировой войны вместе с семьей эвакуировался в Дмитровский уезд Московской губернии, где также работал учителем. Был призван в армию, служил в запасном полку в Перми. Летом 1917 г. направлен на румынский фронт, но тяжело заболел и был эвакуирован. Работал учителем, школьным инструктором. По вызову правительства БССР в мае 1921 г. переехал в Минск. Преподавал в Минском педагогическом техникуме, в Белорусском государственном университете, занимался научной деятельностью в Институте белорусской культуры. Со дня образования АН БССР (1 января 1929 г.) был ее неизменным вице-президентом. В 1941-

1942 г. эвакуирован в Ташкент. В декабре 1944 г. вернулся в Минск. Академик АН БССР. Член СП СССР с 1934 г. Награжден пятью орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени и медалями. Народный поэт БССР (1926). Заслуженный деятель науки Белорусской ССР с 1944 г. Дважды лауреат Сталинской премии. Умер 13 августа 1956 г.

Автор многочисленных книг поэзии и прозы. Перевел на белорусский язык ряд произведений А. Пушкина, Т. Шевченко, П. Тычины, А. Мицкевича, Р. Тагора и других поэтов.

НЕ ГРУСТИ

Не грусти, что солнце низко,
Что проходит трудный день,
Не грусти, что осень близко,
На поля ложится тень.

Не грусти, что снег холодный
Скроет землю от очей.
Не погибнет дух народный
В этой темени ночей!

Час наступит — снег растает,
Снова к нам придет весна,
Солнце с неба ясно глянет,
И пробудится страна.

Не грусти, что трудно стало
Жить в проклятой темноте,
Что нас доля вечно гнала,
Прозиябали в нищете.

Не грусти, что правят твари,
Что нам солнца не видать.
Не грусти, что в ночь пожары
Стали небо заливать.

Дымом вынесет лихое,
Все, что душит и гнетет.
Верь, брат, время золотое
Мать-Отчизну нашу ждет.

1907

МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

Я пойду на свиданье с любимой, родной,
Чтоб побыть с ней хоть пару минут,
Пусть же думы мои побегут чередой,
Так, как тучи на небе плывут.

И я волю им дам, где им любо лететь,
Как летали всегда только к ней.
Полечу с ними сам, буду песни там петь,
Ощутить чтобы счастье полней.

Не скажу только я, что мне любя она
И как радостно с нею мне быть.
Ведь родная моя, моя радость — сосна,
Что в лесу, словно панна, стоит.

* * *

М.Д.М.

Ты без меня, а я далёко.
Над степью синь небес и стынь,
И снег степной туманит око,
И грустно мне, ведь я один.

За время наше я немало
В разлуке был — хвала судьбе! —
Рука моя не исписала
Всего, что думал о тебе.

Я знаю — ведала ты горе,
И горечь дум пила до дна.
Я много выслушал укоров,
Хоть ты в душе моей одна.

— Прости меня! — скажу я только, —
Ты предо мною наяву,
Забудь печали, горе, боли —
Тобою жил, тобой живу.

И близко ты, и ты далёко.
Над степью синь небес и стынь.
Чужая степь не тешит око,
И грустно мне, ведь я один.

ЗВЕЗДА

Светит звезда мне из темных глубин,
Вечное небо волшебнo пригоже.
Тайны сокрыты в нем, некая стынъ,
Только найти им название сложно.

Ласково звездочка шепчет: остынь!
Ах, спутник мой, успокойся, небоже!
Носишь ты в сердце печали седин,
Атомы грусти в суме подорожной.

Светлая звездочка! Как ты горишь!
Думы мои унеси в свою тишь,
Мне ж подари ты радость покоя.

Нет: далеко ты, твой холоден жар,
Вечер мой никнет под пологом чар,
Арфа разбита — и чьею рукою?

МОЯ ПРОСЬБА

Пришел мой час податься в дали,
А в сердце грусть и непокой:
Я разлучаюсь с той печалью,
Что согревала теплотой,

Живила добрые порывы
И украшала мои дни.
Я ей скажу, как друг наивный:
«Плыви в объятьях глубины!»

Мне тяжело-тяжко, горько-горько,
Когда подумаю, что я
Тебя не встречу, моя зорька,
Весна последняя моя.

И что сказать мне на прощанье
Пред тем, как двинуться в свой край?
Скажу — согрей при расставаньи
И о себе мне весть подай.

* * *

Где б ни был я и что б ни думал, —
Ты всегда со мною
И во тьме сверкаешь этой
Ясною зарею;

А в часы беды-недоли
Горе разгоняешь,
Грусть-печаль и боль лихую
В сердце унимаешь.

Только встали между нами
Берега крутые,
Все дороги завалили
Камни гробовые...

Вместе в поле вдоль дороги
Две тропинки выются,
Никогда лишь меж собою
Они не сольются.

**ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ
«СИМОН-МУЗЫКАНТ»**

Часть III

1

О, родной край, край пригожий!
Милый край моих дедов!
Что милей на свете Божьем
Этих светлых берегов,
Серебром где льются речки,
Где леса-боры растут,
Пахнет медом, сеном, гречкой,
Разговор поля ведут;
Этой шири безграничной
И болот твоих, озер,
Где под звуки волн криничных
Думы думает простор;
Где, поникнув, плачут лозы,
Навевая боль и жуть,
Где печальные березы
Провожают в дальний путь?

Эй, старинные курганы,
Стражи вечности седой!
Кто насыпал вас чеканно?

Чьёю волею-рукой
Вы разбросаны на поле,
Очевидцы дел лихих?
Вы не скажете нам боле,
Как сражались здесь полки!
Вы путиною неровной
В вечность гоните волну
Вдоль Вилии полноводной
И под светлую Двину.

Край родной мой! Где на свете
Мне другой такой найти,
Где бы рядом с грозной смертью
Жизнь старалась расцвести?
Где бы под руку безопасно
Нищета с богатством шли,
Где б над долей человеческой
Насмехались короли?..
Города, поселки, села
Перепутались гуртом,
Церкви, гордые костелы
С колокольнями притом.
Звоны в церкви неподвизто
И в костелы всех зовут,
Чтоб пред Богом, перед братом
Всем грехи простили тут.

Край родной! За Божье имя
В честь костелов и церквей
Меж детьми давно твоими
Много выросло камней,
Много было чертовщины,
Меч, огонь губили край,
С двух сторон «отцы» дубиной
Загоняли всех нас в «рай»!
Разливалась кровь морями,
Грязь предательства росла,
Что попами и ксендзами
В души брошена была.
И теперь меж нами, братья,
До сих пор царит раздор —
И поповское проклятье,
И ксендзовский наговор.
Братья! Братья-белорусы!
В книге судеб и начал
Искушения искусно
Людем дьявол посылал.
Здесь в краю сходились орды
Сноры силою решать,
Чтобы край наш вольный, гордый
Навсегда завоевать,

В сердце нас смертельно ранить,
Души вытряхнуть навек,
Наши земли опоганить,
Обесславить, как калек,
Чтобы в омуте разрухи
Уничтожить все следы,
Не узнали чтобы внуки,
Кто же были их деды.
Кровь рекой лилась невинных,
Швед добро у нас палил,
Царь российский самочинно
Тут бесчестия творил,
Создавал острог народу,
Императорским пером
Мерил долю и свободу,
А культуру нес дубьем.
И копытами бездушно
Конь казацкий здесь ступал,
Наши земли, наши души
Он безжалостно топтал.

Край родной! Ты разобщенный,
И на западе от нас
Польский пан самовлюбленный
Вожжи взял в который раз,
Чтоб в Варшаве непременно
Шить нам саваны подряд.

Да ни ксендз, ни пан надменный
Время не вернут назад!
Эх, чего не довелось же,
Братья, вместе пережить!
На полях сражений, Боже,
Сколько гениев лежит:
Неизвестных и бездольных,
Не оплаканных, святых,
И отпетых в чистом поле
Ветра посвистом пустым!
Разве ж мы не заслужили
Путь свой в мире выбирать
И лишь собственным край милый,
Край родной свой называть?..

1911-1925

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ХАТА РЫБАКА»

Раздел XVI

1

Я признаюсь, друзья, открыто ---
Мне надокучили паны:
От их нутра, уклада, быта
Мне веет затхлостью труны*.
Хотел бы панский сор я вместе
С панами выместь заодно
И в ткань вплести поэмы с честью
Веселых красок волокно.
Ее ж героев я покину
И каждый день наискосок
Окину взглядом хоть разок
Своих Данилу и Марину.

2

На берег Свислочи, под Устье,
Сойду на некоторый час,
В укромный угол, в захолустье,
Что описал уже не раз,
Но все ж ни разу, как налэжит,
Я те места не помянул.
Мои ж следы еще там свежи
Я вижу тут свою вину.

* Здесь и далее *труна* — могила, гроб, тлен (*Прим. ред.*).

Мне Березянка — дело вкуса,
Своей поэзией глуши
Напоминает Петрушій,
Куда, надеюсь, возвращусь я.

3

А нынче выйду на дорогу,
Что вдоль поселка след ведет.
Такого места вы, ей-богу,
И не найдете без хлопот.
Дорога ровная, сухая,
Ей не хватает ширины.
На ней и пыли не бывает,
И грязи тоже нет ни-ни.
Вдоль всей дороги — рожь в мой рост —
Одна живая ткань травы.
Окиньте оком сосны вы —
Тут, что ни есть — краса и гордость.

4

Прошу — взойдите без опаски
Ну хоть на этот бугорок.
Есть тут семь сосен — просто сказка.
Под каждой — чудный холодок.
Стоят они, ну как графини:
Я был сражен в один момент, —
И каждой, словно бы дивчине,
Готов сказать я комплимент.
Они стройны все, свежи, схожи.
Прекрасна каждая из них,
А лучшей все ж из семерых,
Наверно, выбрать невозможно.

5

Но если глянуть вдоль долины,
Где Свислочь нежится в кустах,
То юной зелени картины
Возникнут прямо на глазах:
Густых кустов сплошная лава,
Живые рощи вдоль Парни,
Устринский хвойник кучерявый,
Что видит девственные сны,
И тот бугор осиротелый,
Где вышка все еще стоит
И словно беспробудно спит,
Хоть Устье тоже онемело.

6

А луг уставлен весь дубами —
Свидетель темной старины...
Давно веду я дружбу с вами —
Ее истоки чуть видны.
Еще в Наднеманье ребенком
Я полюбил вас, и с тех дней
Меня голубите вы тонко,
Как сказка-быль, как сон очей.
Вы разбудили впечатленья
Моей младенческой поры —
Мои друзья моей зари, —
От вас я вечно в изумленьи.

7

Найду я слов немало вечных
И красок красочных для вас,
За отступления отвечу —
Простите мне на этот раз.
От сосен тех как на ладони
Видны и хаты, и дворы,
И огороды все, и склоны,
И берег Свислочи, и рвы.
Простору тьма среди полянки.
Усадьба каждая и двор
Имеет вид свой, свой узор,
И в том загадка Березянки.

8

Дворы разбиты как попало:
И планы были не нужны,
Здесь нет ни улиц, ни кварталов, —
Никто не думал тут о них.
Земли песчаной — сколько хочешь,
И стройся, где тебе видней,
Куда притягивает очи,
Ты только справиться сумей.
Глядишь — один двор на болоте,
Другой на горке под борком,
А там в кустарнике бочком
Стоят строенья, как пехота.

9

Посмотрим вдоль дороги вправо.
Там появился новый двор.
Строенья сделаны на славу,
Никто не бросит им укор.
Свинарник добрый, ну как солнце,
Смолой своих сверкает стен.
А посмотрите на гумёнце —
Пред ним бывшие гумна — тлен.
Светло, просторно в нем, уютно.
Взгляни — кавказская гора.
А сколько сделано добра!
То общий труд, тяжелый, нудный.

10

С гумном стоят рядом, как вежи,
Стога соломы и кормов,
И все в порядке, как налёжит,
Нет мелких хитростей и слов.
Себя здесь чувствуешь прекрасно:
Видны и хлопоты, и план.
И будешь ты искать напрасно
Малейший где-нибудь изъян.
А рядом озимь зеленеет,
По пояс сочная трава,
С которой справишься едва —
Сама себя она тут сеет.

11

И этот двор — свидетель редкий.
Снимает всяческий вопрос,
Что березянцы в зиму, летом
Труд не жалеют на колхоз.
Они, чуть выйдет солнце рано,
Сюда приходят, как на пир,
И лозунг выкинут чеканный:
«Давай работу, бригадир!»
Я помню: было тут болото.
И что ж, повел плечом народ,
И на болоте — огород,
Трудиться снова где охота.

12

Привет прекрасной Березянке!
Привет колхозному двору!
Привет, колхозницы-смуглянки!
Привет вам, люди на миру!
Среди моих знакомых новых
Один особенный есть тут.
Ему с охотою готовы
Отдать мы несколько минут.
Немолодой он — мой ровесник,
Однако быстрый, как юнец,
Рыбак, охотник — молодец! —
Стреляет, ловит, любит песни.

13

Он знает множество профессий:
Он и механик, и столяр,
Грибник отменный и первейший,
И пчеловод, печник, маляр.
Идет-живет своим манером,
Не ошибается в пути.
А раз был даже акушером —
Через все приходится пройти.
Его не мучат, как иного,
Застывшей мудрости гужи,
Он пред любовью не дрожит,
Не отстает от молодого.

14

Он любит жить умом, без бумажки,
И сам на выдумки досуж.
Построил запросто, без шума,
Себе, удобства ради, душ.
И этот душ — замысловатый,
Таких не знают города.
Соорудил балкон у хаты
И вышку с бочкой, где вода.
Не просто бочку, а в два донца.
На дне одном с полсотни дыр,
Второе взято на шарнир,
А воду щедро греет солнце.

-

15

Есть у него еще таланты:
Из меда варит добрый квас
И дар имеет музыканта,
Творит на скрипке перепляс.
Мы проводили час от часу
И на селе, и за селом
С ним много времени, и квасу
Дань воздавал я за столом.
Не только квас — была и стопка, —
Не обходили стороной, —
И пили с чувством и с душой
Я и товарищ мой Поскрёбка.

16

Раз у его мы жили зятя.
Пошел он как-то раньше нас
И никого — вот случай! — в хате
Не оказалось в этот час.
Остановился он. Неловко.
Решил отправиться назад
И видит: шельма-поллитровка!
Он подмигнул себе — стой, брат!
И к ней бочком — сплошное горе, —
Берет бутылку в рот и — хлоп! —
И тут же морщит губы, лоб
И пулей мчится на подворье.

17

А у колодца тут корыто,
И в нем вода для поросят.
Полощет рог он деловито.
Какая дрянь! Денатурат!!
— Тьфу, понимаешь, ведай дело!
И трет он кончик языка,
А внучка Шурка подглядела,
Какого деда дал зевака.
Друг! Вспомни случай знаменитый
Из стародавнего письма:
Нет тайн на свете для ума,
Чтобы остались не раскрыты.

18

В тот год сухое было лето.
Дождя не видели с весны,
И синей дымкой даль одела,
И ветер с южной стороны.
Да ветер жаркий, суховейный,
Мой недруг, вражина лихой.
Я каждый день встречал бессменно
Восход, закат весь золотой.
Следил за небом я немало —
Мы подружились тесно с ним, —
Глядел, не клонится ли дым? —
Дождя ничто не обещало.

.

19

Пригорки всюду порыжели,
Листва покрылась желтизной,
И ежедневно голубели
Шелка небес над головой.
Несу я в мир свой опыт старый,
Мечты и думы, чем богат.
Разносит ветер запах гари
Издалека, где лес и сад.
А лес, мне кажется, горюет,
Поля в печали и луга.
Укрыло небо берега
И нас как будто бы не чует.

20

Разочарованный, туманный,
Иду назад, брожу в леске.
Уменьшит, может быть, боль раны
Качанье в утлом гамаке?
Он тут развешан между сосен,
А рядом дачный стол — мой друг.
Глядит сквозь ветви неба просинь,
И все колыхнется вокруг
Со мною вместе: небо, тучи,
Земля и лес, что за рекой.
И разливается покой,
Глаза смежает сон летучий.

21

Я слышу гул. Над лесом бреет,
Рокочет, кружит самолет.
Да высоко так. Не узрешь,
Где с ним справляется пилот,
И только в небе, бездне странной,
Я вижу дивный след-дымок,
И он то серп, то ленту тянет,
То пишет быстро завиток.
Растет, полнеет шум мотора
И расплывается сильнее,
Рычит, как будто некий змей,
Из высей синего простора.

22

Я тут и где-то там, далёко.
Весь мир на много-много миль
Одним окидываю оком,
На крыльях дум читаю быль.
Уже давно под Халхин-Голом
Идут жестокие бои,
Где руку подали монголам
Родные, близкие мои.
С Востока не доходят вести,
И Главный штаб на слово скуп.
Да наш народ — могучий дуб, —
В беде с народом-братом вместе.

-

23

На Запад, дальше, за кордоны
Лечу я в думах седины,
Земли родимой слышу стоны,
Где изгаляются паны.
Отсюда ветер горький веет
И шире, шире муть ползет,
День наступающий не греет,
И в смуте страждущий народ.
Одно мне ясно: заварухи
Не обойти, не отклонить,
И сердце ноет и болит
От неминуемой разрухи.

24

Вот так в тени гадаю вишен
Среди глухого уголка,
И словно кто-то в сердце пишет
Мне продолжение стиха
Или рассказ о людях, быте,
О милой старине веков,
И я держусь за эти нити,
Чтоб не терять своих следов.
Я знаю: как из Ниагары,
Победно грянет мощный гром,
Пошире выстроится дом,
И новый дождь зальет пожары.

25

Когда же бури час настанет,
Ее ты встретить будь готов —
Живой родник бьет непрестанно
Из-под слежавшихся пластов.
А там за тихою дорогой
Шумит березник молодой,
Везде дорожек много-много,
Туда рвусь с чистою душой.
Привет я шлю природе, людям
И грому бурь, величью гор,
Улыбкам светлым ранних зорь...
И пусть же ясным путь наш будет.

-

ВАЦЛАВ ЛАСТОВСКИЙ

Вацлав Юстинович Ластовский родился 20 октября (1.11) 1883 г. на хуторе Колесники Миерского района Витебской области в семье безземельного шляхтича. Окончил Погостскую начальную школу. Работал в г. Вильно, канцеляристом в Шячляе (Литва), библиотекарем в Петербурге, где посещал лекции в университете. Вступил в Польскую социалистическую партию в Литве. Работал конторщиком на товарной станции в Риге. Присоединился к белорусскому национальному общественному движению. В 1906-1908 гг. входил в Белорусское социалистическое общество. С 1909 г. — секретарь редакции «Нашей нивы» (бел.), в 1916-1918 гг. был редактором ряда газет. В конце 1918 г. возглавил Белорусское представительство правительства БНР при Литовской буржуазной республике, был белорусским агентом при литовском посольстве в Берлине. С 1919 г. — в партии белорусских эсеров, с января возглавлял Раду министров БНР. Был арестован польскими буржуазными властями. В апреле 1923 г. вышел из правительства БНР и отошел от активной политической жизни, занялся издательской деятельностью (1923-1927). В 1927 г. правительство БССР разрешило ему вернуться в Минск. Работал директором Белорусского

государственного музея, в Институте белорусской культуры АН БССР, был избран академиком АН БССР. В 1930 г. был лишен звания академика и выслан на 5 лет в Саратов, где работал заведующим отделом редкой книги в университетской библиотеке. В 1937 г. снова был репрессирован и расстрелян 23 января 1938 г. Реабилитирован посмертно 10 июня 1988 г.

Выступал в печати как поэт, прозаик, критик и литературовед.

Благословен сын,
готовый стать бесстрашно
за честь матери:
свободы день для всех
своею кровью купить отважно.
Благословен муж, который мстит
за прав поправление людских
и слезы вдов.
Благословен будь тот,
кто кровью расплатится за кровь,
врага заставит
имя Беларуси чтить свято...
Пусть он придет, как Бог,
В броне из мести правой
Под громов звуки, молний блеск,
Под звонкую песнь славы!

1922

Вперед и вперед лишь к победе!
Свободою путь озарим!
Вскипаем мы праведным гневом
И местью до гроба горим!

Предательской ложью не сдержишь
В оковах свободы простор:
Из дум горьких, душ закаленный
Мы выкуем мести топор.

Разделы, пригнет, униженья,
Неправды, расправы и пот,
Берестье и Ригу в день судный,
В день мести припомнит народ!

Властитель-предатель-грабитель,
Спокойный нарушим твой сон,
И черною кровью твоею
Родной будет край напоен!

1922

ДУМЫ НА ПОЛОЦКОМ ЗАМЧИЩЕ

Тьму черную веков
в сем капище старинном
хвалами прославляли Деву.
В честь Девы звался город,
и Дева — дивная река шумела,
И крыша капища
на солнце отливала,
и небо в ней синело.
Пред капищем
водили девы хоровод.
Хор праздничный старославянской речью
слух услаждал,
вождям честь воздавая.
Сбирались старцы тут,
совет и суд.
И был небесный ход
людским законам,
казалось, вечностью скрепленным...
Весь этот мир
разрушил крест,
все полонив окрест.

Пусть так, и все ж — на пепле
старинных идолов,
под сенью светлой их —
в честь греческих святых
София поднялась,
собой языческую
заменя Палладу.

1923

В АЛЫПАХ

Вокруг •
гладь вечная снегов,
не топтанных людской ногой...
Вверху синекют льды
дамасской сталью,
и поражает небо далью.
Как сказочно лазурь прекрасна
с высот снегов и вьюг!
А глянешь вниз с горы, —
увидишь тут миры
домов, святынь
в низинах изумрудных
и горного орла
среди скал,
с достоинством смотрящего
на тропы заячьи.
За ними серый клуб
небес полных и
простор,
где царствует зима,
где белым саваном снегов
застелена земля.

•

Тут, на рубеже миров
и двух культур,
с высот величественных
глядя на римских замков камни —
минувшей славы память,
которая уже не вдохновляет, —
я не завидую тебе,
Итальянская земля!
Куда как лучше наша колыбель,
пусть бедная, но жизнью полная,
не то что ваш трухлявый гроб,
откуда смотрит смерть.

1923

КЕЛЬНСКИЙ СОБОР

Преодолев кошмар уродства,
рванулся ввысь победный дух!
Такой порыв познали готы
в своей душе, разрушив Рим.
Оковы прочь вокруг!!!
И Богу в честь лохматый варвар
скалою воздал хвалебный гимн,
воздвигнув к звездам,
ад коварный
презрев и счастья миг
познав единый...
Дремучих грез кошмар могучий
вмурован в стены — дикость, дурь.
Среди обыденности жгучей
еще теперь слышны созвучья
победных бурь!

1923

ТИШКА ГАРТНЫЙ

Тишка Гартный (Змитер Федорович Жилунович) родился 23 октября (4 ноября) 1887 г. в местечке Копыль в семье безземельного крестьянина. В 1905 г. окончил Копыльское двухклассное училище и поступил в кожжевную мастерскую. Участник революции 1905-1907 гг. С 1913 г. — на Петербургском литейном заводе «Вулкан», с 1914 г. — на заводе «Айваз». С 1918 г. — секретарь Белорусского национального комиссариата при правительстве РСФСР, редактор первой белорусской советской газеты. С 1 января по 3 февраля 1919 г. был председателем Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси, в дальнейшем — политработником 14-й армии и штаба Западного фронта, редактором газет и журналов, директором Государственного издательства и государственного архива БССР, заместителем министра просвещения. В 1928 г. был избран академиком АН БССР, работал в Институте истории АН БССР.

Первое стихотворение опубликовал в 1909 г. В дальнейшем вышли сборники стихов, драм и повестей. Выступал с литературно-критическими статьями, занимался переводами. В 1936 г. был несправедливо репрессирован. Умер в 1937 г. в Могилеве.

БЕЗДОЛЬНЫЙ

• *Посвящаю Янке Купале*

Тяжко жить без доли,
Делать что — не знак;
В мир, наверно, выйду,
Долю попытаю.

Выйду под лесочек,
Крикну на все поле:
«Где же ты пропала,
Ты без сердца, доля?!

Может ты, зеленый,
Родненький лесочек,
Спрятал мою долю
В темный уголочек?

Эй, скажи, мой милый,
Пошади детину,
Помоги ты горю,
Вспомни сиротину!»

Зря я всех пытаю:
Лес шумит немило...
И не слышит доля,
Хоть услышь, могила!...

1909

НЕМАНУ

Эх ты, Неман-река,
Ты ли думал, мечтал,
Слезы как мужика
У себя собирал?

Как стоял над тобой
Сын недоли-беды
И под темной водой
Песни пел нищеты,

Что настанет пора —
Боль и немощь пройдет,
Возрожденья заря
Пред народом блеснет?

Что из хилой груди
Беларуси детей
Над тобой загудит
Песня вольных людей?

1909

РОДНОЙ СТРАНЕ

Я люблю этот образ отчизны,
Где простор необъятный кругом
И курганы, леса и равнины,
И болота, заросшие мхом.

Я люблю этот образ отчизны,
Где Двина, чистый Неман текут
Меж лесов, между гор, чрез ложбины,
В море светлые воды несут.

Где раскинулись хаты неброско,
И в них песни родные слышны,
Песни — доли людской отголоски,
Песни — жалобы бедной души.

Я люблю этот край бесконечно,
Те деревни, болота, поля.
Я родился здесь. Буду здесь вечно.
И меня не забудет земля!

1910

.

ЛЮБОВЬ

Цветущею розой, как чудо чудес,
Явилась нежданно ко мне
Из края волшебного, выси небес,
В мечтах и чарующем сне;

Рукою нежнейшею сердца она
Коснулась тихонько, как дух,
И дымом кадильным и вкусом вина
Его окурила вокруг...

С пылающим жаром забилося оно.
Волнуя горячую кровь.
И в недра души распахнуло окно
В мир яркий, как солнце, любовь.

1911

КОНСТАНЦИЯ БУЙЛО

Констанция Буйло (Констанция Антоновна Калечиц) родилась 2 января 1893 г. в Вильно в семье лесного обходчика, окончила учительские курсы. Работала учительницей в Лиде, заведовала книжным магазином в Полоцке. С 1923 г. жила в Москве, работала на заводе «Агроном» (1929-1934), в других учреждениях. Заслуженный деятель культуры БССР (1968).

Первое стихотворение опубликовала в 1909 г. В дальнейшем вышли поэтические сборники, книги для детей. Умерла 1 июля 1986 г.

ЛЮБЛЮ

Люблю наш край — сторонку эту,
Где родилась я и росла,
Где первый раз познала счастье,
Слезу недоли пролила.

Люблю народ наш белорусский
И хаты в зелени садов,
Пшеницы золотого на нивах,
Шум наших рощ, боров, лесов.

И реку, что извечно воды
Мчит в неизведанную даль,
И склоны берегов песчаных,
И неба синь, и волн хрусталь.

Люблю весну, цветы и землю,
Их удивительнейший хмель,
И в гнездах клекот журавлиный,
Над полем жаворонков трель.

Люблю я душный запах лета
И бурю пыльную с дождем,
Как гром гремит, а в черных тучах
Сверкают молнии огнем.

И страда летнюю люблю я,
И первый звон серпов и кос,
Как на поля выходят жнеи,
А косари на сенокос.

Люблю морозную я зиму,
На стеклах вышитый узор,
И белый снег, укрывший землю,
Как мягкий ласковый ковер.

Люблю в погожую я ночь
Хоть до рассвета просидеть,
Следить за синих звезд мерцаньем,
На месяц золотой глядеть.

И песни отчие люблю я,
Что девки в поле запоют,
Когда их голоса над нивой
Переливаются-плывут.

Все в этом крае сердцу мило,
И я люблю свой край родной,
Где с первым счастьем повстречалась,
И с первой горькою слезой.

1910

* * *

Сорвала осень листьев злато,
Их ветер крутит, как волна.
Так рок крутил людей когда-то
В былые жестко времена.

А вот не грустно мне сегодня:
Там, где оторваны листья,
Побеги в рост сук голый гонит,
И он не мертвый, как костыль.

Все, что живое, будет живо,
А ветер мертвое сметет...
Весною с новым сил приливом
Наш сад, как прежде, зацветет.

Так и душа... Не сдайся боли
И думы обуздай в хвале —
И не погибнет, верь, на воле,
Что сотворишь ты на земле.

1966

ЗМИТРОК БЯДУЛЯ

Змитрок Бядуля (Самуил Ефимович Плавник) родился 23 апреля 1886 г. в д. Посадец Логойского района Минской области в семье арендатора. Учился в начальной еврейской школе, в школе раввинов. В 1912 г. был приглашен в Вильно на работу в белорусские культурные организации. Вместе с Янкой Купалой работал в газете «Наша нива» (бел.). В 1915 г. переехал в Минск. После Октябрьской революции работал в газетах и журналах. В начале Великой Отечественной войны эвакуировался из Беларуси. Член СП СССР с 1934 г. Награжден орденами Трудового Красного Знамени. Умер 3 ноября 1941 г. возле Уральска.

Первое стихотворение опубликовал в 1910 г. В 1911-1912 гг. печатал стихи на русском языке в журналах «На берегах Невы» (Петербург) и «Молодые порывы» (Вильно). В советское время вышли книги поэзии, сборники рассказов, двухтомный роман (1929-1932), избранные произведения (1934), книги переводов.

ПОЗВОЛЬ

Позволь тебя любить, как колокольчик
в п
Как тополь молодой, что за рекой стоит,
Как золотую птицу, что живет на воле,
Позволь тебя любить.

Позволь тебя любить за песню огневую,
За звонкий чистый смех, что серебром
зве
За очи ясные, за душу молодую
Позволь тебя любить.

Позволь тебя любить за истинное счастье,
Которое даешь мне в жизни пережить,
За радость и печаль, что даришь в одночас
Позволь тебя любить.

1911

ПЕСНЯ

О, солнышко ты ясное...
Так весело поется...
А что ж тебе, девчоночка,
Невесело живется?

Ты будь, как эта яблонька,
Что расцвела на воле.
Ты будь, как эта реченька,
Блестит что в чистом поле.

Смотри, как ветер ласковый
Заколыхал березы.
Зачем же, моя девочка,
Горячие льешь слезы?

Она, что зорька ясная,
Потупившись, молчала.
Голубушка несчастная
Сильней загоревала.

Поваленное деревце,
Ой, не зазеленеет.
Сердечко оскорбленное,
Ой, не повеселеет.

1914

СНЕЖИНКИ

Снежиночки-пушиночки
Летели мотыльками,
Над избами чуть сизыми
Развеялись дымками.

Расцвелились, разнежились,
Плетя свои узоры.
Блестящие, горящие,
Как звездочки, как зори.

Кружатся, веселятся
Над тихими полями.
Долиночки снежиночки
Закрыли кружевами.

Над елками с иголками
Поют, мелькая споро:
«Мы хаточки-палаточки
В лесу построим скоро».

Спешите-поспешите,
Как в колыбель дитятко,
Летите вы, скачите вы
В украшенные хатки.

Ушастые, пушистые,
Усатые вельможи,
Вы, зайчики-молодчики,
К нам забегайте тоже.

•
Снежиночки-пушиночки
Поют под небесами:
«Мы хаточки-палаточки
Построим скоро сами».

1921

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ

Максим Богданович родился 27 ноября (9.12) 1891 г. в Минске в семье служащего, белорусского фольклориста, этнографа. В 1916 г. окончил Демидовский юридический лицей в Ярославле, осенью переехал в Минск. Работал секретарем губернской продовольственной комиссии. В феврале 1917 г. тяжело заболел, умер в Ялте 25 мая 1917 г.

Первое произведение — аллегорическую повесть «Музыка» — опубликовал в 1907 г. Активно выступал с литературно-критическими и публицистическими статьями. Перевел на белорусский язык произведения античных поэтов, а также русских и европейских; песни разных народов.

ИЗ ПЕСЕН БЕЛОРУССКОГО МУЖИКА

II

Я хлеб у богатых просил и молил, —
Они лишь каменья швыряли,
И эти каменья меж ими и мной
Стеною великою встали.

Все выше и выше растет та стена
И многих еще ожидает.
Что ж будет, коль дрогнет, коль рухнет она,
Кого же тогда покарает?

1909

ЗИМОЙ

Привет, морозный звонкий вечер!
Привет, скрипучий мягкий снег!
Метель не веет, замер востер,
И волен легких санок бег.

Мечтая, белые березы
В голубизне ночной стоят,
А в небе звезды от мороза
Похолодевшие дрожат.

Оттуда месяц прямо в поле
Прозрачный светлый столб спустил
И ризой шелковой раздолье
Снегов синеющих накрыл.

Взорвите ж их санями, кони!
Залейся бубенцами, медь!
Вокруг леса летят в погоне,
В груди кровь начала кипеть.

1910

СОНЕТ

Посвящаю А. Погодину

Un sonnet sans défaut
vaut seul un long poème.

*Boileau**

Среди песков Египетской земли,
Над волнами желтеющего Нила
Уж сколько тысяч лет стоит могила:
В горшке щепотку зерен там нашли.
Хоть пересохли зернышки в пыли,
И все-таки их жизненная сила
Проснулась и опять заколосила,
И хлебом вновь посевы зацвели.

Вот символ твой, забытый край свободный!
Парушенный бездумно дух народный,
Я верую, бесплодно не уснет,
И возродится снова, как криница,
Которая ключом могучим бьет
И рвется на простор пробиться.

1911

* Один безупречный сонет стоит целой поэмы.

Буало (фр.)

.

Доброй ночи, заря-заряница!
Мгла уже над землею ложится,
Черной ризою все покрывает,
Пылью звезд небосвод засекает.
Тишина мою тронула душу.
Ветерок придорожную грушу
Шевелит еле-еле, колышет,
Соловьи зазвенели в затишье,
Серебром тихо льется криница.
Доброй ночи, заря-заряница!

1911

* * *

Лишь вчера вдруг счастье
 глянуло несмело, —
И развеялась раздумий мрачных жуть.
Сердце чуткое и млело, и болело,
И теснила молодую грудь.

И вся жизнь теперь совсем иная,
Книгу развернул — а не могу читать.
Как же выпало, что полюбил тебя я, —
Разве знаю я? Да и зачем мне знать?

1912

ТРИОЛЕТ

Минута расставанья с Вами
Черней мне Ваших черных кос.
Зачем недобрый час принес
Минуту расставанья с Вами?

Я побледнел до горьких слез
И начал триолет словами:
Минута расставанья с Вами
Черней мне Ваших черных кос.

1913

ТЕРЦИНЫ

Есть волшебство в забытом, стародавнем;
Приятно нам столетий пыль стряхнуть
И жить минувшим — сверхмудренным,
славным, —

Мы любим время удалое помянуть.
Порой мы к старым тянемся поэтам,
Чтоб хоть душою в прошлом утонуть.

Вот почему вернулся я к сонетам,
И ярко вспыхнул стих печальный мой:
Так месяц светит отраженным светом, —

Стихи так блещут давней красотой!

1913

РОМАНС

Quand luira cette étoile, un jour,
La plus belle et la plus lointaine,
Dites-lui qu'elle eut mon amour,
O derniers de la race humaine.

*Sully Prudhomme**

В небе Венера взошла над землею,
Воспоминанья опять привела...
Помнишь, когда повстречался с тобою,
В небе Венера взошла?
С этой поры и я стал восторгаться
Небом ночным и Венеру искал.
Тихой любовью к тебе разгораться
С этой поры и я стал.
Но расставаться нам час наступает;
Видимо, доля такая у нас.
Страстно любил я тебя, дорогая,
Но расставаться нам час.

* Когда однажды заблещет эта звездочка,
Самая прекрасная, самая далекая,
Скажите ей, что ей принадлежит моя любовь,
О, последние из рода человеческого.

Сюлли Прюдом (фр.)

Буду в далеком краю я томиться,
В сердце любовь с грустью спрятав свою;
Каждою ночью Венерой дивиться
Буду в далеком краю.
Ты посмотри на нее — при прощанье
Там свои взгляды мы вместе сольем...
Чтобы воскресли любовь и признания,
Ты посмотри на нее...

1913

* * *

Увидел вновь места родные,
Где годы первые прошли:
Там стены мхом уж поросли,
На стеклах — радуги чудные.
И все в пыли. Так стало мне
Печально, грустно в тишине.
Я вышел в сад... Все глухо, дико,
И все травкою заросло.
Что было раньше, то прошло,
И только росчерк «Вероника»
На липе, врезанный в коре,
Мне говорил о той поре.
Расти же, наливайся, древо,
Как монумент живой вставай
И к небу надпись поднимай.
Извечна истина напева:
Чем дальше даль уходит дней,
Тем имя милое родней.

1913

-

ПОГОНЯ

Только в сердце тревожно почую
За страну свою милую страх, —
Вспомню Острую Брамю святую
И бойцов на могучих конях.

В белой пене проносятся кони, —
Рвутся, бьются и тяжело храпят...
Стародавней Литовской Погони
Не разбить, не унять, не сдержать.

В бесконечную даль вы летите,
А за вами, пред вами — года.
Вы за кем же в погоню спешите?
Где пути пролегли и куда?

Иль они, Беларусь, мчатся рысью
За твоими детьми, — страшный гон! —
Что забыли тебя, отреклись
И продали-отдали в полон?

Бейте в сердце их — бейте мечами,
Не давайте изгоями быть!
Пусть узнают, как сердце ночами
Лишь о Родине может молить.

Мать родная! Святая Отчизна!
Невозможно терпеть эту боль...
Ты прости.. Ты прими с миром сына,
За тебя умереть мне позволь!..

Всё летят и летят эти кони,
Серебром сбруи звонко гремят...
Стародавней Литовской Погони
Не разбить, не унять, не сдержать.

1916

АЛЕСЬ ГАРУН

Алесь Гарун (Александр Владимирович Прушинский) родился 27 февраля (11 марта) 1887 г. в Минске в семье чернорабочего. Учился в приходском училище, затем поступил в ремесленное училище, которое окончил в 1902 г. Работал в мастерских, на мебельной фабрике столяром. В 1904 г. стал членом организации эсеров-максималистов. Арестован 4 марта 1907 г., осужден на поселение в Сибирь, ссылку отбывал в Иркутской губернии. Во время Февральской революции был избран депутатом совета Ленского золотопромышленного округа. В сентябре 1917 г., заболев туберкулезом, вернулся в Минск. Редактировал газету (1918). С осени 1919 г. был членом Белорусской военной комиссии. Умер 28 июля 1920 г. в Кракове.

Первые юмористические стихи А. Гарун написал на русском языке. Писать на белорусском начал в 1905 г., печататься — в 1907 г. Автор сборников поэзии, пьес, книг.

Родина милая, жизнь моя, грезы!
Сильно тебя я и нежно люблю,
Бедные нивы твои, сенокосы
И несчастливую долю твою.

Горем, Отчизна, теперь ты измучена,
Стоном повита, в сети из оков,
Руки и ноги, как к кольям прикручены,
Тихо обиды ты сносишь без слов.

Только утешься, родная, желанная!
Начали кольца твои подгнивать.
Скоро свобода придет долгожданная,
Скоро мы цепи начнем разрывать.

1907-1914

ПЕСНЯ

На чужой сторонушке
Исстрадал душой,
Потерял здоровьишко,
Потерял покой.
Не глядели б оченьки
На нелюбый свет,
Молодости буйной
Пропадает след.

На чужой сторонушке
Не цветут сады,
Не поет соловушка,
Нету той еды.
И чужое лето мне —
Снежная зима,
От чужого солнышка
Кровь опалена.

На чужой сторонушке
Не шумят леса,
И цветов поблекла
На полях краса.
Остывает сердце
На чужой земле,
А домой вернуться
Воли нет моей.

Где ж вы, нивы милые
И дубовый шум?
Зашумите сызнава,
Чтоб узнал, взгрустнул.
Всколыхните песнею
Вековых снов,
Всколыхните душеньку,
Разогрейте кровь.

1907-1914

-

ОСЕНЬ

Осень холодная, черная, хмурая...
Тянется тихо болезненный день,
Ветви дерева склонили понурые,
Солнце запрягалось в черную тень.
Сжатые поля, сеновалы заложены, —
Голые пашни печально лежат,
Небо дождливою тучей обложено,
Травы на пажитях не веселят.
Маки не светят головками ясными;
Голые кусты безнадежно стоят;
С этими осени днями бесстрастными
Тяжкие думы на сердце лежат.
Липы, рябины, осины с березами
Горестно желтой листвою шумят:
«Скоро нахлынут метели с морозами,
Ветры со снегом опять налетят».
Только высокие ели иглистые
Вечнозеленый хранят свой убор,
Зимними днями темно-смолистые
Будут чернеть, снежный вздыбив простор.
Зиму почуяв, медведь беспокоится,
Ходит по чащам и ищет берлог,
Хмурый и злобный, пока успокоится —
Горе сойтись на развилке дорог.

Гуси и утки на юг собираются,
Скоро уже далеко улетят,
Стая за стаей на речке сменяется,
Плещутся утром, лопочут, кричат.
 Так и часами порой незабвенными
 Осень меняет весь облик земли...
 Этими днями, ночами осенними
 Думы печальные в сердце пришли.
Что-то прошедшее мне вспоминается,
Только неясно, сквозь сизый туман,
Грусть непонятно в душе поднимается,
Тянет и мучает мыслей дурман.
 Сердце болит от желаний, противится,
 Что за желания — не разобрать;
 Может быть, мне улететь
 вслед за птицами?..
 Может, уснуть, чтоб совсем не мечтать?..

1911

•

ДЕВУШКЕ

Тебя я встретил. Сам не знаю,
От сердца искренне скажу,
Какими мыслями терзаюсь,
Какую песнь теперь сложу.
 Ты что-то, видно, всколыхнула
 В душе моей, как звездопад,
 Былого струны встрепенулись, —
 Чуть слышно издали звенят.
Придется ль снова повстречаться
Когда и где, хотя бы раз?
И струны сердца воплотятся
В мотивы песенные фраз?
 Никто не скажет! Только знаю
 И ни за что не утаюсь:
 Тебя пускай не повстречаю —
 Оставишь след ты, нежность, грусть.
И в час, когда во тьме беззвучной
Среди безлюдья, пустоты
Печаль повеет черной тучей,
Лучистым солнцем будешь ты!

1907-1914

ОСЕННИЙ МОТИВ

Выйдем, любимая, вместе.
Стынут пруды.
Тихо. Сменил лес свои очертанья,
Мокнет, желтеет, в нем травушка вянет,
И почернели кусты.

Сядем, голубка, под дубом,
Грусть не тая.
Листьев увидим с тобой опаданье,
Шелест печальный услышим, шептанье,
Звоны ручья.

Будто одни мы на свете.
Мысли грустны.
И мы должны в этот час увяданья
Бедному лесу сказать на прощанье:
— До новой весны.

1907-1914

МИХАСЬ ЧАРОТ

Михась Чарот (Михаил Семенович Куделько) родился 7 ноября 1896 г. в городском поселке Руденск Минской области в крестьянской семье. После окончания Молодечненской учительской семинарии в 1917 г. был призван в армию. В 1918 г. вернулся в Белоруссию, участвовал в партизанском движении в годы оккупации Белоруссии буржуазной Польшей. С 1920 г. — сотрудник, с 1925 г. — редактор газеты «Советская Белоруссия». Инициатор образования и руководитель первой в республике литературной организации «Молодняк» (с 1923). Был членом ЦИК БССР (1924-1931). В 1937 г. репрессирован и расстрелян 20 октября 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г. Член СП СССР с 1934 г.

Печататься начал в 1919 г. Автор книжек поэзии, издал сборник рассказов, пьес. Создал с Ю. Таричем сценарий первого белорусского художественного фильма «Лесная была» (поставлен в 1926 г.).

* * *

Сенокосы и поля заснежены,
Реки выстланы гладким помостом,
Волк из чащи дорогой наезженной
К хатам трусит непрошеным гостем.

Роща в свадебном платье, а хмурится,
Не утешится утренней ранью,
И в деревне заснежены улицы,
И в сугробах купаются сани.

Сиволапый гуляет под окнами,
Смотрит хаткам в открытые очи,
Только в полдень порою смолкает он,
А как вечер — по стеклам грохочет.

Дети пальцами стёкла с узорами
Размалевывают, сгорбив плечи,
Наскребают снежинки пригоршнями
И бегут полизать их в запечье.

Ночью печь дымоходом застонет им,
Но сон сладкий в постели приснится,
Что в саду они с криком и гомоном
На траве ловят вместе синицу.

1922

МОЛОДНЯК

Тут наемни буря выла нам,
Ветер лизгал, как голодный волк,
Старый бор с корнями выломан, —
Грустный шум его навеки смолк.

Солнце выглянуло — мир огню!
Бурелом сожгло, промчалось долами...
Тучи вычерпало пригоршней —
Все просторы стали голыми.

И сегодня слышны отклики:
— Нам расти! Так мало дня!..
Только здесь подняться мог таки
Богатырь лес-молодняк.

Стройный лес, он гордо выглядит,
Словно рать, что рвется в бой.
Шум его — как голос: «Выедем
Постоять за правду головой!»

Молодняк своими листьями
Шепчет тихо сказку-вольницу...
Помним, как своими жизнями
Черных дней сдержали конницу.

•

Мы свободны! — Время зрелости!
Дни пришли — совсем не верится...
Кто ж найдет отваги, смелости
Силой с молодостью меряться?

1923

•

О ТЫ, КРАЙ МОЙ НЕСЧАСТЛИВЫЙ!

О ты, край мой несчастливый!
Где ж сыны твои, Отчизна?
И дождутся ль твои нивы
Солнца, света, воли, жизни?

Грабит враг тебя открыто.
Жутко, страшно поневоле.
Жертв не счесть. И, гладкий, сытый,
Лишь смеется с нашей доли.

Память втоптана в болото
Наших предков, честь и совесть.
Кары, горя ждут сироты,
Над гробами плачут вдовы.

В нас растут братоубийцы
И предатели богато:
Бойся друга-кровопийцы,
Бойся, брат, родного брата.

О ты, край мой несчастливый!
Где ж сыны твои, Отчизна?
И дождутся ль твои нивы
Солнца, света, воли, жизни?

•

Как же матери в награду
Могут долю выбрать детям?
Как же нашенским девчатам
Женихов найти на свете?

КОНДРАТ КРАПИВА

Кондрат Крапива (Кондрат Кондратович Атрахович) родился 5 марта 1896 г. в д. Низок Узденского района Минской области в крестьянской семье. Учился в церковноприходской школе в деревне Низок, Узденском народном училище, 4-классном городском училище в Столбцах, с которого перевелся в такое же училище в Койданово (теперь Дзержинск). После его окончания (1913) сдал экстерном экзамен на звание народного учителя. В марте 1916 г. окончил школу прапорщиков. Участвовал в боях на Румынском фронте. В феврале 1918 г. демобилизован. Учителем работал в деревне Каменка на Узденщине. В 1920-1923 гг. — командир в Красной Армии. В 1925 г. переехал в Минск. Окончил литературно-лингвистическое отделение педфака БГУ (1930). Работал инструктором Центрального бюро краеведения при Инбелкульте (1925-1926), заведующим отделом в журнале (1932-1936). Участвовал в освобождении Западной Белоруссии (1939), в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. В годы Великой Отечественной войны работал во фронтовых газетах. В послевоенные годы — редактор сатирического журнала, заведующий сектором языкознания Института языка и литературы АН БССР (1956). Академик АН БССР (1950). Народный писатель БССР (1956). В 1956-1982 гг. вице-пре-

академик АН БССР. Герой Социалистического Труда (1975), заслуженный деятель науки БССР (1978). Умер 7 января 1991 г.

Писать начал в 1922 г. Автор многочисленных книг басен, пьес, литературоведческих и критических статей, лингвистических работ. На белорусский язык перевел отдельные произведения Фонвизина, Крылова, Пушкина, Гоголя, Островского, Чехова, Маяковского, Твардовского, Шевченко и др.

К.Крапива трижды лауреат Государственных премий СССР, а также Государственной премии БССР им. Я. Купалы в 1974 г.

ДАЙ И ДАЙ

Чтоб ты только провалился!
Вот порядки завелися:
Где ни сунься, так и знай —
Всюду в лапу дай и дай...

Скоро вот уж месяц будет,
Как мне землю суд все судит,
И чтоб ею управлять,
Мне пришлось на лапу дать.

Как-то в поезде я ехал,
Но откроюсь вам без смеха,
Что по пиналам бы пагал,
Если б в лапу я не дал.

Этим летом продналога
Взять с меня хотели много.
Чтоб потом не голодать,
Так пришлось на лапу дать.

Незаметно мы дожились,
Что и «тройки» объявились,
И хотят они, видать,
«Дерунам» по лапам дать.

Но не верится мне стойко,
Что помогут эти «тройки».
Навести чтоб здесь порядки,
Нам давно нужны «десятки».

1922

МАНДАТ

Ослу раз выдали мандат, —
Случайно, право слово.
(Ошибки свойственны и людям — это факт,
И речь о них вести не ново.)
От счастья тут же у Осла
Кругами голова пошла,
И ум совсем зашел за разум.
Хоть был не пьян,
от гонору стал пьяным сразу:
Такого задал всем разумник тону,
Такого шума учинил, такого звону,
Что спорить с ним казалось просто лишне,
И посчитали все Осла за шишку.
— Ну, разум! Вот так голова! —
Без похвалы не вымолвят ни слова.
Другой так чуть не целовал
Коньтики Ослы.
А голова с мандатом на полметра
Жует овес, гуляет по траве,
Ни мысли путной в голове,
Вертит хвостом и шуруется от ветра.
При этом все, как на приколе:
Чихнуть боятся поневоле.

Один лишь только Лыска,
Когда Ослу увидит близко,
Так протестует: «Гав-гав-гуу!
Терпеть кретина не могу!»
Да Лыска на цепи, и ни гугу...

Бывает раз иной и с нашим братом,
Что заменяют голову мандатом.
Но провожаем мы таких ослов
Без лишних слов.

1925

ДЕД И БАБА

Дед раз ехал на базар,
На возу с ним баба.
С виду конь как конь, не стар,
Да тянул он слабо:

Был не больше двух годков
И не сыщешь краше.
Баба — точно семь пудов —
Бог вполне уважил.

На пригорок или в грязь —
Брюхом конь елозит.
Стала баба помогать,
Не слезая с воза.

Что ж, коню второй годок,
Так она за било,
Да ногами в передок
Бьет со всею силой.

— Брось, дурная! Прогоню!! —
Бабе черт не страшен.
— Ты поможешь так коню,
Как хворобе кашель!

— Ах ты, елупень* стары! —
Баба деда лает. —
Стой же тут, хоть ты стори!
Мне беда малая.

Тут же прыг она с колес,
Села у дороги.
А коня как черт понес, —
Где взялись тут ноги.

В учреждениях тоже есть
Вот такие «бабы»:
Что там делают? — Бог весть.
Результаты слабы.

И такая не уйдет!
Так попросим прежде:
— Может, ваш настал черед?
Попытайтесь слезть же!

1925

* *Елупень* — бестолковый, тупой человек, олух
(Прим. переводчика).

УСЕРДНЫЙ ПОП

Однажды на первопрестольный,
Как раз угоднику Николе,
Служил молебен поп один
И ревностно кадил.
Святой угодник Николай
Считался «шефом» этого села,
И день девятого справляли мая
(Жаль, суеверие кой-где не отмирает).
И уважая добрую погоду,
Немало в церкви собралось народу:
Один явился истово молиться,
Той надо замуж, этому жениться, —
И как бы ни было, а на попово счастье
И негде яблоку упасть — такие вот напасти.
Поп начал с радостью молебен править,
Чтоб Николая здесь восславить,
И как пошел ходить,
И как пошел кадить!
И в фанатичном том задоре
В дыму угодника упрятал вскоре,
Дьячка, и клирос, и алтарь,
И сам гудит, как пономарь.

•

А в церкви — смрад неопровет,
Чихает, каплет народ;
Того уж дергает и рвет,
Там — у обоих полон рот.
Терпели долго люди так, потом же — ходу,
И поп с угодником остался без народа.

Случаются на свете люди:
Есть пара критиков, известных нам,
Что вечно курят фимиам, —
От них тошнит повсюду.

1926

ПРО ЦЫГАНА И КОБЫЛУ

О том немало нам трубили,
Что каждый из цыган свою кобылу хвалит,
А на чужую горы валит...
Цыган не мыслит ездить на захваленной
кобыле:

Ему бы сбывать и получать.
О беспардонности его не будем мы трубить:
Цыгане нам ясны без слов,
Не понимаем только тех панов,
Кто без причин лукавит
И просто так, для вящей славы
Своею хвалится кобылой
(Особенно их много среди писак).
Другая кляча
На трех ногах, бывает, скачет,
А он кричит: «Глядите — вот рысак!
Какая красота! Какая резвость! Сила!»
Захлебываясь, не видит он,
Что туча крутится ворон,
Что карканьем кобылу славят гости,
Что кляча вся в коросте,

Безногая, и с шишкой на боку.
Так языком до тех пор чешет,
Пока ее пешочком не утешат,
«Надробное отпезши «рысаку».

Чем похвалами где попало бредить,
Взглянуть не повредит, на чем же
каждый едет.

1926

ФИЛОСОФ И РЕКА

Прошел философ полземли.
Чего плутал?
Иль правды он искал
И тропок тех, что к ней вели,
Иль сложность изучал идей,
Что вызывают у людей
То гордость, то тревоги.
Но только сбился он с дороги,
Пошел к деревне напрямик
И оказался перед речкой вмиг.
Деревня вся как на ладони,
Дымятся печи, казаны
И запах вкусный в речке тонет:
Не иначе пекут блины,
А может, даже пироги
(Философ, стоя у реки,
Не взял и крошки для забавы),
Да вот беда —
Пред ним вода
И никакой не видно переправы.
«Не будем горю предаваться, —
Сказал философ наш и начал раздеваться, —
Мне только нужно снять штаны,
И я успею на блины».

Но лишь разделся — тут же сомневаться:
Или в штанах, иль без штанов —
Философ есть философ:
Порассуждать всегда готов
О всем громкоголосо.
«Какая же судьба меня там ожидает?
Хоть разум мой глубины постигает,
Но ведь вода тут черная такая...
И потому глубины здесь и зыбь
Не для философов — для рыб».
Вдруг в миг сей не рутинный
Сомнений, грез и дум
Раздался гулкий рев ослиный:
Лакая воду на ходу,
Осел промчался, на беду,
Ужасный поднимая шум.
Напившись, стал среди реки,
Хвостом махая от тоски.
(Ослу тут было по колено.)
Философ снова весь в сомненьях:
«И почему у речки дна не видно?
Хотя, пожалуй, очевидно:
Мы потому в воде не видим дна,
Что в водоеме муть одна».

Так мы роман иной с изъясном
Считаем чуть не океаном.

ИГНАТ КАНЧЕВСКИЙ

Игнат Канчевский родился в мае 1896 г. в Вильно. Окончил реальное училище, учился в Петербургском технологическом институте, перевелся на филологический факультет Московского университета. В 1916 г. был мобилизован в армию. Препорщиком воевал на Румынском фронте. В 1917 г. приезжает в Москву, где учится на высших кооперативных курсах при университете Шенявского. В 1919 г. переехал в Вильно, работал инструктором Совнархоза Литовско-Белорусской ССР. После оккупации поляками Вильно принимал активное участие в белорусском культурном движении. Писал политические статьи, литературные рецензии и стихи.

Умер 21 апреля 1923 года в Вильно.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ПАННО

В Бернардинской обители шепчутся
 желтые листья,
На тропинках блестят чуть приметно
 скорлунки каштанов.
И в каналах вода от зимы и синее, и чище,
Говорит с валунами о лучших годах
 беспрестанно.

...И выходит таинственно вечером
в позднюю пору
Князь последний Литвы в волнах гаснувших
зыбкого света,
С бородой кучерявой — каштанов
на тропках узора, —
С страусиным пером, вознесенным над
черным беретом.

Не спеша, не прибавив ничутьочки шагу,
Он восходит на гору и к башне подходит
громадной,
И, рукой опершись под плащом
на злаченную шпагу,
До утра смотрит в дали притихшей
страны необъятной.

Ждет... пока не рассеется тьма над рекою,
Над водой побелевшей развекются
сонные чары,
И во мгле поплывут гордо лебеди вновь
чередою,
А над искрами рос заблестят очи
нежной Барбары.

1923(?)

ВЛАДИМИР ЖИЛКА

Владимир Адамович Жилка родился 27 мая 1900 г. в д. Макаши Несвижского района Минской области в крестьянской семье. В 1914 г., после окончания городского училища, вместе с родителями переехал в Минск. Учился в Богородицком агрономическом училище Тульской губернии (1915-1917), работал агрономом в государственном поместье под Минском (1918-1919). Учился в белорусской гимназии в Двинске, а с февраля 1923 г. учился на историко-филологическом факультете Пражского Карлова университета. В 1926 г. вернулся на родину. В начале 1930 г. арестован и сослан на 5 лет в г. Уржум Кировской области. Умер в ссылке 1 марта 1933 г. Реабилитирован посмертно в 1960 г.

Печататься начал в 1920 г. В Минске изданы сборники, переводы, критические статьи.

* * *

Мы любим древние преданья,
Былины старых гуслиаров
И их нехитрые сказанья
О всех деяниях веков.

Приятно истины изведать,
Истории истлевших книг;
Из летописей знать о дедах
То, что монах иной постиг.

Приятно прадедов надежды,
Их тайны, думы узнавать,
Дела, вершившиеся прежде,
Где, как сражалась наша рать.

Мы старших знаем поименно:
Пример, наука нам они; —
И помним мы и веча звоны,
И вольность отчей стороны;

Не позабыли мы холопства,
Страницы скорби мировой
Нас учат видеть вероломство
И мести будят гнев святой.

Но все же будут нам милее
Часы, когда из тьмы болот
С надеждой, верою прозреет,
Восстанет праведный народ.

Еще не видно в перетрусье,
Куда его проляжет шлях,
Но дух свободы в Беларуси
Живет и побеждает страх.

И, может, только побоится
Лишь тот дней наших и имен,
В ком жизни не забьет криница,
Кто спит, стяхнуть не в силах сон.

1921

-

ЛЮБОВЬ

Явилась ты, и новых сил криница
Забилась, думы вырвались в полет, —
То жизни боль, то легкость смерти снится,
И сердце незнакомое поет.

Она же красотой волнует, чаровница:
Как змеи, виснут косы с плеч ее,
А очи — из-под туч зарница,
И тайна страсти на груди зовет.

Отравлен ядом чувственных страданий,
На зов таинственный иду без колебаний
Увидеть светлоокую Лауру.

А с губ уже срывается сонет,
Как вихрь звенящий, своевольный в бурю,
И радостный, как любящий поэт.

1921

* * *

Душа моя, как лилия,
Горюет средь болот.
Рождается идиллия
В трясине сонных вод.

Ей снится небо синее
И солнце, и весна,
И песней соловьиною
Отравлена она.

Ей тайны полусонно
Родная шепчет тишь,
И в ночи темно-темные
Чаруют звезды лишь.

Вокруг же тина нудная
И плесень на буграх,
И вздохи чьи-то трудные,
Печаль и некий страх.

И что-то неумелое
Тростник шумит-поет,
Что лилия несмелая
Не слышит средь болот.

1921

* * *

Моя судьба — палач безмолвный.
Безжалостней рука кого?
Но воин может хладнокровно,
Без трусости принять его.

Умеет воин дерзновенно
Встать насмерть перед силой злой
И, все теряя неизменно,
Долг до конца исполнить свой.

Терять же более нет смысла,
Терпеть нельзя — позор сполна:
Народ, Свобода и Отчизна, —
На все лишь очередь одна.

Все дорогое и святое,
Все, чем жила моя душа,
Чужою стиснуто рукою,
Ударом сбито палаша.

Но подо лбом суровым этим
И в голове среди забот
Стремленье цель достичь на свете
Неодолимое живет.

Непобедимой волей шальной,
Превозмогая рок и мзг,
Звенит душа былым заклином,
Звенит без робости и слез.

•

Пока пылает сердце гневом,
И гнев воинственной бича,
Я бой приветствую напевом
И звоном острого меча.

Когда же я от страшной раны
Свалюсь в крови, едва живой,
И враг, моею кровью пьяный,
Надменно встанет надо мной,

Я и тогда не сдамся кáтам,
Сдержу часов последних боль,
Моя же ненависть набатом
Означит жизни всей юдóль.

1925

•

* * *

Р.М.

Любовь ничего не требует,
Любовь ничего не просит, —
Так радуется синее небо,
Так теплит ромашка в колосьях.
Любовь, словно песня о звездах,
Возносит в просторы незримо.
И счастьем, и верою в грезы
Глаза расцветают любимой.
И даже в несказанной грусти
От чувств твоих неразделенных
Печаль горевать не допустит
Надежду, что плещет влюбленно.
Любимая, милая, цветень!
В плену изумительной доли
Есть песней кого заприметить,
И сердцу уж будет довольно.
Доверчиво сердце в молитве
Склоняется к образу милой,
Но было бы еще счастливей,
Когда бы кого-то любило.

1928

СТРОКИ ПРОЩАНИЯ

Феликсу Кунцевичу, сердцу,
раздираемому болью о Родине,
посвящаю*

О, мой край, — перепутья с крестами.
Стаи птиц на полях межевых!..
Сердце боль пронизала ножами,
И мне песен не слышать твоих.

О, мой край! Очарован я новью
Твоих далей безмерных, поверь.
Был ты первую детской любовью
И останься последней теперь.

Думал я, что не будет колдобин,
Не придется изведать вражды,
Что былые обиды затопим
Половодьем весенней воды.

Но, увы! Хмуры лица у людя.
Говорят о недобром опять.
И меня, как злодея-приблуду,
Поведут без тебя горевать.

* Кунцевич Феликс (1900 — 1930) — критик, прозаик, поэт, переводчик, друг В. Жилки.

Не спрошу, почему безызвестно
Отрывают от отчих могил —
Своей юностью, радостью честно
За любовь я свою заплатил.

Что я сделаю с таким сердцем,
Раздираемом болью людей?
Может, чтобы не был иноверцем,
Может, чтобы любил я сильнее?

Может, чтобы навек нерушимо
Слился с краем навечно мой дух?
Мое верное сердце! Незримо
В кандалы ты заковано мук!

О, мой край, злого ветра дыханьем
Не залить твою счастья зарю!
Эти грустные строчки прощанья
Вспоминай, когда я догорю.

До свиданья, любимый, желанный,
Расцветай и красуйся в веках!
Ну, а я, словно лист первозданный,
По тебе на чужбине зачах.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

Владимир Николаевич Дубовка родился 15 июля 1900 г. в д. Огородники Поставского района Витебской области в крестьянской семье. Окончил Ново-Вилейскую учительскую семинарию (1918). Учителем работал в Грцкой области (1918-1920), служил в Красной Армии (1920-1921). После демобилизации работал методистом и инспектором белорусских школ Наркомата образования РСФСР и занимался на творческом отделении Высшего литературно-художественного института им. В. Брюсова, который окончил в 1924 г. В 1930 г. репрессирован. Заключение, ссылку отбывал в Кировской области в Чувашии, на Дальнем Востоке, в Грузии, Красноярском крае. После реабилитации (1957) жил в Москве. Член СП СССР с 1958 г. Умер 20 марта 1976 г.

Начал печататься в 1921 г., опубликовал сборники стихов, книжки стихотворных сказок для детей. Вышли «Избранные произведения» в 2-х томах (1959, 1965). Известен и как переводчик произведений Шекспира, Байрона, Брюсова и др. Лауреат Литературной премии им. Янки Купалы (1962).

-

* * *

...Они за косы погибали Клеопатры,
За очи те, что и не снятся, право.
К ногам несли, — и приносили щедро, —
Жизнь, и судьбу, и славу.

...И погибали в волнах раскаленной лавы,
Что выплеснул безжалостный Везувий.
В последний раз на золоченых лавках
Ловили эхо губ и тень надежды.
Затем с Помпеей сказкою заснули.

...И погибали ежедневно, ежегодно,
За ласки нежные, минутные, за ласки...
Жаль, что с блудницею негодной,
Жаль, что не с первой, что неоднократно.
И так от Рима до Аляски.

1925

Знаешь прекрасно: ты дивно пригожая,
Губы желанны твои непослушные.
Очи случайно мне жизнь растревожили,
Синько льняной закружили радушною.

Слышал — не верил: и встреча,
и брошенность.
Что ж! Будет песня печально-минорная.
Наша любовь и простая, и сложная,
Хоть необычною грустью обёрнута.

Для тебе Бог красоту неприметную,
Даст, безусловно, и счастье великое.
Очень хочу, чтоб не стала кометою,
Память к тебе не была чтоб безликою...

Волнами в волнах, покуда не стинули,
Сердце твоё чтобы жалость не сглазила...
Может, и мы на просторах дельфиновых,
Словно юнца Рафаэля фантазии...

1925

ФЕДОР КЛЯШТОРНЫЙ

Федор Федорович Кляшторный родился 11 марта 1903 г. в д. Поречье Лепельского района Витебской области в крестьянской семье. Окончил литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета (1931). Работал на радио, в прессе. Печатался с 1925 г. Издал сборники стихов, книжку-рисунок для детей (1935). Репрессирован; расстрелян 30 октября 1937 г.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Месяц вновь из-за гор васильками
Пересыпал озерную синь.
Стыпет все...
Ледяными серпами
Осень косит рябину, полынь.

Толпы звезд снеговым переливом
Разметали в полях провода.
Словно кони с намыленной гривой.
В темноте спит деревьесв орда.

Кто-то там на широком приволье,
Где размежья горят серебром,
Вдруг запел о бескрайнем раздолье,
Засвистел ледяным соловьем.

•

Ох, как рвется душа на просторы,
Что-то хочется вечно любить,
По-ребячьи и звезды, и зори
В ледяных перезвонах будить.

Месяц вновь из-за гор васильками
Пересыпал озерную синь.
Стынет все...
Ледяными серпами
Осень косит рябину, полынь.

•

* * *

Вплетается дым в золотую гладь
И над просторами березовая просинь,
День розовый спустился подремать
В густой тени смолистых сосен.

Дурманит запах меда наяву...
Задумались, замолкнув, дали.
Ромашки белые заснежили траву
И в тишине туманной задремали.

О край родной, соломенные хаты...
Люблю свободы сказочный приют.
Иду один, а тыщи птиц крылатых
Мне о любви несбыточной поют.

И тут болеет душа не перестанет,
Тут не остынет в жилах кровь...
Тут каждый крест — борьба и истязанье,
Тут каждый угол — вечная любовь.

О, тут есть все...
Хочу так жить и верить, —
Отдать всю душу красоте лесов.
Готов бежать веселым пионером
Под золотые трели соловьев.

Вновь над просторами березовая просинь.
Дым в золотистую уходит гладь,
И за верхушками смолистых сосен
День розовый спустился подремать.

1927

КЛЕНОВЫЕ МЕТЕЛИ

Как грустно, милая, укоры
Из чаш твоих мне допивать,
Когда так светят,
Светят зори,
И звезд дрожит лихая рать.

Пойти бы в ночь,
Пойти долиной,
Пойти Бог ведает куда...
Не все увидены картины,
Не все открыты города.

Пойти, где ветры на озерах
Извечно навезают грусть...
Люблю я ширь,
Люблю я поле,
Люблю родную Беларусь.

Тут каждый куст пост блаженно,
Тут речка сказкою журчит,
И повесть долгую сражений
Твердит тут каждый крест и вид.

Дорогой дальнею пойду я,
Пойду порою без дорог
И каждый кустик расцелую,
На каждый поднимусь порог.

И если над простором жарко
Засвищет молот городов,
Я разобью пустую чарку
На поле вышитых годов.

Не буду, милая, укоры
Из чаш твоих я допивать.
Когда над нами будут зори
И звезды сталью отливать.

НАТАЛИЯ АРСЕНЬЕВА

Наталья Алексеевна Арсеньева родилась 20 сентября 1903 г. в Баку (Азербайджан) в семье служащего. После окончания 1-й Виленской белорусской гимназии (1921) поступила на гуманитарный факультет Виленского университета. В связи с переводом мужа в Хельню (Польша) в 1922 г. была вынуждена бросить учебу. В 1939 г. оказалась в БССР, работала в виленской областной газете. Как жена польского офицера с двумя сыновьями в начале 1940 г. была сослана в Казахстан, где работала в колхозе. Благодаря ходатайству СП БССР в мае 1941 г. вернулась в Беларусь. В годы Великой Отечественной войны находилась в оккупации, работала у немцев в газете, в 1944 г. руководила отделом литературы Белорусского культурного объединения. В связи с наступлением Советской Армии (1944) выехала с мужем в Германию, где находилась некоторое время в лагере для перемещенных лиц. С 1950 г. жила в США. Скончалась в 1998 г.

Первое ее стихотворение в белорусской печати было опубликовано в 1920 г. (газета «Наша думка»). Автор сборников поэзии. Перевела на белорусский язык ряд либретто опер, оперетт, отдельные стихи Мицкевича, Гете и др.

ЛЮБЛЮ Я СОЛНЦЕ ЗОЛОТОЕ

Люблю я солнце золотое,
Люблю пригожею весной.
Когда все новое, святое
Смеется радостно со мной.

Люблю небес весенних ласки
И поцелуи ясных кос,
Где льнут деревья без опаски,
И листья нежатся берез.

И ожил сад. И к солнцу ветки
Деревья тянут в полусне.
Я птицу выпущу из клетки —
Лети на волю, пой весне!

Цветет черемуха, черешня,
В наряде яблонька стоит,
Играет ветер с ней, и песня
Святой весне в ушах звенит!

Весна, весна, пора цветенья,
Неси везде свое тепло.
Люби в восторге возрожденья,
Пусть будет на земле светло!

Люби, ласкай, согрей дыханьем
Жизнь на земле и жизнь людей!
Тебе ответит сад признаньем,
И сердцу будет веселей.

Целуй меня, прошествуй властно
В поля, леса погожим днем.
Люби, люби отчизну страстно,
Любовью грей, ее огнем!

1921

ЖЕЛАНИЯ

Как колосья страдной нивы,
Сердце бьется на ветру.
Ничего мне здесь не диво,
Ничего не соберу.

Зимней вымученной ночью
Снится августовский стог,
А весной сердце хочет
Видеть осени венок.

Темнотою, бездорожьем
Лишь одно пойду искать,
Что иметь нам невозможно
И никто не может дать.

Постоянно

Языческой жутью простой
Мое сердце сжимается ночью багровой.

Не церковной молитвой, святою водой —
Окрестил меня кто-то в зеленой дуброве.

1936

МОЛИТВА

Великий Боже! Властитель света,
Земли и Солнца, сердец любых,
Ты Беларуси, тихой и светлой,
Благословенья дай и любви.
Дай милость к жизни, будничной, серой,
Па хлеб насущный, любимый край.
Дай уваженье и стойкость веры
Ты в нашу правду и силу — дай!
Дай плодородие нашим нивам,
Пусть будет щедрым и умолот.
Сделай свободной, сделай счастливой
Нашу Отчизну и наш народ!

1942

ПИЛИП ПЕСТРАК

Пилип Семенович Пестрак родился 27 ноября 1903 в д. Саковцы Ивацевичского района Брестской области. Учился в Куйбышевском университете (1920-21). В 1921 г. вернулся на родину. С 1927 г. секретарь Косовского подпольного райкома партии. 11 лет сидел в тюрьмах Польши. Освобожден в сентябре 1939 г. Красной Армией из гродненской тюрьмы. В Отечественную войну участник партизанского движения в Белорусии. Работал начальником Управления по делам искусства при СНК БССР (1943-45), в Институте языка, литературы и искусства АН БССР (1946-48), литературным консультантом СП БССР (1948-51). Умер 22 августа 1978 г.

Печататься начал с 1926 г. Член СП СССР с 1939 г. Автор сборников стихов, романов. Переводил на белорусский язык.

ПУШКИНСКАЯ ОСЕНЬ

На поле тишь. Давно все сжаты пивы,
И даль осеннею раззолотилась мелой,
Наневы дальние, как трели-переливы,
Плывут с долин над тихою землею.

Невольно хочется заслушаться в просторы,
Припомнить юность, детские мечты,
Где каждый поворот дороги вторит
О пройденном, растаявшем как дым.

Не распрощаться мне с волшебным
шумом сосен,
Не позабыть курганной седины,
Где лирою звенит мне пушкинская осень
И будит песенные сердца думы-сны.

И чувство теплое, как тучка в небе чистом,
Выливает в сердце с пушкинских картин, —
Напевы детства в вечер серебристый
Пленяют «Бурею» и «Вновь я посетил...»

И снова слышу шум знакомый сосен,
Развеивая дней текущих стынь,
Любовь таинственно уходит в неба синь,
И лирою звенит мне пушкинская осень...

1949

ДРУГУ НЕИЗВЕСТНОМУ

Недаром, зная, сплетал венки Петрарка,
Клад на алтарь любви священный дар,
И на смех никому он не отдал
Своих восторгов сердца ярких.

От мук души до счастья путь не гладкий,
Оно куется сердцем каждый день
И жестко за собой ведет, как тень,
То огоньком волшебным, то украдкой.

Вот так и я, непризнанный и трудный,
Вдруг вслушался в осенний шум листвы,
В простор небес, задумчивый и мудрый,

И за листком слежу я золотым —
И наконец, с напевом ветра грустным
Шлю другу неизвестному мечты...

1959

ПАВЛЮК ТРУС

Павлюк (Павел Адамович) Трус родился 6 мая 1904 г. в д. Низок Узденского района Минской области. Окончил Минский белорусский педагогический техникум (1927). Работал в редакции гомельской газеты (1927-28). Учился на литературно-лингвистическом отделении педагогического факультета Белорусского государственного университета (1928-29). Умер 30 августа 1929 г.

Печатался с 1923 г. Автор сборников стихов, книжки избранных произведений (1979) и др.

СОНЕТ

В соцветьях осени пунцово-золотых
Две вербы гнулись под ветрами низко до
Из золота плели венки безмолвно
И тихо падали кленовые листья...
Над синим озером увядшие цветы
Печалью веяли от радости веселой,
Плели венки в туманном полдневолье,
Кувшинкам чтоб в болоте не застыть.
Так думы тонут в будничном бездонье,
Взметнувшиеся случаем сегодня, —
И вдаль плывут за гомоном криниц.
И в сердце трепетном под звонкие аккорд
Веков историю нам шипут дни,
Лелеют будущее нежно, буйно, гордо.

Скажи, любимая, скажи,
Зачем таить досаду, слезы,
Когда так ясно светят звезды?
Не верь ты им, а мне скажи.

И почему венки души
Твоей нежданно так завяли?
Куда несет их жизнь в печали?..
Скажи, любимая, скажи!..

ТРИПТИХ

I

Улывет в слезах осенняя дорога,
Холодный день разлился над селом.
И потонули в золоте отроги
Под грустной осени встревоженным крылом.

Холодный день разлился над селом,
А тени нежные купаются в долине,
Под грустной осени встревоженным крылом
Слезами в сердце песня не остынет.

А тени нежные купаются в долине
И плавают в лугах обветренным челном.
Слезами в сердце песня не остынет,
Не ответит калиной под окном!

II

Дрожит и стелется над лесом позолота,
На тучах просинь нежится вдали,
И в сошной выси над седым болотом
С гортанным криком кружат журавли.

На тучах просинь нежится вдали.
В душе глубоко затаилась радость.
С гортанным криком кружат журавли,
От изморози загрустили гряды.

В душе глубоко затаилась радость
Печаль уносится от клюквенных светил...
От изморози загрустили гряды,
Там чары осени я сердцем ощутил.

III

Грустят под месяцем озябшие рябины,
Завяли, плачут астры под окном,
И потонули песни в розмаринье,
Листва златым рассыпалась ковром.

Завяли, плачут астры под окном,
И лепестки летят пунцовые на землю,
Листва златым рассыпалась ковром.
Душа поет, расцвет хмельной приемля.

И лепестки летят пунцовые на землю,
Узоры ткуются на лесной траве,
Ввысь сердце мчит, расцвет хмельной
приемля,
И по лугам гуляет солнцевей.

АДАМ РУСАК

Адам Герасимович Русак родился 24 мая 1904 г. в д. Песочное Копыльского района Минской области. Окончил Белорусский музыкальный техникум (1930), Ленинградскую консерваторию (1934). Работал солистом оркестра в Ленинграде (1932-49) и в Минске (1949-59). Награжден орденами и медалями. Заслуженный деятель культуры БССР (1964). Умер 21 марта 1987 г.

Печататься начал с 1927 г. Член СП СССР с 1939 г. Автор поэтических сборников, книг для детей. Многие стихи А.Русака стали широко известными песнями («Бываешь здоровы», «Лесная песня» и др.).

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

Ой, березы да сосны —
Партизанские сестры,
Ой, лесов молодых череда,
Только сердцем почую
Вашу песню лесную. —
Вспоминаю бывшие года.

Да припомню пожары,
Поступь вражеских армий
И метели колючих снегов,
Холода непогоды
И ночные походы,
И огни партизанских костров.
Край ты мой благородный,
Ты на свете свободный,
За тебя я в сражение ходил,
Чтоб не клял свою долю,
Чтобы не был в неволе,
Чтобы ты расцветал и любил.
Войн закончились годы,
Отгремели походы,
Только лес продолжает грустить.
Ой, березы и сосны —
Партизанские сестры,
В жизни вас никогда не забыть.

1950

ТОЛЬКО С ТОБОЮ

Только с тобою мне хочется быть,
Только с тобою.
Радость, и горе, и счастье делить
Только с тобою.

Раннею зорькой к тебе я лечу,
Поздней порою,
Только к тебе прикоснуться хочу
Сердцем, душою.

Выйти бы в поле, где нивы шумят
Там, за рекою,
Первые звездочки в небе искать
Только с тобою.

Будут не страшны любые пути
Только с тобою,
В жизни бы лишь неразлучно идти
Только с тобою.

1955

ГДЕ ТЫ, ЗВЕЗДОЧКА МОЯ?

Где ты, звездочка, где ты, лучистая?
За какое же облако скрылась ты?
Где ты, радость моя золотистая?
Отзовись, не терзай сердце, смилуйся.

Я ищу тебя, в небо взвиваюсь я,
В дали дальние, дали высокие,
Без тебя мне дорога не ясная.
Что уходит в просторы далекие.

Где ты, звездочка? Что за ненастные
Облака тебя держат строгие?
Ты взойди, моя звездочка ясная,
Освети счастьем путь одинокому.

1964

ВЛАДИМИР ХОДЫКА

Владимир Мартынович Ходыка родился 3 января 1905 г. в д. Титва Пуховичского района Минской области в крестьянской семье. С 12 лет батрачил. В 1923 г. окончил общеобразовательные курсы в Минске. Служил в Красной Армии, работал секретарем сельсовета. В 1936 г. осужден на 10 лет заключения в сталинских лагерях. Умер 1 июля 1940 г.

Печатался с 1926 г. Автор нескольких сборников поэзии.

* * *

Люблю, мечтаю, почитаю
Прекрасный цвет весны твоей.
К чертам лица я привыкаю
Невероятно все сильнее.

День каждый на пригорок дальний
Иду, склоняясь на траву.
Из группы разноцветных маек
Тебя, прелестную, зову.

Тут их веселой панораме
Поклоны низко бьет закат.
Заря играет вечерами,
Венки сплетаются девчат.

•

Тут что ни диво — песня Божья,
Но в мире, как ни выбирай,
Найти другую невозможно —
Такой не встретишь невзначай.

Чем дальше по стране шагаю,
Живу и ярче, и вольней,
Люблю сильнее (за что — не знаю)
Я в ней печаль твоих очей.

Из-за нее и без опаски
Судьбу и душу бросил я,
Чтобы любить тебя, как сказку,
Золотокудрая моя.

Чтоб жить никем не стертым следом
Твоих и рук, и глаз, и век,
В тебе единственной изведать,
Каким быть может человек.

•

* * *

Сказанья пуши стародавней,
Вкус басен колоритный я
Возьму в дорогу утром ранним,
Чтоб возродить из небытья.

Вскопаю деловский запасник,
И всю стерню переберу...
И что не смог народ безгласный,
Я до конца договорю.

Чрез грани дум проникну в бездну
Далеких предков, дымных хат.
За тенью мне своей не бегать,
Стихами не дразнить девчат.

Залеты, что водил по свету,
Прогнал подальше от греха...
Придумать истину поэту
Сложней, чем образ для стиха.

Не склонный к ласкам, стыд позором
Замрет в аккордах звонких струн,
И никаким нам заговором
Не смыть поэзии колтун.

И лучше драться с неизвестным,
Благого чувствовать вовек.
Я сон найду, я стану лесом.
Когда всячь двинут змеи рек.

Слечу я наземь сухолистьем —
Властитель дней, полночных чар.
Ветра на горле голосистом
Погасят вмиг крови пожар.

Тогда суму свою безгласно,
Что не добрал, не смог я сам, —
Другому мастеру бесстрастно,
Другому сердцу передам.

1932

* * *

Кому, как не тебе, послушать
Живую музыку весны?..
Ничто твои не режет уши —
Ночам земные снятся сны.

Дрожит бровей рисунок жаркий...
Их краскам в нервы рек сойти,
Их можно разобрать без чарки,
До мудрой правды дорасти.

Мы знаем всё, в нас много злобы,
На гранях дней проводим век,
И в этом смысл великой пробы
Находит новый человек.

Ему во сне могучим хором
Звучит фантазия поэм,
В которых — жизнь, душа, просторы,
Восторг невысказанных тем.

Ты в этих снах еще суровой,
Еще острее твой отказ —
Когда кую, сжимая в слове,
Я профиль дивного стиха,

Когда лихою рифмой выбью
Я искры вечной красоты, —
Мой образ песни — песней рыбьей
Зовешь с великим правом ты.

•
Ты лирики моей не любишь
За ребус красок как назло,
Ты день мой завтрашний голубишь,
И на душе моей тепло.

А я люблю твой светлый эпос,
Твой взгляд суровый пью до дна...
Душа — не пареная репа,
Живым огнем горит она.

1934

ПЕТРУСЬ БРОВКА

Петрусь (Петр Устинович) Бровка родился 25 июня 1905 г. в д. Путилково Ушацкого района Витебской области в крестьянской семье. Окончил литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета (1931). Народный поэт БССР (1962). Академик АН БССР (1966). Заслуженный деятель науки БССР (1975). Герой Социалистического Труда (1972). Участник Великой Отечественной войны. В 1945-48 гг. редактор журнала «Полымя», в 1948-67 гг. председатель правления Союза писателей БССР, в 1967-80 гг. главный редактор Белорусской Советской Энциклопедии. Умер 24 марта 1980 г.

Дебютировал в 1922 г. Член СП СССР с 1934 г. Автор многочисленных сборников поэзии. Лауреат Сталинской премии (1951), Государственной премии БССР, Литературных премий им. Я. Купалы и Я. Коласа.

Когда сказал тебе: «Люблю»,
Косым ты взглядом смерила.
Что хочешь, я перетерплю,
Чтоб только ты поверила.

Цветы я рад тебе носить
И просьбы слушать странные.
Ты одного лишь не проси —
Любить тебя не перестану я...

ПАХНЕТ ЧАБРЕЦ...

Можно ль на вечер этот забыться?
Солнце за лесом жар-птицей садится,
В роще соловушка плачет певец,
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Легкой походкой по узкой тропинке
Девушка в белом летит, как снежинка.
Губы — пылающей зорьки багрец.
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Выйти навстречу бы, встать и признаться.
Вот оно — близкое, ясное счастье.
Нужно окликнуть, вести под венец...
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Может, одиннадцать лет иль двенадцать
Сердце болит, что не смог повстречаться.
Сердце мое исстрадалось вконец.
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Время исчезло за дальней горою,
Выйдет минуткой, блеснет предо мною.
Тщетно зову — лишь биенье сердец...
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

1957

АЛЕКСАНДРИНА

Мне не забыть той песни увянувшей весны:
«На Муромской дороге стояли две сосны».

Ходили мы и пели, и с песней ты цвела.
Александрина, помнишь, какую ты была?

Теперь могу признаться: тогда я стал любить
И с самой лучшей розой не мог тебя
сравнить.

Сказать, что василечек, да краска в нем одна,
Что лилии ты краше — холодная она.

Сказать, что ты звоночек... Так всех же
мало их!..
Такою ты предстала в семнадцать лет моих.

Минули годы быстро. Мне навевали сны,
Как где-то на дороге стояли три сосны.

Прошли весна, и лето, и осень, и зима...
Александрина, где ты? В глазах лишь
полутьма...

1961

ПЕТР ГЛЕБКА

Петр Федорович Глебка родился 6 июля 1905 г. в д. Большая Уса Узденского района Минской области в крестьянской семье. Окончил литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета (1930). Работал в прессе, в издательствах. В 1952-56 гг. заведующий сектором лексикографии Института литературы, языка и искусства АН БССР, в 1957-69 гг. — директор Института искусствознания, этнографии и фольклора, в 1966-69 гг. — академик-секретарь отделения общественных наук АН БССР. Академик АН БССР (1957). Награжден орденами и медалями. Умер 18 декабря 1969 г.

Печатался с 1925 г. Член СП СССР с 1934 г. Автор многочисленных сборников поэзии, прозы. Выступал с литературно-критическими статьями. Занимался переводами на белорусский язык.

ВЕЕТ ВЕТЕР

Веет ветер — вздох русалки,
На дороге снег хрустит.
Пережитого не жалко,
Молодым бы только быть!

Не умели, видно, очи
Уберечь огонь живой...
Стан девичий помню почью.
Сенокосный луг хмельной.

Помню тихий, звездный вечер.
Обаянье красоты...
Косы падали на плечи
Водопадом золотым.

Губы рдели, как малина...
Было что — того не знать:
Нет свидетелей поныне,
Луг лишь может рассказать.

А теперь я хмурю брови —
Осень, ветер, снег и дождь...
Эх, луга и лес еловый,
Вам любовь ли невтерпеж?

На губах улыбка тает,
Как в руках девичий стан.
Где ж ты, радость молодая,
Сада внешнего дурман?!

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Ты спишь...
За окном осыпаются звезды,
Гуляют размашисто ветры,
В садах колышутся сливы,
Шумит половодье,
В запрудах весенняя кружит вода.

Покой твой
Наполнили
Темные тени,
Тепло,
Тишина
И легенды весны.
Ты спишь...
И к тебе сквозь высокие стены
Приходят спокойные,
Добрые сны.

Проснешься ты завтра
И, их забывая,
Работой спорою
День будешь жить,
И лишь на устах у тебя
Молодая
Улыбка веселая
Будет бродить.

И ты не узнаешь,
Что волей-неволей
Любовь моя сон твой
Всю ночь берегла.
И глаз твоих звезды,
И рук твоих холод,
И губ нецелованных
Крохи тепла.

Ты легкую шапочку
Молча наденешь.
Веселая выйдешь
С другими гулять.
Но ревности только моей
Ты не встретишь,
И зависть обидно
Не будет кричать.

Вам всем поклонюсь,
Словно друг и товарищ,
Смогу и улыбкою
Всех одарить,
С другою веселою
Стану я в паре
И от всего сердца
Я буду просить.

-

Пусть над головой вашей
Чистое небо
Раскроет крутые ладони свои;
Пусть щедро земля
Даст душистого хлеба
И вдоволь
Кристалльной водой напоит.

Пусть листьями
Красочными величаво
Ветра будут
Ваши пути выстилать;
Пусть вам распевают
Леса и дубравы.
Дожди вам подарят
Свою благодать.

И пусть для тебя
Разгораются зори
И ветры привольно
Гуляют в садах,
Деревья шумят
И звенят птичьи хоры,
В запрудах весенняя
Кружит вода.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Андрей Иванович Александрович родился 22 января 1906 г. в Минске в семье рабочих. Окончил литературно-лингвистическое отделение Белорусского государственного университета (1930). Работал в газетах и журналах. Жил на Крайнем Севере (1938-47), в Красноярском крае (1949-55). Умер 6 января 1963 г.

Печатался с 1921 г. Издал сборники поэзии, книги для детей.

ПОБЕДА

Я в снежной тундре жил тогда.
Там, помнится, метели дули
И телеграфные тонули
В сугробах вязких провода.

Казалось, вьюги и метели
Здесь будут завывать всегда,
И в ледяной своей постели
Окончу я свои года.

Мы согревались как могли,
В промерзших латаных бумплатах
И на работу из палаток
Мы лезли, как из-под земли.

Вокруг простор морозный, льды,
Но, несмотря на испытания,
Вели мы бой до издыханья
С дыханьем вечной мерзлоты.

Но не прошел, наверно, год,
И гордо первый рудный камень,
Добытый в недрах тундры нами,
Мы погрузили в самолет.

1956

АЛЕСЬ ЗВОНАК

Печатается с 1925 г. Член СП СССР с 1936 г. Издал сборники стихов. Выступал как драматург, критик. Перевел отдельные произведения Пушкина, Некрасова, Рылского, Тычины, Гамзатова и др.

ПОРТРЕТ

[illegible]

Догадка-загадка крови опалелой,
Стремление с несмелостью — лад и не лад, —
О, юности жажда! Когда б ты умела!
О, старости мудрость, когда б ты могла!

Быть может, палящее небо Тавриды
Во взгляде твоих отразилось очей,
Быть может, безумная кровь тимуридов
Течет непокорно в тебе все быстрее?!

Есть что-то от ангелов, что-то от гурий
В походке упругой, в движениях бедра...
Таких одевали в звериные шкуры,
Держали в парчовых роскошных шатрах...

И крали таких в разудалом набеге,
Как только над стенью опустится мгла,
Далекие предки твои — печенеги,
Закинув с наскока на луку седла.

Таких на фелюгах под парусом алым
Возили пираты на рынки рабынь,
Чтоб дева в гареме красавицей стала:
Как молния — взгляд, а уста — как рубин!

Таким по велению грозного хана
Под гром тамбуринов, под стоны зурны
Велели нагими плясать у фонтана,
Чтоб тешили глаз красотой белизны...

Во взгляде я все прочитал это жарком
Твоих греховодных прекрасных очей...
Виват, рог серебряный — звонкая чарка,
Приметы разбойничьи: южных ночей!..

Вот тут бы и точку поставить, ликуя,
Но нет — дух свободы толкает: лови
С распущенной гривой дикарку лихую,
Пока не остыли желанья в крови!..

1949-1952

СИНИЧКА

Девчонки милые! В долгу
Пред вами вечно, изумленно,
Что не сгибался я в дугу,
Красою вашею плененный,

Из той кринички пил подчас
Взахлеб, неистово, блаженно,
И я любил безумно вас
То просто так, то вдохновенно.

Быть может, в том добро и зло,
И смысл взаимоотноженья,
Что ваша кровь и ваша плоть
Живет во мне со дня рожденья,

Что я подростком увидал
Сквозь щель случайно, безотчетно,
Как бог Эрот двоих терзал
Счастливым сладострастьем плоти!

Не дал Творец перед концом
Своей рабочей семидневки
Владеть мне кистью иль резцом,
Чтоб высечь образ королевский,

Чтоб смог я вылепить из вас
Нетленный образ венценосный,
Чтоб не разбил хрустальных ваз
От восхищенья или злости...

•
Перо гусиное — волшебный дар
Мне вместо глины, гипса, воска
Вручил небесный государь,
Сказав: «Давай сонеты шпארь
Своей Лауре из Логойска!»

И правда, что мне глина, воск —
Знаменья памяти капризной?
Мне мягкий шелк девичьих кос
И сладость уст дороже жизни!

А блеск загадочных очей,
А сумасшедший стан девичий
Душой не правят ли моей,
До сумасбродств, до неприличий?

Что нам бродить в мечтах и снах
Меж привидений в лунном склепе?
Сизичка нам верней в руках,
Чем журавли в высоком небе!

•

К тому ж, когда в синичке той
Живого веса и немало...
О, где вы, дни весны златой —
Прекрасной юности начало?!

Земной насквозь с землею сольюсь
(Поверьте: был я под землею!)
С последним выдохом: «Люблю
Я все земное, все живое!»

1949

СЕРГЕЙ ДЕРГАЙ

Сергей Степанович Дергай родился 27 сентября 1907 г. в Минске в семье железнодорожника. Окончил 1-ю Минскую железнодорожную семилетнюю школу (1924), а затем трехлетние общеобразовательные курсы (1927). Болезнь не дала возможности учиться дальше. В середине 30-х годов работал подчитчиком и корректором в газете. В годы Великой Отечественной войны жил в Гомеле, участвовал в подпольном движении. Работал заведующим отделом поэзии литературного журнала (1951-1953), ответственным секретарем, был редактором отдела литературы сатирического журнала (1953-1967). Член СП СССР с 1950 г. Награжден медалями. Умер 25 декабря 1980 г.

Первые стихи напечатал в 1938 г. Автор сборников поэзии, переводов.

Лауреат Литературной премии им. Янки Купалы (1964).

СИНЯЯ БЕЗДНА

Гляжу я в бездну синюю ночи,
Изломанною молнией пронзенной...
Без переводчиков, пожалуй, помолчим:
Я тайной овладел непревзойденной.

Ты здесь со мной... И ты теперь моя.
Ты здесь со мной... И мудрый я, поверь мне.
Не выброшу на ветер забытья
Заветных дум и мыслей нетерпенье.

Ты здесь со мной — я все могу, как есть...
Ты здесь со мной — я ласковый, подруга. —
Цвету. Извечно молодость и честь
Красуются, презрев метели-выюги.

И ты одна — единственно моя,
Без размышлений и без колебаний,
И так тебя люблю безмерно я, —
Любовь — апофеоз переживаний.

Дошли с тобой мы до ее венца.
И погубить друг друга — бессерлечно,
Как перстень без начала и конца,
Так мы — одно-единое навечно.

1957

. ОЙ, ДЕВУШКА

День прилег в бездорожье,
Изнывая в истоме,
А девчонка — о, Боже! —
Не домой, а из дома!

«Вижу я, так и ведай,
Как крадешься из хаты...»
То подсолнечник вслед ей
Смотрит подслеповато.

Сколько дум благодарных!
Сколько чувств искрометных!
А колючий татарник
Вторит тоже охотно:

«Ты не в лес ли, дивчина,
По грибы мчишься скоро?
Ой, же будет причина
Для любых наговоров!»

Ветерок шаловливо
Стройный стан обвивает,
А у тына крапива
Ноги вмиг обжигает...

Придорожный орешник
Норовит прямо в очи:
«Эх, дивчина, конечно,
Не гуляй по полночи!»

Кто стоит там у дуба?
Кто следит, скособочась?
Может, снова нелюбый
Повстречать ее хочет?

Нет, шум разноголосый...
Чей-то слышится голос —
Это в поле колосья —
Шепчет колосу колос...

Кровь кипит и бунтует,
И огонь во всем теле.
— Что ж, наверно, сгорю я
На зеленой постели!..

Месяц смотрит щербатый,
Не зовет и не судит:
— Время, милый, до хаты...
Ох, и будет мне, будет!..

1957

СТАНИСЛАВ ШУШКЕВИЧ

Станислав Петрович Шушкевич родился 19 февраля 1908 г. в д. Бакиново Дзержинского района Минской области в крестьянской семье. Окончил Белорусский высший педагогический институт в Минске (1934). Работал в редакциях газет. В 1936 г. был арестован, осужден на 8 лет, находился в тюрьме, лагере, ссылке. В 1946-49 гг. учительствовал в Дзержинском районе. В 1949 г. был арестован повторно и выслан на спецпоселение в Красноярский край, где работал лесорубом, в геологических экспедициях в Сибири. В 1958 г. вернулся в Минск, работал в газетах и журналах. В 1975 г. был реабилитирован. Заслуженный работник культуры БССР (1983), награжден медалями. Член СП СССР с 1934 г. Умер 1 января 1991 г.

Печатается с 1924 г. Автор поэтических книг, сборников для детей. Занимался переводами.

НА ДВОРЕ МОЕМ ЛИСТОПАД

Осыпается желтый сад.
Листопад идет, листопад.
Перерезана тропка ручьем
У окна моего, как ножом.

А я кладочку сам проложу
И сырой песок просушу,
Кладку милой и пригоженькой,
Не мочила б свои ноженьки.

Мне она же:

— Голубь сизонький,
Очень уж зѣмушка близенько,
Я ведь боюсь еще смолоду
Первых заморозков, холода...

— До крыльца тогда от ворот
Пронесу тебя через лед,
Поцелуями заслоня,
Будет жарче, чем от огня.

Осыпается желтый сад,
На дворе моем листопад.

(1940)

. * * *

Цвели ромашки на лугах
И василечки в жите,
Росли душистые стога
Под солнышком в зените.

И все живое от земли
Дождя с надеждой ждало,
И даже сонные шмели
Гудели тихо, вяло.

Лишь дуб меж елей и рябин
Раздвинул мощно плечи,
На ветках сорок сорочин
Плели друг другу нечто.

И отступал местами лес,
Туманились прогары,
И черный пень на горку влез,
Словно сбежал от кары.

Дрожали листики осин
И хлопали довольно.
От их насмешек исполин
Прикрыл виски невольно.

Я посмотрел на желтый мох.
Мне показалось просто,
Что слышу тихий топот ног,
Что движется к нам осень.

Цветы смотрели на лугах,
На солнышко в зените.
Печаль попряталась в стогах
И растворилась в жите.

(1976)

ВАЛЕРИЙ МОРЯКОВ

Валерий Дмитриевич Моряков родился 27 марта 1909 г. в д. Аколония (теперь в границах Минска) в семье рабочего. Трудовой путь начал каменщиком. Учился в Минском белорусском педагогическом техникуме, в 1934 г. окончил литературно-лингвистическое отделение Минского педагогического института. Два года работал учителем в Бобруйске. В 1937 г. репрессирован, расстрелян 29 октября 1937 г. Реабилитирован посмертно Военной коллегией Верховного суда СССР в 1957 г. Член СП СССР с 1934 г.

Первые стихи напечатал в 1925 г. Издал сборники стихов. Занимался переводами.

Зеленый месяц над рекой
Встает в кристальных переливах,
И ночка синим васильком
Склонила лик свой сиротливый.

Ой, ночка, ночка! Над окном
Рябина блещет позолотой.
Застрел какой-то в горле ком.
Пойти ль на речку, на болото?

Пойти и песней молодой
Вновь оживить поля, дубравы,
Что ветки низко над водой
Склонили в пламени кровавом.

Весной, где жизни была новь,
Где ветер песни пел у речки,
Она потоком нежных слов
Меня заставила перечить.

Ой, месяц, месяц над рекой
Встает, смеется, бьет поклоны,
И ночка синим васильком
Склонилась надо мной влюбленно.

1925

В роще песни чудесные пел соловей,
Кучерявая липа дремала.
На просторе дорог человеческих, полей,
Там, где песня зовет к счастью, к воле людей,
Песни девушка мне распевала.

Слушал я, и в груди беспощадным огнем
Зазвенело вдруг сердце струною.
Захотелось мне счастья, любви вновь и вновь,
Чтобы в этом просторе полей и лесов
Утонуть в тишине с головою.

Пусть мне скажет она: полюби, обнимай
Молодую дивчину приволья.
Будет песни нам петь очарованный рай,
Будет слушать их месяц и радостный край,
А мы будем любить поневоле...

И она белой-белой, как лебедь, рукой
Обнимать меня искренне будет.
Пусть тогда ясный месяц над синей рекой
Упадет на волну*золотым васильком —
Он огонь наших слов не остудит!

Пусть все ночи подряд нам поет соловей
Песнь любви до предутренней рани.
На просторе дорог человеческих, полей
Там, где песня зовет к счастью, к воле людей,
Жизнь — рассвет золотой и признанья!

1926

Помнишь ты — был тихий-тихий вечер,
Месяц плыл и плакала лоза?
Ты давно о той мечтала встрече
И хотела что-то мне сказать.

Наша лодка тихо и покорно
Уносила нас с тобою вдаль.
В бездне сладостной очей твоих озерных
Затаилась светлая печаль.

Ты молчала, на меня смотрела.
Как и ты, я думал и мечтал.
Ждал чего-то, сердце изболелось
О весне и выпитых ночах.

Так мы плыли, ничего не ждали...
Жило все надеждой впереди.
Ты мне нечто тайное сказала
И припала трепетно к груди.

Я хотел тебя любить и верить!
И уста сжигали, как огонь!
Слушал я стук сердца беспримерный,
Да сдержать не в силах был его.

Твои губы — губы так палили!
Твои груди — кровь мою сожгли:
Мы вокруг все искренне любили,
А теперь, наверно б, прокляли!

1926

БЕЛАРУСИ

I

Ты запела внову вольную песню, Отчизна,
Словно кто из недоли
Свободный пришел...
И с любовью товарища,
Друга
И сына
Потянуло к тебе всей душой.

О, любимый цветок!
О, моя мать!
О, песня!
Как тебе отплатить?
Как тебя привечать?
Как судьба ты, недоли ровесник,
Научила твоим
Все приемлющим стать.
Научила бороться,
Любить и жить в мире,
Подарила мне сердце, а в сердце огонь.
И могучую силу тоскующей лиры
Я понес от чужих берегов.

Я иду по твоим бесконечным дорогам —
Брызги солнца,
 Лазурь и бескрайность в глазах;
И свободу твою
 Из потемок бывшего
Поднимаю, как флаг,
 И несу на плечах.

И с любовью товарища,
Друга и сына
Я отдался тебе всей душой:
Я поверил в способность великой
Отчизны,
Низко в ноги тебе
 Поклониться пришел!

II
Дни идут, проходят, пропадают
Листопада желтой чередой.
Тонет все живое, исчезает
В поступи лет грозной и стальной.

Путь гранитный, тропки золотые,
Город пыльный на краю земли.
В непогоду шли и кровь не стыла,
Нас огни, огни вперед вели.

И когда сегодня бросить камнем,
Бросить камнем, пусть издалека,
Не померкнут светлые желанья,
Сила не утратится в руках.
Злятся пусть предатели Отчизны
С неприкрытой злобою в глазах,
С нашей целью — возрожденьем жизни,
Победим мы в яростных боях.

Не погаснут светлые желанья,
Кровь не станет в жилах холодной...
И в огне пылающих восстаний
Край не тронут руки дикарей.

Дни пройдут, заменятся веками...
Дни пройдут мятежной чередой...
Все живое обратится камнем
В поступи лет грозной и стальной...

1928

МАКСИМ ЛУЖАНИН

Максим Лужанин (Александр Амвросьевич Каратай) родился 2 ноября 1909 г. в д. Прусы Солигорского района Минской области в крестьянской семье. Окончил Минский белорусский педагогический техникум (1928), учился на литературно-лингвистическом отделении педагогического факультета Белорусского государственного университета (1928-1930). Работал в редакции (1930-1931), на белорусском радио (1931-1933). Был репрессирован в 1933 г. и выслан в Сибирь. В начале Великой Отечественной войны призван в ряды Красной Армии, участвовал в боях под Сталинградом. С 1944 г. работал в редакциях газет и журналов, в АН БССР, в Минске, на киностудии «Беларусьфильм», в 1967-1971 гг. — главный редактор студии. Член СП СССР с 1943 г. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Дружбы народов, Отечественной войны II степени и медалями. Заслуженный деятель искусства Белорусской ССР (1969).

Начал печататься в 1925 г. Автор сборников стихов. Издал стихи для детей. Работает и в области прозы, критики, сатиры и юмора, публицистики. Автор сценариев художественных фильмов. На белорусский язык перевел ряд произведений Пушки-

*кина, Грибоедова, Гоголя, Горького, Фадеева,
Шолохова и др.*

*Лауреат Литературной премии БССР им.
Якуба Коласа.*

ПОСЛЕДНЯЯ ПУЛЯ

Хлопцы ведут из подвала фон Паулюса.
В кучах оружие, как в сучьях сады.
Пленные шепчут: «Отвоевались!» —
И незаметно срывают кресты.

Тоненький лучик зари Сталинградской
На запотевшем штыке заиграл.
В первый раз мирно, со снятою каской
Не пригибался я, твердо шагал.

Чуть-чуть контуженный и обмороженный,
Я напевал, хоть не знал, что пою.
Даже от выстрела глупо-тревожного
Голову не защищал я свою.

Вспыхнула звездочка рядом огнистая,
Грохнуло эхо в оконный пролом:
Пуля последняя все-таки свистнула —
Враг — все же враг, даже взятый в плен.

Как не искать! Все вокруг обыскали мы!
Словно раставил проклятый стрелок:
Или схватили разведчики палого,
Или с колонной пошел на восток.

Может быть, совестью после разбуженный,
Грех этот свой отрабатывать стал
И кирпичи нес на дом он разрушенный,
Глину месил, душу всю очищал.

Пусть ему молится сухо-рассудочно
О воскрешении всех неживых.
Враг — все же враг! А бывают союзники —
Вот постарайся отбиться от них.

Мы отдохнули и переобулись,
Но не таится зло в мире акул.
Пуля, со мной что тогда разминулась,
Самая злая осталась из пуль.

Или в речах вдруг из-за Океании
Остренько чиркнет ее голосок,
Или, деля жестко сферы влияния,
Дипломатично уходит в песок.

Бьет водородная дрожь территории
Крупных и мелких держав до сих пор,
Но не стереть то, что стало историей,
Молот и серп чему дали простор.

1957

СЕРГЕЙ КРИВЕЦ

Сергей Михайлович Кривец родился в 1909 г. в д. Дубна Мостовского района Гродненской области в крестьянской семье. Учился в Белостоцком педагогическом институте (1940-1941). В 1930-1933 гг. жил в Гродно, в 1933-44 — в Белостоке. В 1944-45 гг. служил в рядах Советской Армии. Погиб в Польше 28 апреля 1945 г. во время штурма Гдыни.

Начал печататься в 1928 г. Писал на белорусском, русском, польском и немецком языках. В 1972 г. вышла книжка стихов «Дубок».

* * *

Мы забыли, что можно любить.
Эх ты, молодость наша суровая!
Но сегодня — тому так и быть, —
Попелую тебя, чернобровая.
Не суди, что еще молодой, —
Песни сердца не нами написаны, —
Начинают деревья весной
Разгораться налитыми вишнями.
Пусть же будет все, что должно быть,
Май пока вишня свой цвет не осыпала,
Кровь пока молодая кипит.
Я люблю.

Не могу не любить,
Видно, такая уж доля мне выпала.

1940

ВЛАДИМИР ДУДИЦКИЙ

Владимир Дудичкий (Гуцько) родился 8 января 1911 г. на Червеньщине. Учился в Минском педагогическом техникуме. В 1933 г. был арестован, отбыл 3 года в лагерях (Новосибирск, Мариинск) и год высылки в Казахстане. В 1944 г. выехал в Германию, жил некоторое время в США, потом в Венесуэле.

Стихи начал писать еще до войны. Печатался в газетах и журналах и в эмиграционных изданиях.

ЛАЗУРЬ ОЧЕЙ

Улыбкой сердце мне поранил
Огонь очей твоих девичьих.
Скажи, зачем же эти раны?..
Любовью сердцу жить привычно.

Лазурью глаз девичьих хочет,
Дрожаньем сердце насладиться,
И с той поры и днем, и ночью
Оно к груди твоей стремится,

И рвется, мчится, сострадает,
И ждет тепла, тая секреты,
Чтоб вечно были дружба, радость
Сердечной ласкою согреты.

.

И потому мне сердце ранил
Огонь лазурных глаз девичьих.
Любовь и очи — верю странно, —
Излечат сердца безразличие.

-

ДАЛЕЕ, ДАЛЕЕ...

Волны от берега далее, далее...
Чем их утешат туманные дали?
Сдержат, расправят на спинах наплывов
Дуг непокорных зеленые гривы;
Пеною желтой на мелях затоков
Ветер в краю приголубит далеко:
Бури седые глубин безъязыких
Век закачают на севере диком.
Лучше бы тайно на пальмовом берегу
Перлами рос распластаться в набеге,
Каплями теплыми — дождем чистым, —
Вольно разлиться над краем речистым,
Краем, что стонет и мается в грусти.
Горе же им и моей Беларуси...

1950

АЛЕКСЕЙ ЗАРИЦКИЙ

Алексей Александрович Зарицкий родился 22 марта 1911 г. в пос. Хотимск Могилевской области в семье служащих. Среднюю школу окончил в Бобруйске, работал электромонтером на Бобруйском деревообрабатывающем комбинате. Окончил Московский институт иностранных языков (1936). В 1938-46 гг. — в Советской Армии. В 1941-42 гг. участвовал в боях под Москвой и Орлом, затем в боевых операциях на Волховском и Ленинградском фронтах. Награжден орденами и медалями. Умер 29 октября 1987 г.

Печатается с 1927 г. Член СП СССР с 1935 г. Издал многие поэтические сборники, переводил стихи русских, украинских, литовских, немецких, польских поэтов.

МОЕ БЕССМЕРТИЕ

А.Д.З.

На войне я в бессмертных ходил,
И меня стороною минули
И раненья, и пули...
Бог, видать, пощадил.

И болезни, и немощи следом за мной
Никогда не ходили на воле,
Хоть и мерз я в воде ледяной,
Хоть и спал на земле прямо в поле.

В эти годы смерть была мне чужда
И мой адрес, видать, позабыла:
Ведь ты меня тогда любила,
Ты так меня ждала!

Где ж закалка теперь — биографии факт?
Где ж мое фронтовое бессмертье?
То грозит мне инсульт, то инфаркт,
Сквозняка опасаясь, поверьте.

Ты верни снов далеких весеннюю новь,
Прислонись ко мне снова покорно,
Как когда-то давно, полюби меня вновь,
И бессмертным я стану повторно.

1969

СНОВА ПРО ЛЮБОВЬ

Там, где конец моим любим дорогам,
Чернеет в вечной тишине порог.
Когда я окажусь за тем порогом,
Уже назад не будет мне дорог.

Не трус я. Не стремлюсь безусо
Фатальные вопросы притупить,
Но иногда подумать все ж боюсь я,
Что должен тот порог переступить.

Но если бы узнал секрет я древний,
Что встречусь там, любовь моя, с тобой,
Услышу снова голос твой напевный,
Почувствую и вздох желанный твой,

Тогда тому порогу испытаний
Меня не испугать.
В холодный мрак,
В ту невозвратность и без колебаний
Я б сделал шаг.

БЕСЦЕННЫЙ ДАР

Камень бездыханный целый век лежит
И живым тревогам чуждым остается.
Только тот, кто знает, что такое жизнь,
Тужит, что со смертью он не разминется.

Да тужи не очень ты, душа живая,
Наслаждайся солнцем, каждым лишним днем,
Даже смерть, наверно, плата дорогая
За бесценный дар, жизнью что зовем.

1970-1977

У ВЕЧЕРНЕГО КОСТРА

Горит костер на просеке.
В борку
Кукушка, звонкое лесное диво,
Кукует.
Каждое ее «ку-ку»
Разносится печально и тоскливо.

Вечернего костра прозрачный дым,
Кукушкин голос где-то там вдали
Впервые вторит языком простым,
Что годы мои лучшие прошли.

Я — старый работяга, я привык
Надежду пестовать в бореньях сущих, —
Мое сегодня — это черновик
Моих грядущих дней и дел грядущих.

Исчезни, дыма призрачная тень!
Кукушка, силы набирайся вешней!
Я верю: впереди мой лучший день,
Мой лучший день с моею лучшей песней.

А ночь идет,
Ей звездный чародей
Дорогу осветил волшебной лирой,
Кукушка плачет реже и нежней,
Деревья пахнут первым сном и миром.

Неслышно догорает мой костер,
И тишина любовь со мной заводит,
И в ночь, как в необъятнейший шатер,
На пальчиках нетерпеливо входит.

1974

ВАСИЛЬ ВИТКА

Василь Витка (Тимофей Васильевич Крысько) родился 16 мая 1911 г. в д. Евлича Слуцкого района Минской области в крестьянской семье. Заслуженный деятель культуры БССР (1970). Окончил Слуцкую профтехшколу (1928). Работал слесарем на Бобруйском деревообрабатывающем комбинате, затем в редакциях газет и журналов. В 1939-41 гг. секретарь Белостокского отделения Союза писателей БССР. В 1942-44 гг. работал в отделе пропаганды и агитации ЦК КПБ. В 1944-51 гг. — ответственный секретарь детского журнала. В 1951-57 гг. главный редактор газеты, в 1957-74 гг. главный редактор журнала. В 1974-87 гг. — член сценарно-редакционной коллегии киностудии «Беларусьфильм». Член СП СССР с 1943 г. Награжден орденами и медалями. Умер 5 июля 1996 г.

Печатался с 1928 г. Автор многочисленных сборников поэзии. Лауреат Государственной премии БССР (1972). Международным жюри по премиям Г.Х.Андерсена награжден Почетным дипломом (1978).

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Ночью, спрятанная вербой и осиной,
Прикорнула средь ветвей весна,
Только с эхом — криком журавлиным
Пробудилась на заре она.

Отгремел на речке ледоход,
Вылетела ранняя пчела,
Девушка из ковшика, как мед,
Первый сок березовый пила.

И так близко стало мне лицо,
Очи, брови, милые морщинки!
Мартовского солнца озерцо
Расплескалось на ее слезинке.

И неожиданно в этот самый час
Стало так на свете дивно,
Хоть я с нею виделся не раз
И в ночное выезжал подчас,
Понял, наконец, что стал счастливым.

Уходила детства тишина,
Сказка уступала место быти.
Довелось почувствовать сполна:
У птенцов повырастали крылья.

Значит, все же и пришла она,
Что была желанной и душевной, —
Скованная холодом весна,
Сказочная милая царевна.

ЖИТО

Минута вечности глубинной.
Запомните ее и сберегите.
И ты, моя осенняя калина,
И поздний василек в созревшем жите.

Как первое признание, как подарок,
Волнующее поле зазвучало.
И счастье горькое, и страх, и кара —
Соплились в одном-единственном хорале.

Один над нами бог — могучий Бах.
Ревет орган, бушует чад полынный,
И поцелуй горячий на губах —
Как вечность, неосознанная ныне.

Любимая, ты всей вселенной правишь
Меж небом и землей одна.
И каждый колос — переборы клавиш,
А каждая соломинка — струна.

Минута вечности глубинной...
Запомните ее и сберегите,
И ты, моя осенняя калина,
И поздний василек в созревшем жите.

1971

ПРИРУЧЕНИЕ ОГНЯ

Брошенный хозяином на воле,
Он сначала бросился вослед.
Долго в темноте бежал, пока не понял,
Что, пожалуй, не догонит, что ослеп.

Чуть остановился, извиваясь,
Около задумчивой лозы,
В жар горячий ткнулся, отрезвляясь,
Почерневший, прикусил язык.

Он почил бы — поминай как звали! —
А какой он верный был, огонь,
Если б этой ночью не пристали
Двое вдруг влюбившихся в него.

Словно после горестной разлуки,
Попросились тихо на постой, —
И, заметив ласковые руки,
Подскочил он, замахал хвостом.

И такую нежностью, любовью
Обняла лесочек тишина ---
Что желанные, родные к изголовью
Опустились лоз. Где тут до сна!

Все слилось — доверие без меры,
Свет и темень и с душой душа...
Тихо спало утро в мраке сером,
И дремали угли не дыша.

Кто о счастье их, троих, расскажет?
Не моли ни дуба, ни сосну.
И огонь забылся, роясь в саже,
Утомившись, мертвым сном уснул.

1977

АНАТОЛИЙ АСТРЕЙКА

Анатолий (Ажим Петрович) Астрейка родился 24 июля 1911 г. в д. Песочное Копыльского района Минской области в крестьянской семье. Учился на литературном факультете Минского высшего педагогического института (1932-34). С 1930 г. работал в редакциях газет. В годы Великой Отечественной войны был ответственным секретарем сатирической газеты. В 1946-1948 гг. — председатель Гродненского отделения СП БССР, в 1948-1953 гг. — ответственный секретарь сатирического журнала «Вожык». Член СП СССР с 1939 г. Награжден орденом Красной Звезды, «Знак Почета» и медалями. Умер 23 августа 1978 г.

Стихи начал публиковать в 1929 г. Первый сборник стихов вышел в 1940 г. Изданы избранные произведения в 2-х томах (1970, 1981), стихи и поэма для детей (1956). Переводил на белорусский язык произведения писателей народов СССР. Автор текстов многих песен.

* * *

О, сколько раз и днем, и ночью,
Не опаленные слезой,
Твои во сне я видел очи
И стан воздушно-тонкий твой.

То песней дивною, то сказкой
Росла ты, никла, словно дым,
То незабудкою прекрасной
Цвела весной, как неба синь.

Я ж, неуклюжий и несмелый,
Отваги все не наберусь
Коснуться губ, как вишня, спелых
И бронзовых от солнца рук.

А ты стоишь одна безгрешно,
Поодаль грустно я стою,
Глядишь ты на меня с усмешкой,
Я таю, мучаюсь, горю.

И не владею я собою,
Смотрю — не вижу и молчу.
Ты, может быть, играешь мною,
А я от счастья трепещу.

ЛАНДЫШИ

Я их тебе весной принес
Из буйной изумрудной дали.
Прозрачные крупинки рос
Еще на листьях трепетали.

Ты покраснела в первый раз
На мой поклон, мое признание.
Пусть песней станет этот час
Святой любви очарования.

Я не виновен в том, что мы
Чего уж нет, того и просим.
И не сердись, что средь зимы
Не приносил я красок весен.

Ты лишь кивнула головой, —
Себя напрасно, мол, тревожишь:
— Они мне дороги зимой,
Достать весною каждый может.

1945

ЮЛИЙ ТАУБИН

Юлий Абрамович Таубин родился 15 сентября 1911 г. в г. Острогожске Воронежской области в семье аптекаря. Окончил Мстиславский педагогический техникум. Учился в Белорусском государственном университете (1931-33). В 1933 г. был арестован, осужден на 2 года ссылки на Урал, жил в Тюмени. В 1936 г. был арестован вторично. Расстрелян 30 октября 1937 г. Реабилитирован посмертно.

Печатался с 1926 г. Автор сборников поэзии, переводов.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

Изморозь весь застилает свет,
Размытый дождями тракт...
С разбитою лютней идет поэт
Сирано де Бержерак.

Жизнь незаметно, как призрак, прошла,
Покинута где-то труна,
Нет своего родного угла,
Никто не подаст вина.

И лет кавалькальду никто назад
Не может отринуть бег...
Лишь месяц смеется, как толстый аббат,
Над торбой поэтовых бед.

Изморозь весь застилает свет,
Как смерть прокаженных барак.
С разбитою лютней идет скелет
Сирано де Бержерак.

Он старые песни заводит свои,
На мой заступив порог,
И вот чем душу опять бередит
У самых моих ворот:

«...Я много увидел и много узнал,
Я жил, как живет менестрель,
Пока не порвалась — увы! — струна
И в гроб не загнала дуэль.

За мной из дворца спешили гонцы,
Их шпагой колол, как шутов.
Я женщин любил, как любят юнцы,
А больше — слова про любовь.

В могиле я спал столько сотен лет,
И мне надоел покой...
Я встал и стучу, презрев этикет,
Израненною рукой.

...Впусти же, впустим меня, брат-поэт,
Устал, занемог я, зачах,
Слишком вокруг изменился свет,
И все утонуло в веках.

Увидел я — ныне поэты уже
Не слышат гармонии слов...
Они попрятались от дождей
За писчей бумагой столов...

Мир множество видел позорных драм,
Но были поэтами мы,
А тут поэт составляет план
Своих прозаичных былин.

...Впусти же, впустим меня, брат-поэт,
Я скоро навеки засну...
Оставлю этот печальный свет
И лягу в свою труну...

Вот утро сгоняет далекий туман...
Пусти, дорогой, меня — так
Еще не просил поэт-дуэлянт
Сирано де Бержерак..."

.....
Туман расплывается над землей,
Солнце ткёт огненный шнур.
С укором на мир засмотрелись мой
Очи старых гравюр...

МАКСИМ ТАНК

Максим Танк (Евгений Иванович Скурко) родился 17 сентября 1912 г. в д. Пильковщина Мядельского района Минской области. Окончил польскую семилетку, учился в белорусской и русской гимназиях. Участник революционно-освободительного движения в Западной Беларуси, сидел в тюрьме за революционную деятельность. Народный поэт БССР (1968). Академик АН БССР (1972). Герой Социалистического Труда (1974). В 1948-67 гг. — главный редактор журнала «Полымя», 1967-90 гг. председатель правления Союза писателей БССР. В 1961-66 гг. кандидат в члены ЦК КПБ, с 1966 г. член ЦК КПБ. Награжден орденами и медалями. Умер 7 августа 1995 г.

Печататься начал в 1932 г. Член СП СССР с 1940 г. Автор сборников поэзии. Лауреат Ленинской премии и литературных премий им. Я. Купалы и А. Фадеева, Государственной премии БССР им. Я. Купалы. Для детей издал сборники стихов. Перевел на белорусский язык произведения многих польских и русских поэтов.

-

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Неожиданно: «Добрый день!»
Туч дождливых растаяла тень
Глянул окрест без суеты:
И зацвели по весне сады.

Чтоб ответить, хороших слов
Я от радости не нашел,
От улыбки твоей огневой,
Красоты, как сама любовь,

От походки, от коей невмочь...
От очей, как весной сирень...
— Подарила ты добрый день,
Подари мне и добрую ночь.

•

* * *

Я не могу вас песней тешить
С обмытых бурями эстрад.
Вот шла бы пенсия раз в месяц,
Спокойней жил бы я стократ

И меньше слышал бы укоров
Богемы пьяных мастаков,
И ваших восхвалений хоры,
И свисты купленных дьячков.

А так сегодня я не первый,
Придя домой, без всяких слов
Стихи отмою, стиснув нервы,
От ваших пальцев и следов.

1937

•

* * *

Она хату белила
И волшебной рукой
Стены вдоль обводила
Васильковой каймой.

Я смотрел в удивленье
На разлив синевы,
На очей извержение
Вдохновенной волхвы.

Нужно было мне ехать,
Да никак я не мог,
И до солнца восхода
Отойти за порог.

Все пути и криницы,
Даже сны, как зарей,
Обвела чаровница
Васильковой каймой.

И теперь в нашем крае
Зацветают сады.
Я ищу, где бываю,
Этих красок следы.

Но везде у нас хаты,
И повсюду весной
Белят стены девчата
И обводят каймой.

•

Подойдешь и откроешь,
Что не та, ну и ты
Про дорогу расспросишь
Да попросишь воды.

1944

•

ЧТОБ ВЕДАЛИ

Растет на высоком кургане сосна,
Чтоб ведали;
Корнями дошла до глубокого дна,
Чтоб ведали;
Вершиною звезды достала она,
Чтоб ведали;
Звенит на ветрах, как тугая струна,
Чтоб ведали
Матери,
 Где спят сыны вещим сном;
Ветры,
 Играть где волшебным смычком;
Звезды,
 Где рассыпаться дождем;
Стаи птиц на чужбине,
 Где родимый их дом.

1945

* * *

Дала мне пару крыльев юность:
Одно — святой зари сиянье,
Порыв к свободе, солнцу, звездам,
Другое — лишь любви дыханье.

И потому не знал преград я,
Не повергала в страх борьба,
А ты спрашиваешь: мог бы
Жить без любви я, без тебя?

Спроси у ласточки, могла б
Она подняться без крыла.

1952

AVE MARIA

Звон колокольный сзывает на Ave.
Из закутков тесных слева и справа.
В черных одеждах монашки блаженно
Тянутся, словно печальные тени.
Тут и старухи и молодые, —
Ave Maria!

Не обратил бы внимания, может,
Если бы вдруг не увидел пригожей
Юной монашки, которой немного —
Разве семнадцать лет, если нестрого;
Черные очи, брови густые, —
Ave Maria!

Даже под грубой одеждою черной
Я отгадал тонкий стан непокорный,
Ножки, которыми на карнавалах
Ты поражала бы и чаровала;
Смуглые руки, груди тугие, —
Ave Maria!

Набожно на крест взирает Петровый,
Я же молюсь на прекрасные брови.
Милая! Разве жалеть ты не будешь было,
Что красоту здесь и молодость губишь?
Как танцевали бы ножки такие, —
Ave Maria!

Ядами явно тебя опоили,
Путами руки твои окрутили.
Рви посмелее ты их и не бойся!
В поле шумят налитые колосья...
О, как бы жали их руки такие, —
Ave Maria!

После любовь бы тебе повстречалась,
С милым до раннего утра мечталось,
Стала б затем и хозяйкой прилежной,
И целовала бы дитяtko нежно.
О, как кормили бы груди такие, —
Ave Maria!

Может, моя, Боже правый, молитва
Мне помогла бы тут выиграть битву?
Но всех позвали. Тихо монашка
Вышла, вздохнув обреченно и тяжко,
Под своды мрачные и глухие, —
Ave Maria!

1957

ЛИСТВА КАШТАНОВ

За серым сгорбленным курганом
Скрипит песок сырых дорог,
Лист медный падает каштанов
На желтый высохший порог.

Идешь, его руками ловишь:
Помяв, пускаешь, пусть летит, —
Вновь не шуметь ему в дуброве,
Весенних шорохов не пить.

Еще грустить мне слишком рано,
Когда вдаль манит стежек гладь,
Когда на шум лесной в тумане
Умеешь песней отвечать,

Когда так хочется смеяться,
Что видишь ты и слышишь ты,
Как тихо сыплются сквозь палыны
Каштанов тонкие листы.

1958

АЛЕКСЕЙ РУСЕЦКИЙ

Алексей Русецкий (Алексей Степанович Бурделев) родился 21 ноября 1912 г. в с. Студенец Климовического района Могилевской губернии. Окончил Московский зооветеринарный институт (1935). Работал специалистом-бактериологом, объездил всю Ферганскую долину. В 1935 г. был призван в Красную Армию, служил в Москве, Минске. Во время Великой Отечественной войны воевал на многих фронтах, после войны служил в Монголии, Порт-Артуре. В 1947 г. вернулся в Минск, работал в республиканских журналах. Награжден орденами и медалями. Умер 17 июня 2000 г.

Печатается с 1930 г. Автор сборников поэзии.

ПУСТОЦВЕТ

Чернеет трава от зернистых рос,
Желтеет свиданий дуб;
Неужто коснулся теперь мороз
Насмешливых милых губ?

Я тихо смотрел на бровей разлет,
Хотел узнать: почему
И губы пцветут, и сердце пцветет,
Но только не мне, а ему?

Узнала бы ты... Не увидишь, увы,
Творится давно что со мной.
И крик журавля и шелест листвы
Тебе не расскажут весной.

Иду я по саду, и в сердце моем
Мечтаний, желаний рой.
Но падает быстро, и гаснет потом,
Как искры в траве сырой.

За речку иду по седой росе
И кажется в тот же миг —
Там краски заметно тускнеют все
От блеска очей моих.

Я внешние краски люблю, когда
Пылают и ночью, и днем,
Но все пустоцвет забил навсегда
В мае своим огнем.

1940

ТИШИНА

Минул цветущий шумный май,
Рожь ходит волнами открыто,
Темнеет луг, лес, словно рай,
Речушка дремлет под раkitой;
Дымится тучка в вышине,
И ветер ластится бессильно;
Роняет звуки в тишине
Кукушка, наш лесной будильник.
Вокруг покой, как будто бы
Настал вдруг отпуск благодатный,
Хоть где-то близко час косьбы
И наступает время жатвы.
Но присмирившая земля
Незримо млеет вся в горенье...
Так зреют, нам благоволя, свершенья.

1954

* * *

В белом-белом в уголок ты мой
Зашла и тихой гостьей посидела,
Прикинувшись черемухой лесной:
Теперь полна вся комната тобой,
Словно была черемухой ты белой...
И грезятся с лесною далью сны
И ты, как гостя юности, весны.

1958

СЕРГЕЙ ГРАХОВСКИЙ

Сергей Иванович Граховский родился 24 сентября 1913 г. в д. Нобель Пинского уезда Минской губернии в крестьянской семье. В 1930 г. поступил рабочим на Бобруйский деревообрабатывающий комбинат. В 1935 г. окончил литературный факультет Минского педагогического института, работал редактором на белорусском радио. В 1936 г. был репрессирован, 10 лет отбывал в лагерях. После освобождения преподавал русский язык и литературу в Урецкой средней школе Слуцкого района. В 1949 был арестован повторно, в ссылке работал учителем. После реабилитации в 1955 г. работал на белорусском радио (1956-1957), заведовал отделом редакции литературного журнала «Взростка» (1957-1959). Был литературным консультантом СП БССР (1959-1960), литературным редактором журнала «Виселка» (1960-1973), в 1973-1974 гг. — ответственный секретарь Комитета по Государственным премиям БССР в области литературы, искусства и архитектуры. Член СП СССР с 1956 г. Заслуженный работник культуры БССР (1983). Награжден медалями. Почетный гражданин районных центров Глуск и Октябрьский (Рудобелка).

Первое стихотворение напечатал в 1926 г. Вышли сборники поэзии, сборники рассказов,

документальные повести, книги стихов для детей. На белорусский язык переводил прозу и стихи русских и советских поэтов.

Лауреат Литературной премии СП БССР им. А. Кулешова (1983) и Государственной премии Беларуси (1992).

* * *

В.М.

Я припомнил тебя
Босоногой, стремительной, тонкой.
Под ногами рассыпала
Зорька слезинки росы,
И тогда, в те былые шальные часы,
Я тебя представлял золотою сосёнкой.
И казалось, ты будешь такой, — из мечты, —
Молодою, искристою, чуточку колкой.
Да ведь разве прикажешь,
Чтоб всегда расцветали сады,
Лепестки не роняли от зорьки до зорьки?
Никому не прикажешь вовек,
Чтоб года
Власти над нами с тобой никогда не имели,
Чтобы вешняя не бушевала вода,
Чтоб до старости наши виски не седали...
Поседали... А сердце не хочет стареть, —
Может, сделано мало, испытано мало.
Мы горели в огне, только нам не сгореть,
И двойная гроза все же нас не сломала.

Ты была мне женой и священной иконкой,
Ты суровой была милосердной сестрой.
Я тебя и теперь представляю сосёнкой,
Что и ныне зарделась вечерней зарей...

1956

.

-

МАМА

Когда пухок пробился над губою,
И имя девичье лишало сна меня,
Не говорил я ни о чем с тобою,
О, мама одинокая моя.
Казалось мне постыдным временами
Среди друзей — завзятых забияк —
Назвать тебя, как в детстве, тихо «мама»,
И потому не называл никак.
А вечерами, слова не сказавши,
Ходил кругами у чужих ворот
И замечал, как за окошком нашим
Бессонный свет встречал зари восход.
Ты не спала осенними ночами,
Хоть от усталости клонилась голова,
Глядела в мрак усталыми очами,
Привычная к несчастьям вдова.
Ты пряла пряжу, ты копала глину,
В страду совсем не чувствовала ног,
Да говорила ласково про сына:
«Пусть подрастет. Пускай поспит сынок».

И собиралась за дровами снова,
А в волосах густела белизна...
«Хоть бы сказал он ласковое слово,
Хоть бы, как в детстве, мамою назвал».
...Промчалась жизнь. Мы посидели сами,
И может, больно мне не одному,
Что самое святое слово «мама»
Сказать уж не могу я — никому...

1957

ПРИЗНАНИЕ

Как я жил без тебя?
И не ведал, что где-то на свете
За лесами глухими, полями,
где шепчется рожь,
Не в просторах созвездий, а здесь на планете,
В переулке зеленом ты тихо живешь.

Как я жил без тебя?
А могла беспощадная доля
За полшага меня и тебя развести,
Как безмолвно тропинки расходятся в поле,
И друг друга нигде не позволяют найти.

Может, стоило мне провалиться хоть в пекло,
Потерять дорогих, не расстаться с бедой,
Обойти полземли, словно каторжник беглый,
Чтобы встретить тебя под Полярной звездой?

Все познать и забыть навсегда об изменах,
Чтобы лучики света в глазах не погасли
твоих,
Вновь родиться и все ж отыскать непременно
Избавленье и счастье одно на двоих.

Стать помягче, добрей, никогда не сердиться,
Наслаждаться твоей красотой вдвойне,
Чтобы тайны любви открывать по крупицам,
Чтоб душа закалилась на ярком огне.

•
Пролетают года. Их теряется след
в преисподней,
Лоб в морщинах, седины виски теребят.
Я гляжу на тебя, удивляюсь, как прежде,
сегодня:
Чем я жил без тебя, как я жил без тебя?

1967

* * *

Невозможно отложить бесстрастно
Ни на самый распоследний день
Даже чье-то маленькое счастье,
Самому исчезнув, словно тень,

Через дверь другую безоглядно,
Спрятав чести тоненькую нить,
И спокойно в долгий ящик кряду
Лучшие надежды схоронить.

Невозможно обойти, замкнуться
От чужой тревоги и беды,
Трудно не почувствовать, как бьются
И сердца у роковой черты.

Может, взяв все чувства под опеку,
Нужно отогнать любую тень?
Человек обязан к человеку
Приходить с любовью каждый день.

1962

ЕВА

Она сама почти еще дитя —
На тонких ножках, с узкими плечами,
Хотя святым зародышем житья
Я вижу женщину с прелестными очами.

Еще душою просится в полет
С высокой кручи, лишь дрожит улыбка,
Хоть ведает, что все наоборот
Должно бы быть, чтоб не было ошибки.

И потому старается быстрее
Ходить и жить, но и всего боится,
Она еще играет меж детей,
Но сердце рвется непокорной птицей.

И тайна, ведомая ей одной,
Упавшая, как в Библии, со древа,
Волнует необычной новизной,
Как непорочной остается Ева.

Она — и жизнь, и тайна бытия,
И мудрость, и любовь, и мелодрама,
Для матери — извечное дитя,
А для детей — одна на свете мама.

1977

НЕОЖИДАННОСТЬ

Заходит солнце в золоте и дыме
За крыши, за вишневые сады,
И тонкой паутинкою над ними
Тренещут реактивные следы.

Такая тишь! Ни ветерка, ни звука.
Последний луч с собою тянет тень,
И, кажется, он не сулит разлуку
Ни этой ночью, ни в грядущий день.

Но беспричинно, как от Божьей кары,
Все исчезает где-то в синеве.
Зигзаги молний, грома вдруг удары,
И град, и ливень пляшут по траве.

Потоки извиваются, как плети,
Сечет листву неумолимый град,
А где-то и кому-то солнце светит
И утром озарит наш дом и сад.

И будут снова синь и позолота,
И будет солнцу радоваться свет,
И тонкой паутинкой самолеты
Оставят в небе серебристый след.

•

Я грешен. И в неистовство природы
Жду самой замечательной погоды.

-

ПРОРОЧЕСКИЕ СНЫ

Приходят сны случайные неожиданно:
То падаю, то на кресте вишу,
И лишь рассвет едва забрезжит ранний,
Что значит этот сон, я ворожу.

И нарастает с каждым днем тревога,
И на себя порой глухая злость,
Что не считал, бывало, Богом Бога,
А он, Всевышний, где-то есть небось.

Не Саваоф с седою бородою,
И не Илья, разгневанный пророк,
А кто-то ж правит счастьем и бедою,
Возносит и карает, словно рок.

Он отдал все, что нужно, человеку, —
И жизнь, и мудрость, и любовь навек,
Вел праведников и в Коринф, и в Мекку,
Пока с дорог не сбился человек,

И презирая власть, богатство и награды,
Тянул свой жребий на своем горбе,
И палачи безмерно были рады,
Казня не покорившихся судьбе.

Бесследно жертвы гибли, как в пожаре, —
Сгибали всех и вся в бараний рог,
А праведников от кровавой кары
Не избавляли ни закон, ни Бог.

•
За мною вслед ходило наказание
И расправлялось каждый раз сильней.
Судьба мне посылала испытания,
Чтоб стал добрее, мягче и мудрей.

Я в сны пророческие верю и не верю,
Но нет спасенья мне от их ярма.
И не боюсь я ни огня, ни зверя.
Молю лишь только: «Не приснись тюрьма!»

* * *

Не обойди чужой беды,
Не очень-то гордись собою.
Пусть годы тают, словно дым,
Остановись перед судьбою:

Дай руку детям, старику,
Слепому укажи дорогу,
Подай горбушку бедняку,
Утешь больного ради Бога.

Тогда и старость, и суму
Улыбкой встретишь молодою,
И не придется одному
Остаться со своей бедою.

• * * *

На чем же держится Земля?
На трех китах?
На журавлиной песне?
Иль на обломках корабля,
Что вечность вымыла из бездны?

Сверкает в мраке акведук,
К светилу вечностью прибитый.
На нем Земля за кругом круг
Плывет, не уходя с орбиты.

Кровавой кажется она
В пожарах, взрывах, в жутком гуде.
И все же держится Земля
На добрых и на честных людях.

* * *

...И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

А. Пушкин

За оттепелью закрутил мороз,
Завьюжила метель. Светло и сухо.
Шиповник за моим окном оброс
Прозрачным, легким лебединым пухом.

Все точно так, как было и прошло,
И будет снова до скончанья века.
Но издавна на свете правит зло,
И все давно в плену у человека.

Отравлены им воды, воздух, суша,
И все живое гибнет без затей,
И страшно, что калечатся ведь души
Не дьяволом — людьми и у людей.

Быть может, Люцифер сам правит нами?
Но почему смотрел спокойно Бог,
Как над его куражатся сынами,
И заслонить их, уберечь не смог?

Коль есть у нас ты, всемогущий Боже,
Взгляни: мы пынче стали, как враги, —
Себя спасти, себе помочь не можем.
Ты смилуйся и людям помоги.

(Но Бог не слышит стон и плач народа,
И разве нам забвенье принесет?)
А мы и равнодушная природа
Безмолвно гибнем, как на бойне скот.

...Кончается двадцатое столетье
В безнравственности, войнах и крови.
Опомнись, о народ мой! В лихолетье
На мир и на любовь благослови.

* * *

Недолгий век прожить мы не умеем:
То разъедает ложь, то сатана,
От неприкрытой злости каменею,
И правит нами запросто она.

На зависти замешено все круто,
Бессмысленна бессонница ночей,
Отрава брызжет беспощадно, люто
Из уст предательских и из очей.

Мы — однодумцы все и однодомцы,
Чтоб стать и долговечней, и сильней,
Добро помножим на добро, чтоб солнце
Светило нам и дальше веселей.

Ужель злодей себе не опротивел,
И вечны злоба, ненависть и яд?..
Я всем прощаю, кто меня обидел,
Простите мне, кого обидел я.

ВЕК

Гляжу на прошлое с боязнью,
Гляжу на будущность с тоской.

М.Лермонтов

Ну, вот и кончается век шарлатанства.
А что принесет двадцать первый? Долги,
Позорное панство, позорное пьянство
И долгие нищего рабства круги.
Плоды искушения падают с древа, —
Младенцы рождаются день ото дня,
Ночами примерным Адамам и Евам
Всё снятся Чернобыль, Афган и Чечня.

Нам дьявол беду за бедой напророчил:
Сгоревшие кости из танков чадят,
Наемных убийц озверевшие очи
На нас через мушки прицелов глядят.
Никто не признается в нынешней были,
Кто жаждет все новых неистовых смут.
Парней и девчат, кто недавно любили,
Сегодня сжирает прожорливый спрут.

-

И в муках уходят и старцы, и дети...
В кровавую неотвратимо грозу.
Выходит, что мирными только на свете
Свой век доживают лишь звери в лесу.
Боятся они, что совсем доконаем
Оставшихся зубров, седого бобра...
Когда же взойдет над заброшенным краем
Звезда Справедливости, Чести, Добра?

Так близко грядущего века сиянье.
Чем встретит его мой измученный люд?
Нет, счастья не будет нам без покаянья,
И кровь не простит нам Истории суд.

• СЕРАФИМ

И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый.

А. Пушкин

Вся жизнь — ошибки и развилки,
Одни просчеты и грехи,
Разбиты крылья и закрылки,
Язык устал от чепухи.

Напрасно Божье наказание
За слово лживое и сказ,
И продолжается топтанье:
Кого-то мы, а кто-то — нас.

Обман развеивает дымом,
Зловещий призрак все же сник.
Иду на встречу с серафимом,
Чтоб вырвал грешный мой язык,

Что славил жалкие химеры,
Хоть в сердце боль давно носил.
Дрожал от страха, сам не верил
И врёл другим что было сил.

Вводились небылицы в уши
О счастье на лихом пути,
А кто калечил наши души,
Того давно уж не найти.

Их берегут двойные двери,
Апостолов былых основ,
Хоть не имеют сами веры,
Но лгут, как нанятые, вновь.

О, шестикрылый серафим,
Ты помоги и нам, и им.

РЕКВИЕМ РУКОПИСЯМ

Про рукописи верят: не горят!
А я однажды видел, как горели
Со стоном Голубковы акварели,
Как догорали все стихи подряд,
Согретые еще живым дыханьем
И ласкою, любовью, состраданьем.
А рукописи — пишут — не горят.

И как еще горят! А сколько их сгорело
В печах глухого тайного двора, —
Что бездна, чертова нора!
Душа поэм навеки отлетела.
А так дойти до каждого хотела
Посланцем вдохновения, добра!
И сникла в пламени казенного костра...

Не станут рукописи книгами тем боле,
Не достучатся ни до чьей души.
Холодный пепел, как ни вороши,
Что дотлевал по дикой воле,
С ветрами сник в безлюдном поле,
Которое обезобразил град...

А рукописи — пишут — не горят.

О, СКОЛЬКО ПОЭТОВ!

На ярмарках книжных — поэты, поэты:
Гомер и Гусовский, и Байрон, и Блок;
Сонеты Петрарки, и лирика Фета,
И Хлебников — необъяснимый пророк.

Я слышу их голос из прошлых столетий,
За ними я шествую, как Одиссей,
И в ад меня Дантов прилюдно,
приметив,
Не раз и не два загонял фарисей.

Читаю, читаю. О, сколько поэтов!
О, сколько любовей, и чувств, и тревог,
Терцин, триолетов, октав и сонетов
Навечно я в памяти с детства сберег.

Листаю Верхарна, Вийона, Шекспира,
Пьянею от счастья, а не от вина.
У каждого лирика — звонкая лира,
У нашего брата — глухая струна.

Ну, чем я утешу? Про что говорю я?
Зачем я за рифмою рифму гоню?
И если читателя разочарую,
Я только себя одного и виню.

А коль не простит, пусть тогда покарает.
Бумагу мараю, не быть лишь в долгу,
И только любовь к обделенному краю
Никак зачеркнуть и забыть не могу.

Ведь слово волнует извечное, отчее,
Поэтому больше тружусь, не молчу.
Когда же прескверно,
Купалы пророчества
Я вместо священной молитвы пенчу.

РАСПЯТИЕ

Когда же увидели Его пер-
восвященники и служите-
ли, то закричали: распни,
распни Его!

Евангелие от Иоанна
(19: 6)

Пророк пророчил катастрофу
Не в давние, а в наши дни.
Его за это на Голгофу
Тащили с криками: «Распни!»

Он чуть стонал. Разбиты ноги.
Но насмеялся и зверел сильней
Народ, обманутый Пророком,
Отважно спасшим всех детей.

Распяв, всем миром поминают
Его с печалью до сих пор,
И вновь Пророков распинают,
И вновь бросают на костер.

ТЕРЦИНЫ

Порой из ада слышу шум грозы
И звуки боли, муки и отрады,
И вспоминаю Дантовы часы,

В аду испепеленном водонады,
И вижу приближение к огню,
Сжирающему ложь, ее услады, —

И голоса уходят в вышину
Из мрака неразгаданного пекла
Сквозь мир людей в ночную тишину:

Они все это проходили бегло
И потому зовут из «рая» в вечный вир*,
А я не знаю до сих пор, хоть жизнь померкла,
Где адский ад, а где покой и мир.

* Здесь и далее *вир* — омут, водоворот (*Прим. ред.*).

СЛОВА

Слова царят у нас, бывает.
Мы говорим и слышим их.
Они то ссорят, то сближают
Друзей и недругов моих.

Слова различные бывают:
Одни — огня задержат шквал,
Слова иные убивают
Живых, сражая нановал.

От слова сердце холодеет,
Проходят сон и забытье.
Слова калечат, как злодеи,
От слов надежда расцветет.

От слова вырастают крылья
И сердце горячит любовь,
От слова прибывают силы.
Так не жалейте добрых слов!

Не стоит пустомельем вздорить
И пустозвонием греметь.
Не приносить чтоб людям горе,
Уж лучше просто умереть!

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Я все познал — и радости, и горе,
Из сотен рек испробовал воды,
Мне каждой ночью снился светлый город,
Его неповторимые черты.
Он звал меня, красавец златоглавый,
Далекий, но и близкий до тоски.
На всех путях, за каждой переправой
Его припоминали земляки.
Во встречу с ним я верил и не верил,
И вот опять иду в тени аллей,
И неожиданно в осеннем сквере
Знакомого увидел меж ветвей.
И вспомнил встречу — первое свиданье,
Когда его волшебная рука
Вела меня, смешного пастушка,
По виражам на деловом кургане
И привела тогда в чудесный свет.
А через годы тропами Полесья
Прошел нежданно с посохом поэт
К бессмертным коммунарам на Аресе.

Вот он стоит. Над ним свисают ветви.
Шумит проспект и зеленеет сквер.
Он улыбнется, кажется, как в детстве,
И прочитает стих на свой манер.
Над ним листва покамест не опала,
На бронзу падает таинственная тень,
А он молчит. Задумался Купала.
Я шапку снял с поклоном: «Добрый день!»

СКАЗКИ ЖИЗНИ

А я и ныне верю в сказки
О нищем или короле,
То с ласкою, а то без ласки,
С добром и горем на земле.

Я в сказки верю, как и верил, —
Без сказок, словно без души.
Бывает, страшные химеры
Мне шепчут: «Ты не вороши

Воспоминаний беспричинных,
Живи без омраченных дней
Для счастья, радостей невинных.
Пусть сердце бьется лишь сильнее!»

Порой я сам себе не верю,
Где сон, где вымысел, где явь,
А сказки про лихого зверя
Тревожат страхом, будто встарь.

-

То в сказках оживет лукаво,
Что представлялось всех милей,
Но явь бывает, как отравы,
Как сказка страшная. Страшней.

Проходит жизнь нетерпеливо,
То тлеет, то свистит свинцом.
Я верю в сказки со счастливым
И не придуманным концом.

1986

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Мы все немножечко артисты,
И роль у каждого своя.
То кое-как, а то и чисто
Сам самого играл и я.

Из всех ролей нет хуже роли...
И звезд не ловит до сих пор,
И не подскажет мимо воли
Судьба — суровый режиссер.

Кем только не был я на сцене,
Кого я только не играл!
То вознесился к звездным тениям,
То воскресал, то умирал.

Ромео был, «Шильонский узник»,
Возвысить Гамлета хотел,
Да сбившись, — Господи Иисусе! —
Я в преисподнюю слетел.

И зал ответил гамом, свистом
На непредвиденный провал,
Наверно, быть всегда статистом —
Моя судьба и идеал.

Никто не увидал стараний
До пота, крови, забытья,
Когда болтался я на грани
Забвенья, смерти, бытия.

Играл умело, неумело,
Любил, терялся и страдал,
Пока душа не поседела
И не приблизился финал.

Стоят фанерные колонны,
Развернут декораций фон,
Закрылся занавес салонно,
И выхожу я на поклон.

1988

* * *

Твои ладони пахнут первым снегом,
А поздними антоновками — снег.
Над тишиною серебристым эхом
Звенит и катится девичий смех,

Что заблудился звездной ночью
За тихую застывшею рекой,
И радость беззаботную пророчит,
И первую любовь, и непокой.

Постой... Послушаем и помечтаем,
Пока огонь желаний не погас,
О красоте, о юности, о мае,
Что навсегда покинули и нас.

1992

СТУДЕНАЯ НОЧЬ

Ты посмотри на звезду при прощанье...

М. Богданович

Туманный вечер. И пушинки снега
На вербах и на алоэ рябин
Мне нагадали и любви навеки,
И счастья неизведанных годин.

О, как зарделись на морозе губы!
Твоя дрожала тонкая рука.
Мне шепот слышался «Любимый... Любый...»
На берегу немого ручейка.

Такая тишина на белом свете!
Искрится снег, сверкают огоньки,
На вербах низко опустились ветви
От инея и немощной тоски.

В глазах твоих волшебные искринки
Во мраке, словно звездочки, видны.
Минуты таяли, как в оттепель снежинки,
И без твоей, и без моей вины.

А утро нам пророчило прощанье,
Снег заметал вечерние следы,
Мы не могли поверить в расставанье,
Что счастья не найдем ни я, ни ты.

•

Где ты теперь? Взгляни в седые выси,
Чтоб только нашу звездочку найти.
Быть может, мне ты в полночи приснишься
В последний раз на жизненном пути?

1993

-

* * *

На окнах лилии белеют:
Кристаллом вырезал мороз.
От восхищения немею
И восторгаюсь я до слез.

Мне видится далекий берег
И трепет лилий на воде.
Плугаю я в туманах серых,
Но только милой нет нигде.

И как ни звал я — не дозволялся.
Мелькнула призраком она.
Гляжу туда, где обозначился,
Сквозь стекла темного окна.

1994

ЛАЗУРНАЯ ЗИМА

Приди незаметно дорожкой немою,
Коснись осторожно знакомых дверей.
Я жду тебя страстно лазурной зимою,
Приди и остывшее сердце согрей.

Теряю надежды. Однажды нежданно,
Когда поглотила покой кутерьма,
Вошла, занавески задвинула странно,
Чтоб сердце двоим не студила зима.

Из мрака приди вновь мечтой голубою
И теплые руки раскинь поскорей.
Мы в сказочном мире пребудем с тобою,
Ты только остывшее сердце согрей.

Все тайны твои воздаются старицей,
И взгляд твой становится снова добрей.
Начну о тебе на коленях молиться,
Ты только остывшее сердце согрей.

1994

НАБОЛЕВШЕЕ

Век трагедийный, черно-красный
Уходит в вечность без руля.
Уносит в Лету век ужасный
От слез уставшая Земля.

Смертельно травленная паром,
Где властвуют и тлен, и прах,
Отмеченная Божьей карой,
Ты — вся в могилах, вся в костях

Сынов растерзанных, убитых,
На дно упавших с корабля,
Униженных, но не забытых,
О ты, несчастная Земля!

Возможно, ты одна на свете
Свет лучезарный льешь окрест.
Себя ж твои калечат дети
И на Голгофу тянут крест.

Судьбой большие, как заразой,
Мы не восславили свой век,
Чтоб доброту дал Бог и разум,
Чтоб по-людски жил человек!

1991

ПОДКОВА СЧАСТЬЯ

И ты увидишь: мир прекрасен,
Познай, где свет — поймешь, где тьма.

А. Блок

Приходят в мир, как прежде, снова
Цари, пожары, войны, мор,
А счастья звонкая подкова
Не найдена и до сих пор.
Коварных злодеяний сети
Лишь кровью залиты чужой,
И в вечность гении и дети
Уходят стежкою кривой
Без исповеди, без свободы
На страшный в преисподней пир,
Где зорко стережет ворота
Жестокий, мрачный конвоир,
Где ядом брызжут злобно змеи,
Грязь криводушья льют и льют,
Где одуревшие пигмеи
Несправедливый правят суд,
Где вороненные оковы
Калечат душу, руки, ум,
Чтоб рок, как выстрел, бестолково
Перемешал лавину дум.

Беда: шутя иль сверхсурово
Приходят жадность, кривда, лесть,
Хотя у нас многовековый
Закон добра на свете есть.
Когда же правда, честь и разум
Грядущий осчастливят век,
Безотносительно и сразу
Судьбу оценит человек.
Чтоб счастья отыскать подкову,
Воскреснуть должен Дух Святой,
И грех, когда звенят оковы,
Жизнь превращается в ничто.

1996

* * *

Умолкают мои одногодки,
Их следы заметает пурга.
Ни похвал и ни речи короткой,
Даже память не всем дорога.
Все нормально, разумно, логично —
Есть начало, и взлет, и конец.
Догорает и мой нетипичный
Одинокий и слабый светец.
Время все разгадает загадки.
Звездный тоже промчится наш час.
Может, наши потомки хоть как-то
Будут все же счастливее нас.

1996

СОСНЫ

Не спится ночью соснам,
Их шепот не унять:
Молчанье им несносно,
И потому шумят.

Страдают с самой рани
Под солнцем целый день.
В траве, как призрак странный,
Их заплутала тень.

Тревожно, неречисто
Сук сломанный скрипит,
Что с веток быстро-быстро
Игла долой летит.

Пугает временами
Их грозный звук пилы,
Как доктора, местами
Бьют дилы в их стволы.

А летом ли, весною
Суровый человек
Согнется под сосною —
Укоротить ей век,

Отправив в путь-дорогу
Вчерашнюю сосну,
Была чтобы порогом
Иль ставнями к окну.

И золотые струны
Замолкнут, как боры,
Из них сколотят труны
Ушедшим до поры.

И в тихий час, и в грозный
Их шепот не унять.
Пока живые, сосны
Шумят, шумят, шумят.

1997

СЫНЫ

Мы одинаково пришли на этот свет
И в первый раз сказали: «Ма-ма», —
И лепестками нас осыпал цвет
Под яблонею Евы и Адама.

А подросли — и разошлись пути:
Одним — до счастья, а другим — до горя.
Один жесток — за все ему плати,
Другой для каждого в беде — опора.

Когда и где святое сгнило древо,
Не ведаю я — чьей искать вины,
И виноваты ли Адам и Ева,
Иль только Каина сыны.

1997

ВОСКРЕСЕНИЕ

Христос воскресает при нас каждый год,
И звон не стихает, распахнуты двери, —
И в храмы бесправный когда-то народ
С дарами снесит и со свечками веры,

Чтоб никакой не поддаться беде
В святом благоверном моленье,
Не быть оклеветанным в Страшном суде,
Во веки веков не стоять на коленях.

Чтоб нас закаленное трижды огнем —
И сущность души и морали основа, —
Вело и светило и ночью, и днем
Святое певучее отчее слово.

Поверим и мы в прорицание грез
И в мудрость, и силу божественной песни,
Чтоб так, как когда-то воскресший Христос,
И мы навсегда бы воскресли.

1997

САКСОФОНИСТ

Играл на рыночном лоскутном фоне
Заслуженный артист на саксофоне,
И утром ему было не до сна,
Снежинки прятала густая седина.
Играл то вальсы Штрауса, то туш,
И падали рубли в истертой шляпы плюш.
На лютой стуже леденели пальцы,
И в кедах стыли ноги на асфальте,
А он играл то марши, то сюиты,
Как в давнем прошлом для чиновной свиты.
И вот теперь он получил свободу
Играть что хочется и всякому народу.
Играл с подъемом он, без суеты,
Перебирал остывшие лады,
Перезабыв заслуженные званья,
И с места не сходил до окончания.
«Отметились» лишь сорок три души:
Народ к истертой шляпе не спешил.
Я неприметно, словно тень,
Являлся слушать каждый божий день.

Но вдруг замолк печальный саксофон...
Недели шли. Не возвращался он.
Стоял базарный гомон, как бывало,
А мне онять чего-то не хватало.
Рассказывали: даже обреченный
Тихонько он играл на саксофоне
И что осталась у артиста смена,
Что сын играл марш траурный Шопена,
Не замолкая до конца уже...
Гудит базар, да пусто на душе.

1997

-

СЛЕДЫ НА ЗЕМЛЕ

О, сколько исходил тропинок неустанно!
Теперь уж ни одной я не найду,
Хоть каждая пылала, словно рана.
Уходят годы, я же все иду.

Еще иной раз жажду оглянуться
На все, что найдено, утрачено в пути,
Хоть на минутку в молодость вернуться,
Чтоб первый и последний след найти.

Земля меня спасает, оживляя.
За землю милую держусь и я,
Несломленная, вечная, живая,
Как родина бессмертная моя.

Куда бы жизнь меня ни загоняла,
Какою бы ни мучила виной,
До боли мне земли не доставало.
Я свято верил только ей одной.

Мне не постичь премудростей Вселенной.
Подсудный только Божьему суду,
Всю жизнь своей служу земле нетленной
И лишь в нее я навсегда сойду.

1997

Незаконченный стих — молодое вино
Без искристости, легкости, силы,
Но когда устоится с годами оно,
От глотка возлетаешь к светилам.

Если в чанах само по себе отшумит,
В погребах, наливаясь, остынет,
Не снеси еще пить — не оценишь на вид —
Ценный хмель должен выйти змеино.

Цвет, и запах, и вкус винодел доведет,
И при случае это отметят,
Если кубок на праздник народ соберет
Иль на тризну в грядущем столетье.

Так и стих, если он, как вино, не доспел
И пришла неудача удачей,
Захлебнется не вдруг, смолкнет новый напев,
Ибо в кубке — прегорькая чача.

1998

* * *

В сказках добро побеждает зло.
Жизнь моя — длинные сказки.
Чего в ней не было, не жгло?
Завязки были и развязки:
Тутим вязалось так узлом,
Что не развяжешь и зубами,
А я все шел, шел напролом,
Как тот верблюд с двумя горбами,
Чужую ношу нес и нес
И на погрузку, на разгрузку.
И лаялся, как грязный пес,
Но только не по-белорусски.
От страха жуткого немел
И дать не мог порою сдачи,
И голоса я не имел
И выхода с тюремной «дачи».
Слабели — случаем — узлы
На миг несказанно короткий,
Но я не оставался злым,
Хоть не был, как былинка, кротким.

Валил с ног ветер до поры
И душу сковывал блевотно.
Я повторял: «глаза протри,
Иди вперед бесповоротно».
Как только мой дотлеет каганец,
С судьбой своей расстанусь без развязки.
Жаль, приближается конец
Магической и страшной сказки.

1998

-

* * *

Мосты в минувшее сгорели,
В дне завтрашнем их не видать,
Жизнь же раскачивать качели
Все продолжает — не сдержать.
Как сквозь решетку непредвзято
Смотрю, что вытворяет случай-маг,
Хоть только в том и виноват я,
Что не шагал, как все, шаг в шаг.
А сколько звезд упало с неба
И сколько на земле возлю
На чью-то странную потребу,
На счастье, радость или зло?
А жизнь то плачет, то смеется,
Дотлели давние мосты,
А сердце? Сердце не сдается,
Хотя сусеки в нем пусты.
Я не хитрил, не ненавидел,
Сам добывал суровый хлеб.
Чего я только не увидел?!
И как я только не ослеп?!

1998

* * *

Растратил я все без оглядки,
Что в вечных мытарствах нажил,
Платил Богу подати адски
И тем, кого очень любил.
Тому, кто прогорк несказанно,
Я отдал последний кафтан.
Я знал: он вернется незванным
И снова пойдет на обман.
Нажитое все без амбиций
Готов и сегодня отдать,
Но все от сквалыг не отбиться
И отдал что — не сосчитать.
Себе ж не собрал на обнову —
Обноски свои доношу.
Сберег только душу и слово,
И воздух, которым дышу.

1998

* * *

Жизнь догорает, как свечка,
Слезинками капает воск,
А в сердце — то сбой, то осечка
Стирают оставшийся лоск.

Мелькают года за годами,
И пламя в лампадке дрожит.
Сентябрь снова шепчет листьями,
Что стоит на свете пожить,

Не ставить пока точку броско,
Покой ощутить и красу,
И каплю горячего воска
Смахнуть со щеки, как слезу.

Замолкли давно пересуды,
Становятся тропки длинней,
Бегут за минутой минуты,
Что с каждым мгновеньем ценней.

1999

ОРЕЛ

- Орел — экваториальное созвездие с яркой звездой Альтаир.

Скачите, плачьте, голосите,
Терпите дикий рок-н-ролл,
Но с легким сердцем не просите
У звезд созвездия Орел.
Оно то ярко, то туманно
Горит звездой Альтаир,
Кому-то поздно или рано
Беду приносит или мир.
Оно пророчит мир короткий:
И как печальный звездопад,
Мои сникают одногодки,
Не возвращаются назад.
Срывается звезда на зорьке,
Порою Альтаир дрожит.
И как иной раз и ни горько,
Пока живется, нужно жить
В ладу с собою и в разладе
И рисковать в борьбе со злом,
Не уступать судьбе ни пяди,
Лететь с подрезанным крылом.

2000

МОЛИТВА

Милосердный Боже,
Кто же нам поможет,
Кто спасет нас, как не ты, родной,
Наш Отец святой?
Разве Ты не видишь,
Разве Ты не слышишь,
Что в крови и блуде
Праведные люди
Гибнут, как враги?
Ты их береги.
Кто же нам поможет,
Милосердный Боже,
Покарать злодеев
И убийц вернее?
Мирным мир верни,
Чтобы век на свете
И отцы, и дети
Прожили без взрывов бомб и мин.
Помоги нам, Господи.
Аминь!

2000

СОЖЖЕННЫЕ МОСТЫ

(Поэма)

Памяти Александры Муравьевой

Вы стали по-настоящему примером
самоотверженности, мужества, твер-
дости... Пусть будут незабываемы
имена Ваши!

Декабрист А.П.Белов

И
Метелица заваяла дороги,
Летит снег жесткий от версты к версте
С Сенатской площади и до острога
В деревне запорошенной Чите.

Как при смертельной собралась угрозе,
Забыла муфту, шали не взяла.
Казалось — сердце стынет на морозе,
Душа лишь не утратила тепла.

Бросает ветер на ухабах сани,
Замолк ящик, и замер звук вдали.
Дорожные столбы, как на прощанье,
Счет дням-и километрам повели.

Графиня чуть коснулась ездового
И слезно молит погонять сильнее.
В пурге теряется промерзшая дорога,
И искры сыплются из горестных очей.

С разлету хлещут по кибитке ветви,
Застыли сосен желтые стволы.
Ей слышатся порой, как свищут плети
И как звенят глухие кандалы.

Из императорского грозного указа:
«Лишить наследства, званий и чинов
Бунтовщиков — дабы пресечь заразу, —
Их сыновей и жен от всех родов».

— Согласна я. На все всегда готова.
Позвольте только вслед за ним в острог!
Дрожит рука. И подпись Муравьевой
Едва ли кто-то распознать бы смог.

Сибирский снег скрипит. Перед глазами
Владимирка, и реки, и холмы.
Ее колодники костями и слезами
Мостили от тюрьмы и до тюрьмы.

В кибитке смерзлась под ногой солома,
Стучит лишь сердце чаще и больней.
Еще верста, все далее от дома,
От близких, от заплаканных детей.

Душа болит, как стреляная рана.
Смешались воедино боль и злость.
Ее любимый — в кандалах тирана,
И любящих судьба разводит врозь.

•
Ей боязно намеренно утратить
Надежду видеть петербургский свет.
Ей часто снится: Миша, Лиза, Катя
Бегут за нею босиком вослед.

Ей выпадет ль увидеть их удача,
Когда обрушится тюремная стена?
Дрожит слеза. Но ведь бойцы не плачут.
Не сможет тоже плакать и она.

И не заплачет никогда, вестимо,
Хоть ворон жизни предсказал итог.
Лишь сердце греет непоколебимо
Пожар горячих потаенных строк:

«Оковы тяжкие падут...» На память
Сама себе читает согный раз.
И наконец сквозь ледяную заметь
Мелькнул огонь далекий и погас.

Замерзло все. И воздух — как железо.
И от промерзшей не уйти судьбы.
Закроет веки — снова в очи лезут
Жандарм и полосатые столбы.

Скрипит шлагбаум в утреннем тумане,
Вот наконец последняя верста.
Из мрака выплывает край изгнания —
В снегах многострадальная Чита.

Чудовищем из будки полосатой
Выходит николаевский солдат,
Заиндевелый, сгорбленный, усатый,
И тихо шепчет: «Свят, свят, свят!

Красавица!! В такую непогоду?!
Одна? Как мотылек среди зимы!
Дворянской, — по всему видать, — породы.
Чего ж она дрожит возле тюрьмы?

А в подземельях и в грязи, и в рвани,
Страдая от болезней и хулы,
Былые графы, знатные дворяне
Руду долбят себе на кандалы.

И вспоминают праздники, парады,
Как сам Кутузов их в поход водил.
Его величество, однако, император
Своих героев с лишком наградил».

От холода не вымолвить ни слова,
И все ж над бедной смилостивился Бог:
За месяц Александра Муравьева
Достигла цели: вот и он — острог!

Ее с дороги не вернула стужа,
Ни царский гнев и ни метели свист.
Спешила дни и ночи к мужу
Теперь с высоким званьем — Декабрист.

Полумала, как и в поэме Данте,
Все одолела адские круги,
И всё ж не все. Во власти коменданта,
Тюремщика и верного слуги,

Их встречи, их судьба под этим небом
Среди тайги и неприступных скал.
И как бестактно и нелепо:
— Поставьте подпись! — скажет генерал.

— На нашей есть препятствия дороге?
Что может помешать на этот раз?
— Все встречи производятся в остроге
При офицере. На короткий час.

И генерал Лепарский хмурит брови:
— Я не люблю дискуссий и речей.
И по-французски чтобы там ни слова!
По-русски говорите, без затей.

— Не верится, что это все серьезно...
Бесчеловечно это, генерал!
Неужто для того, чтоб жить нам розно,
Спешила я в морозы за Урал?

— Не от меня зависит, извините.
Я делаю не все, что сам хочу.
Вы вашу дерзость просто придержите.
Я про нее покамест промолчу.

Советую быть скромной и в наряде.
Поверьте, говорю не зря. —
И вытянулся, словно на параде,
Перед портретом нового царя.

Застыла Александра Муравьева,
Прозрачная от стужи и дорог,
И умоляет: «Я прошу вас снова
Дать мне возможность посетить острог»

Хоть на мгновение, чтоб увидеть мужа.
Не думаю, что вы такой педант».
— Позволим. Он тут занедужил, —
Пробормотал суровый комендант.

И
Шумит пурга, и сразу за порогом
В сугробах пропадает след.
За кольями читинского острога
Кончается как будто белый свет.

И холодно, и сыро нестерпимо.
Ни свечки, ни печи — сплошная тьма.
Застывшим чадом, плесенью и дымом
Пропахла вся читинская тюрьма.

Александрина подобрала платье,
На оступь двинулась в какие-то углы,
Навстречу тень ей бросилась в объятья,
И глухо зазвенели кандалы.

Замешкалась непрошенная «свита» —
Солдат и полупьяный офицер.
Воскликнула невольно: «Мой Никита!
Отныне неразлучны мы теперь!» —

Целует в лоб. — Ты, видимо, в горячке!»
Скользит рука по сморщенной щеке.
— Не диво, Саша — день сплошной на тачке
Вожу руду на лютом сквозняке.

Она берет любимого за плечи
И тихо шепчет: «Я с тобой навек...»
— Прощайтесь! Завершилась встреча! —
Как будто саблей, офицер отсек.

Печально необычное свиданье,
В глазах неугасающий огонь.
И не приметно Пушкина посланье
Ложится мужу в стылую ладонь.

Прошло стихотворение полсвета,
Как жизнь, как правда, как любовь и Бог.
И с той минуты верою поэта
Стал жить взволнованный острог.

Сердца свободой наполнились и славой,
Когда пришла желанная пора,
Когда престол обрушился кровавый
Последнего российского царя.

Бессонными ночами каторжане
Выстукивали вещие слова.
Бросало в дрожь от грозного посланья,
Шла о пророчестве в империи молва...

Замешкалась графиня за порогом,
Куда ни глянет — горе и беда.
И только в темном небе над острогом
Горит вдали Полярная звезда.

В сугробах тонут туфли непривычно,
Тропинку трудно отыскать в ночи.
Нейдет солдату в голову обычно
Хоть как-то женщину уважить без причин.

Она к тюрьме дорогу проторила,
Что не сумела вымостить казна,
И улыбалась всем улыбкой милой,
Лишь горе выдавала седина.

Она лечила хвори Божьим словом,
Всему назло — лучиста и светла.
Для узников графиня Муравьева
Надеждою и совестью была.

III

Надеждою и совестью осталась,
Болезненной и гордой, как дитя,
Не береглась и даже не старалась
Жизнь уберечь от горя-бытия.

Жизнь заново никто не перепишет,
Не вычеркнет дни вечной суеты.
Нам не дано упрятаться в затишье,
Спасаться от нечаянной беды.

Был каждый день победой бестолковой
Любви, и верности, и щедрой доброты:
И шли в Сибирь подруги Муравьевой,
Сжигая за собою все мосты.

Веселую на людях Александру
Болезни беспощадные трясли:
Болело сердце, набухали гланды,
Не отрывались ноги от земли.

За мужем колесила по Сибири
И, кажется, не верила сама,
Что, как часы с оторванной гирей,
Последняя ей пробила зима.

Уже не встать. Рука, как у скелета,
Поднять не может кружечку воды.
Туман застлал ее детей портреты, —
Свеча сгорела, и растаял дым.

Колоколов печальный звон пролился,
Погостом стала мерзлая гора...
За жертвами своими не стыдился
Следить глаз беспощадного царя.

Но вечно будет в памяти суровой,
Как идеал любви и красоты,
Живая Александра Муравьева
И боль, и гнев, и радости нести.

Цари менялись, как в колоде карты —
Награды, ленты, ордена, орлы,
Усы и бороды, кресты и бакенбарды, —
Но только не менялись кандалы.

На Ангару, на Енисей, на Шилку,
В село на тихой речке Шушь
Несломленных на каторгу и в ссылку
Жандармы гнали сотни сотен душ.

За ними в дальнее и тяжкое изгнание
Повсюду от села и до села
Как вера, и надежда, и страдание
Безмерная любовь с любовью шла.

С горячим сердцем, ясными очами
Она — Мадонне праведной под стать!
И перед русской женщиной всегда мы
Готовы свято на колени встать.

ЭДИ ОГНЕЦВЕТ

Огнецвет Эди (Эди Семеновна Каган) родилась в Минске 11 октября 1913 г. Окончила Минский высший педагогический институт (1934), заочно училась на педагогическом отделении литфака пединститута (1934-36). Работала редактором белорусского радио (1936-38), консультантом в кабинете молодого автора СП БССР (1939), в журнале (1940-41). Во время Великой Отечественной войны жила в Узбекистане. В 1945-46 гг. работала в Государственном издательстве БССР. Член СП СССР с 1937 г. Награждена орденом «Знак Почета».

Печататься начала с 1929 г. Вышли сборники поэзии, избранные произведения и переводы в двух томах (1976), книги поэзии для детей. Награждена Почетным дипломом Г.Х. Андерсена Международного совета по детской и юношеской литературе (1986). С французского языка перевела П. Беранже, антологию французской поэзии для детей (1962), Г. Аполлинера (1973) и др.

САМЫМ МОЛОДЫМ

Дубравы пушкинского края,
Любовь поэзии, огня!
Я снова осень открываю,
Как будто первый раз себя.

Вновь поклонюсь тиши священной,
Прозрачным, трепетным стихам,
Другим любимым посвященным,
Богиням, а не грешным нам.

В век новый — атомный, ракетный —
Еще на свете есть любовь,
Мы ожидаем от поэтов
Нестертых первородных слов.

Судьба не сможет вас обидеть,
И пусть вам сердце освятит
Свою Оленину увидеть
И Анну Керн свою найти.

1975-1976

АРКАДЬ КУЛЕШОВ

Аркадий Александрович Кулешов родился 6 февраля 1914 г. в д. Соматевичи Костюковичского района Могилевской области в семье учителей. В 1928 г. поступил в Мстиславльский педагогический техникум, а в 1931 г. перешел на первый курс литературного факультета Белорусского высшего педагогического института, где проучился до весны 1933 г. Был членом БелАПП. Работал в редакции газеты «Чырвоная змена» (1934), на белорусском радио (1934-1936), литконсультантом в кабинете молодого автора при СП БССР (1936-1937). В 1941-1943 гг. на фронте в армейской газете «Знамя Советов», в 1943-1945 гг. — в Белорусском штабе партизанского движения. В 1945-1956 гг. — редактор газеты, в 1958-1967 гг. — начальник сценарного отдела, главный редактор киностудии «Беларусьфильм». Неоднократно был избран депутатом Верховного Совета БССР (1947-1978). Член СП СССР с 1934 г. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями. Народный поэт БССР (1968), заслуженный работник культуры Украинской ССР (1973). Умер 4 февраля 1978 г.

Начал печататься в 1926 г. Автор многих сборников поэзии. Перевел на белорусский

язык роман Г. Эриксона (1932), поэму «Цыганы» и роман в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина, стихи А. Парниса, М. Лермонтова, И. Котляревского, «Песня о Гайавате» Г. Лонгфелло, сборники стихов К. Кулиева, С. Есенина (совместно с Р. Бородулиным), а также стихи русских и советских поэтов. Лауреат Сталинской премии (1946).

ПРОЩАЙ

Прощай, разбуженная сердцем, дорогая.
Так горько. Почему? Могу лишь сожалеть.
Мне это утро жаль, что в небе догорает,
И дней моих восход, которому алеть.

Ты помнишь первое несмелое признание?..
Над нами жаворонком пел и плакал май.
А завтра — грустное, туманное свиданье,
Суровый взгляд твой и слепое: «Прощай!»

Ушла любимая под гомон желтых сосен,
Ушла ты молча под колосьев спелых шум
Туда, где билось, не таясь, разноголоусье
Моих страдальческих и одиноких дум.

Ушла за тихие, далекие просторы
Звездой прощальнойю, что гаснет в синеве.
Души отверженной горячие укоры
Слезой холодною застыли на траве.

Ушла, оставив мне рассветы и туманы,
Полынный запах неисхоженных дорог,
Чтобы минутную и боль, и горечь раны
Годами в сердце заглушить своим не мог.

Ушла и больше не вернешься ты, Олеся,
Прощай, смугляночка любимая, прощай.
Стою на расстанях* былых, а в поднебесье
Печальным жаворонком не смолкает май.

Прощай, разбуженная сердцем, дорогая.
Твой светлый образ в жизни долго мне нести.
Заря на утре дней моих печально догорит,
Чтоб на закате поздно вечером взойти.

1928

* *Расстани* — перекресток, перепутье. (Прим.
ред.).

* * *

Нарушив все законы притяженья,
Планетами среди других планет
Мы существуем здесь как исключенье,
Моя любовь, — как свет и анτισвет.

Мы никогда одной не ходим стезжкой,
Не делим хлеб и делим только соль,
Встречаешь ты мою печаль усмешкой,
Смущаешься, когда уходит боль.

Мои признанья ты приемлешь слабо,
И неприступен облик твой, и строг,
И мнится, повернись лишь я на запад,
Ты тут же повернешься на восток.

Но, видимо, земля бы оскудела,
И целый мир окутала бы мгла,
Когда б ты вдруг случайно улетела,
Исчезнув, величава и светла.

1962

* * *

Седое время с неизведанных дорог
Глядит на землю как на муравейник.
И кажется, возьмет серьезно веник
И выметет, как мусор, за порог.

Скажи мне, время, разум чей и слезы
Когда секирой грянут в тишине
Твоих лесов и по кругам на пне
Отметят годы соснам и березам?

Твоих столетий темные следы
Кто отобьет на мраморе суровом?
Кто делом подтвердит и верным словом,
Что благоденствуешь на свете ты?

И не властителем безлюдной эры —
Ходить ты будешь стариком слепым,
Пока дря пущ и песен, и секиры
Мы возрожденье не вдохнем.

1962

* * *

Цветка я не сорвал ни разу на природе
И ни одной звезды с небес не ухватил,
И как ни говорили бы в народе,
Любимой ничего не подарил.

Цветы пусть тешат очи нам на склонах,
Чтоб мы с тобой гуляли среди них —
Они увянут в хрустале граненом,
Как мы без солнца среди сцен немых.

Мир звезд далек: дорогой ехать конной —
Не век, не два, а сто веков вполне, —
Чтоб их достать, на корабле фотонном
Уже лететь не доведется мне.

Не выдержит душа дороги сложной,
Заглохнет сердце — верный мой мотор,
Что пыль глотал, терзая бездорожье...
Прими его без звезд, цветов и зорь.

1962

. * * *

И совесть людскую за гроши
Купили — пристойный товар.
Теперь она бедности может
В лицо глянуть, как самовар
Надменный, сверхважный, вельможный,
И славу, почет прикупить...
Одно она только не сможет —
Лишь честью непроданной быть.

1963

-

СОСНА И БЕРЕЗА

Без всяких подпор Землю подняли вмиг,
Без всякого троса,
Живыми руками кореньев своих
Сосна и береза.

От дыма до пара в горячих котлах
Сулов, паровоза
Прошли они путь, невзирая на страх,
Сосна и береза.

Легла на их плечи тяжелой войны
Окопная проза:
Служила солдатам сосна — для труны,
Крестами — береза.

С торгующих кровью слетала порой
Надменная поза,
Когда перед ними вставали с петлёй
Сосна и береза.

Еще не придумал лекарств человек
От новой угрозы,
И могут гробами закончить свой век
Сосна и береза.

Уже на людей, на весь мир короли
Глядят снова косо,
Носители смерти, чтоб вновь не росли
Сосна и береза.

Над ними ракетный разносится звук
И гул бомбовоза...
А что, если выпустят Землю из рук
Сосна и береза?

1968

* * *

Всему границы есть, конечно,
Смирись пред роком, не кляни
То, что приходит неизбежно
Во все дела твои и дни.

Плюю я на необходимость
И прорицателям скажу:
Что, если творчество — решимость
Нарушить всякую межу?

1978

* * *

Не спрячешь дней минувших горечь.
С тобой ушедшее давно
Не за плечами, не за морем —
Всегда с тобой живет оно.

Не забывается, как горе,
Твой каждый давний глупый шаг,
Как будто сделал только, вздоря,
Его — случайно или так.

И если бы по воле властной
И силой собственной руки
Ты как с доски стереть мог классной
Своих ошибок тайники:

Печали, горечь, что не могут
Тебя покинуть, хоть скули,
Что так ли, иначе, от Бога
На плечи некогда легли.

-

И сердцем чутким жаждешь строже
Ты первозданной чистоты,
Однако в будущее с прошлым
Своим идти обязан ты.

И поздний чести суд священный
Напрасен — не избавит он
Тебя от темного мученья
На рубеже земных времен.

1978

ПЕПЕЛ

Под тяжким глина давится камнем,
Гниет трава, не высушенная сеном,
И зарастают раны всех времен,
Где путь пролет широкой полосой, —
Но почему для пепла нет покоя,
Зачем печаль и слезы будит он?

Ужели горя на земле не вдоволь,
Что пепел тот молчаньем просит слова
У этих зданий новых черных дел?
Не проще было бы ему забыться
В дыму, из коего не возродиться
Былому миру, что в огне сгорел?

А пепел, пепел бьется в наши груди,
Он не остыл, и нет ему, не будет
Ни забытья, ни сна в земле сырой.
На землю он ложится, как бесчестье,
Напоминальем или же предвестьем, —
Ужель не слышишь ты тревоги той?

Он совесть нашу денно-нощно гложет,
А мы, кто ран былых забыть не может,
Стрясаем грозную с ботинок наших пыль
Не потому ль, что горький путь не кончен,
Что будущих боимся червоточин,
Остановить которых нету сил?

1978

КАРУСЕЛЬ

Где же, где вы, детства мои кони,
Поскакали без меня куда вы?
За спиной не слышится погони...
Где остановили бег стремглавый?

Серой, вороной, багровой масти —
Детства дорогого побратимы, —
Где исчезли вы с мечтой о счастье,
С седлами на спинах золотыми?

Что замолкла, битая дорога,
Что бывшие краски не играют
И копыта стертые бывшего
Из камней огня не высекают?

Ох, непредсказуемый, в зените
Мой табун! Мои родные кони, —
Вы из памяти, как прежде, выходите,
Вот он, сахар на моей ладони.

Фонари ночные светят всяко;
Продают пирожное из банки, —
Выплывают тенями из мрака
И уходят в темень вновь тачанки.

Бьют в тромбоны некие солдаты,
Гул толпы, всеобщее веселье, —
Не забыть мне детские обряды,
Искры, блеск и ритмы карусели.

Кони, кони, мощное стремленье,
Сроду не подвластное оковам:
Вечное не кончится горенье,
Не разбиться солнечным подковам!

Ухватиться б мне рукой за гриву,
На седло запрыгнуть без разгону
И лететь под музыку счастливо,
И кружиться б век неугомонно.

Чтобы все поплыло пред глазами —
И иной не хочется мне жребий!
Ты летишь над полем, над лесами
И над городами — просто в небо.

Просто в небо, что еще не знает
Катаклизмов, кои гибель секут,
Где заря — одна, другая,
Словно в поле рожь, безмолвно зреют.

Кони масти вороной, мышастой,
Не теряйтесь, мчитесь чередою.
Задержись на миг, табун гривастый,
И скорей возьми меня с собою.

•

Проплывает мимо малолетство,
Кони рвутся, горячатся, скачут.
Карусели кружат — только детство
В стороне стоит мое и плачет.

1978

ВАЛЕНТИН ТАВЛАЙ

Валентин Павлович Тавлай родился 8 февраля 1914 г. в г. Барановичи. Детство провел на родине родителей, в д. Рудовка Слонимского района. Учился в Слонимской учительской семинарии (1925). С 1927 г. — ученик Виленской белорусской гимназии, откуда в 1929 г. исключен как один из организаторов ученической забастовки. В 1929 г. за подпольную комсомольскую деятельность арестован, сидел в слонимской, затем в гродненской тюрьме. В 1930-32 гг. в Минске: работал в газете «Звезда», учился в Белорусском государственном университете. В январе 1932 г. был отозван на подпольную работу в Западную Беларусь. В 1934 г. арестован при попытке перехода границы в Советскую Беларусь, сидел в виленской тюрьме Лукишки, осужден на 8 лет заключения в гродненской тюрьме.

В 1939-41 гг. работал в лидской районной газете. В Великую Отечественную войну — связной партизанского отряда, разведчик спецгруппы. В 1944-45 гг. — ответственный секретарь новогрудской районной газеты, в 1945-47 гг. научный сотрудник и заместитель директора Литературного музея Я. Купалы в Минске. Умер 27 апреля 1947 г.

Печататься начал с 1928 г. Вышли сборники поэзии. Выступал как критик, публицист, занимался переводами.

Хоть шиповник отцвел — и давно, —
но осталась непрошено радость:
Лепестки сохраняют полуденный
цвет хрустали,
Пронесу через жизнь,
неподвластно ни бурям, ни граду.
Чтобы сердце теплело, приветливо
зрели поля.

А как стежка моя за высокой стеной
оборвется,
На решетках крылом опадет
окровавленный флаг,
Ты взгляни, дорогая, тепло, если вдруг
доведется,
С приграничной дороги весны —
на метелистый шлях...

Будет песня, как жаворонок,
звенеть над полями,
Прилетит и к тебе — сироту ты прими
веселей...
Теплой пахарской щедрой ладонью
мы жизнь разбросали,
Чтобы вёсны цвели для людей
и на этой несчастной земле.

1936

АНТОН БЕЛЕВИЧ

Антон Петрович Белевич родился 27 мая 1914 г. в д. Дубровка Узденского района Минской области в крестьянской семье. Учился в Могилевском институте политпросвещения (1933-35). Работал в газетах. В годы Великой Отечественной войны участвовал в партизанском движении. С 1945 г. работал снова в газетах. Член СП СССР с 1943 г. Награжден орденами и медалями. Умер 11 апреля 1978 г.

Печатался с 1937 г. Автор сборников поэзии, книги стихов и поэм для детей. На белорусский язык перевел отдельные произведения А. Мицкевича и др.

МОТЫЛИ

Вдруг на веранде застекленной
Как будто стены расцвели:
То желтый цвет,
То цвет зеленый, —
То мотыли все,
Мотыли.
И всё летели,
Всё летели.

Вот так бы мы с тобой хотели
Лететь в поля родной земли,
Как мотыли,
Как мотыли.

Ловлю и глажу я рукою
И грею руку на крыле...
А это вышитый тобою
С иссиня-красною каймою
Мотыль крылатый на столе.

1943

ИЗНАЧАЛЬНОЕ

Как волк умирает? Задача...
Где место себе выбирает?
Я слышал, волчица как плачет,
Когда ее друг умирает.

Печально завоет волчица,
И жалость ответит дубровой:
— Мне б костью самой подавиться,
Иль конской железной подковой?

А был же ты самый пригожий:
Клыкастый, поджарый, глазастый.
Поднимешься все-таки, может,
Кормилец потомства лобастых.

А кто же теперь им поможет?
У них только кости да шкура...

Известно, я не был встревожен,
Не знаю, что было в натуре.
Да только почувствовал все же
Любви и природы великие бури!

1968

МАСЕЙ СЕДНЕВ

Масей Ларионович Седнев родился 1 сентября 1915 г. в д. Мокрое на Могилевщине в крестьянской семье. Учился в Мстиславльском педагогическом техникуме (1930-32), Минском пединституте, в 1936 г. был арестован. В августе 1940 г. с Колымы был привезен в Минск на пересмотр дела, из тюрьмы, однако, был освобожден из-за военной неразберихи в июне 1941 г. Некоторое время жил в родной деревне, в 1943 г. выехал в Белосток, а затем в Берлин, учительствовал в белорусской гимназии в Михельсдорфе. В 1950 г. эмигрировал в США, где преподавал русский язык в одном из университетов штата Индиана. В 1969-83 гг. работал на радиостанции «Свобода» (Мюнхен, ФРГ). Живет в США.

Печатается с 1933 г. За границей издал сборники стихов. Автор двух романов, пишет литературно-критические статьи, воспоминания. На белорусский язык перевел отдельные произведения Гете, плач Ярославны из «Слова о полку Игореве».

ЕДИНСТВО КРАСОТЫ

Мир наш богат не только словом.
В нем много красок и примет.
И в ярком блеске солнца огневого
Единством красоты чарует свет.

Растут зеленым морем травы,
А после бурь такая тишина!
И солнца огненная лава
Несет в руках алмазы дня.

Как мудрость вечная столетий,
Путь освещает на ветрах.
Глаза зажмуришь над планетой —
И свет звенит тогда в ушах.

Земля летит. И ноет тело.
С землей плывешь, как в забытии.
Моя душа и не имела
Такого счастья в житии.

Как бы родился вновь ты. Ясность
И глубина небес, и пышный цвет.
Все в мире радостно, прекрасно —
Единством красоты так манит свет.

1935

КРАСАВИЦА

Всегда стоишь ты предо мною,
Всегда перед тобою я.
Заполнена душа тобою,
Мой бог, красавица моя.

Сказать тебе о том не смею,
Пугаюсь правды простоты.
И почему стою, немею
Перед тобой — не знаешь ты.

И только сопереживанья
Дают тебе об этом знать.
И пусть, и пусть, я рад — признание
Души не может рассказать.

Как ветви внешней вербы скромной
Сказать не могут, отчего
Стремятся к солнцу неумно,
Ловя луч ласковый его.

Я рад, что ты всегда со мною,
Что пред тобою вечно я,
Что ощущаю я душою
Тебя, красавица моя.

1936

* * *

Тебя я вспомнил, и душою
Воспрянул в радости немой:
Своею дивной красотой
Воскресла ты передо мной.

Тебя я сердцем ощущаю,
И ты в нем — вечною весной.
Тобой томлюсь, тебя желаю,
Тебе покоя лишь одной.

В любовных вырос я страданиях,
Познал и жизнь, и счастье — всё.
Мои глухие вздыханья,
Как сон, ушли в небытие.

Я рад, что в счастье изнываю,
Что сердце мне волнует жар.
И как могу, благословляю
Любви ниспосланный мне дар.

1936

КАК МОЛИТВА

Прошла и не заметила, как жрица.
Ты проходи, не злюсь я — Бог с тобой.
Когда бы мог, я мог бы заступиться
Пред Небом за тебя с великою мольбой.

С мольбою тихой, откровенной, детской,
Что шепчут искренне уста в ночи.
Они, дрожащие эстетски,
Не могут победить, как ни кричи.

Не знаешь ты, какая это сладость —
Мне думать о тебе, вынашивать мечты.
Шепчу молитвы я, но жаль изрядно:
Их слышит Бог, но все ж не слышишь ты.

А что, когда б Он мог свершить их честно...
И ночь всю сквозь и сон, и тишь
Во глубине души печальной песней,
Как звон стихающий, ты все звенишь.

ВИДЕНИЕ РОДИНЫ

Как только песнею своей зайдусь я,
И Родина вдруг в сердце хлынет мне,
Легко становится от странной грусти —
Не наяву я словно, а во сне.

Издалека мелькает мне жар-птицей,
Как сыну в чуждальной стороне.
Иду как сквозь туман, хочу пробиться,
Но сам не знаю, я ли это, нет.

Я останавливаюсь, жду, но нет привета.
Спешу, бегу, хоть ноги колют сорняки...
Ведь нет милей изгнаннику-поэту,
Чем образ твой, далекий до тоски.

1959

-

ПРОЩАНИЕ

Ну зачем, ну зачем свое сердце я мучаю? —
По всему теперь вижу, что ты — не моя.
Осень в поле играет нам песню разлучную —
Это знаешь и ты, это знаю и я.

Самым тонким, прозрачным, как бы
 поволокою,
Затянулись едва ночью лужи льдом.
Твое сердце теперь — тайна-бездна глубокая,
Но назвать, без сомнения, могу холодком.

Ты не смотришь в глаза, будто в чем-то
виновная,
Руку ты опускаешь бесстрастно к платку.
И совсем непонятно, всегда оживленная,
Водишь туфелькой молча своей по песку.

И наконец, говоришь мне, что уже выпили
Из земли сок осенних ночей холода,
А зима — ледяное дыханье — на выданье,
И в реке остановит течение вода.

И зачем, и зачем свое сердце я мучаю?
По всему теперь вижу, что ты не моя.
Но к тому, что нам песню разлучную
Осень все же поет — не прислушаюсь я.

МОЯ LORELEI

Я думаю часто о лесе:
С ним может сравниться и рай.
Там, на Полесье
Живет моя Лорелей.

Как ангел небесный
Меж синих озер,
В серебряном блеске —
Полесский узор.

Нас разлучило лихо
Тому много лет назад,
Над Припятью плавною, тихой
Задумчиво рдеет закат.

Гадая о чем-то вечно,
На берег, где леса край,
Печальная каждый вечер
Приходит моя Лорелей.

Сама не своя, такая,
Словно бы на беду,
Она меня подзывает —
И я, может, к ней приду.

В просторах появится синих
И молится всем святым,
И голос ее несильный
Доносится эхом пустым.

Река начинает всхлипывать
И волнами бить через край.
Боюсь я, что бросится в Припять
Моя Лорелей.

1983

РАСПЯТЫЙ ХРИСТОС

Тревога охватила вдруг сегодня:
Как может человек веками
Глядеть на размозженные ладони,
Пробитые насквозь гвоздями,

И мимо проходить, как деги?
А Он с закрытыми глазами,
Распятый на кресте, через столетия
Кровавится все перед нами.

На муки посмотрите в изумленье
И на лицо в терпенье неземном:
К кресту жестоко пригвожденный
О чем Он думает, о ком?

Как истинно виновный из виновных,
Не может мук Он позабыть позорных,
Он, кто лечил слепых и прокаженных,
Он, кто воскрес из мертвых.

...Почтительно пришел сегодня
Не ран Твоих коснуться я руками,
А тихо целовать ладони,
Пробитые насквозь гвоздями.

1983

* * *

Хотел бы взять теперь я посох,
Пойти долинами, лесами.
Хотел бы, все забыв, по росам
Бродяжничать до смерти самой.

Я б не был там, где ветер свищет, —
Зашел бы в пуши Беловежья,
И на костре готовил пищу,
И жил привольно, безмятежно.

Пройдя звериною тропюю,
Преодолея бы все невзгоды.
Я б восхищался дивною игрою
Неумирающей природы.

Нашел бы я успокоенье,
От хаоса отринутый земного.
Другое б я познал ученье —
И больше ничего, ей-богу.

НОЧЬЮ НА БАЛКОНЕ

Кружится в небе звездный хоровод,
Дрожит, переливается в смятеньи.
Смотрю я молча на всемирный ход,
Грущу о чем-то в вечном удивленьи.

Сижу один. Пустыни темной гладь
Глядит слепыми на меня очами.
Ее любую силой не сдержать,
Просить о помощи бессмысленно веками.

В испуге некоем глухом
Себя я спрашиваю: где я?
В каком я мире — добром иль плохом,
И есть ли тут надежда на спасенье?

День промелькнул, другой уйдет, звеня.
Я — только гость на этом белом свете.
Ничто тут не доходит до меня —
Сижу один. Один на всей планете.

1983

* * *

Ни совершить, ни взять, ни разгадать:
Что быть должно — давно промчалось.
Мне ничего другого не осталось, —
Как только боль стихам своим вверить,

Живу печально день-деньской,
Тоской о том, что не сбывалось.
Мне ничего другого не осталось, —
Как только быть разочарованным собой.

Отмеченный судьбой эпохи, я
С эпохою не сросся ни на малость.
Мне ничего другого не осталось, —
Как только жить своим ничтожным «я».

Без радости и без любви прожить
Печальнее, чем увяданья жалость.
Мне ничего другого не осталось, —
Как только век свой завершить.

1984

ОКЕАН И НЕБО

Великой каргой, непослушно-странный,
В момент какой-то он, велеречивый,
Когда-то небом был наказан бранно
На землю брошен в бешеном разливе.

Гоняет волны океан свои и пенит —
Мы вздохи слушаем его глухие.
И в непокорности своей, в бореньи
Он стал совсем особою стихией.

Живет своей особою судьбою
И мир воспринимает слепо...
Взбешенный жуткою враждою,
Он местью отвечает небу.

Как ни вздымается он грозно
Как ни стремится взбунтоваться,
Волною до небес нервной
Не может все-таки подняться.

И небо изначально, от веков
Со всей непобедимостью своею,
Раскинувшись над ним без берегов,
Склоняется к нему, голубизну лелея.

1984

ПОЗНАНИЕ БОГА

Когда за мною закрылись двери
Тюрьмы, душой я занемог
И всей сердечной силой верить
Я стал, что есть на свете Бог.

Огонь живой, огонь священный
Мне веру влил, познать помог,
Что всем земным и всем надземным
Владеет вечно только Бог.

Пусть мне Господь великодушно
Простит, что верить я не мог.
Так было!.. Но теперь, послушный,
Тебе я кланяюсь, мой Бог.

Карай меня за все химеры
Лишь дай взглянуть на Твой порог.
Хоть жизнь возьми, я свято верю
Тебе, могущественный Бог.

1989

МИХАСЬ КАЛАЧИНСКИЙ

Михась (Михаил Иванович) Калачинский родился 12 января 1917 г. в пос. Крупки Минской обл. в крестьянской семье. Окончил курсы при Коммунистическом институте журналистики (1936). Участник советско-финляндской войны 1939-40 гг., в Великую Отечественную войну — армейский журналист. В 1954 — 1958 гг. — ответственный секретарь, в 1958-60 гг. — заместитель председателя Союза писателей БССР, в 1960-78 гг. главный редактор журнала «Беларусь». Награжден орденами и медалями. Заслуженный работник культуры БССР (1974). Умер 10 августа 1990 г.

Печатался с 1932 г. Автор поэтических сборников, книг для детей. Переводил стихи русских и советских поэтов. Вышли избранные произведения (1971, 1982).

ВЕРНОСТЬ

Расставанье.
Дальняя дорога
В горизонт бескрайний поплыла.
Ты в поход дала совсем немного:
С ниткою иголку принесла.

Я беру их.
Прячу обиходно.
Будут у меня они лежать.
И тебя, как песню, в час походный
Буду непременно вспоминать.

Отдала.
Зарделась вся до челки
И без слез сказала на ходу:
— За тобой, как нитка за иголкой,
Я по свету до конца пройду!

1938

ХОРОНИЛИ УБИТЫХ

К ночи хоронили убитых,
Чуть бой рукопашный затих.
У свежей могилы на плитах
Собрались товарищи их.

Живые сошлись побратимы
И все боевые друзья:
Озера, леса в паутине
И небо — большая семья.

Взглянул я в печали и гнев
На горный замшелый самшит,
Пробитое лето на древе
Висело, рыдало навзрыд.

— Скажите, что это такое?
— Леса провожают героев.
И взгляд свой тогда перевел я
На пики гранитные Псоу.
Обильно окропленный кровью,
Дымился обугленный дол.

— Скажите, что это такое?
— Друзья провожают героев.
На наших из третьей я роты
Невидимо взгляд перенес.
Они почернели от пота,
Но, в общем-то, не было слез.

Ночь близилась грустно и трудно,
И в сумерки солнце зашло.
Бойцы ожидали салюта —
Патронов у нас не нашлось.

1942

ПИМЕН ПАНЧЕНКО

Пимен Емельянович Панченко родился 23 августа 1917 г. в Таллине, куда родители, бедные белорусские крестьяне, выехали на заработки. В 1920 г. вернулся в Беларусь. Окончил педагогические курсы в Бобруйске (1934), Минский учительский институт (1939). С 1939—1946 гг. — в рядах Советской Армии как специальный корреспондент. С 1946 г. работал в ряде газет и журналов. Главный редактор журналов «Советская Отчизна» (1954-58), «Малодосць» (1958-66). В 1966-71 гг. — секретарь правления Союза писателей БССР.

Начал печататься с 1934 г. Член СП СССР с 1938 г. Автор сборников поэзии. Народный поэт БССР (1973). Награжден орденами и медалями. Умер 10 августа 1990 г.

Лауреат Литературной премии им. Я. Купалы (1959), Государственной премии БССР им. Я. Купалы (1968), Государственной премии СССР (1981). Выступал как критик, публицист, переводчик.

Леса нырнули в тучи серые,
Закрыв листвою птенцов, бельчат,
А ты смеялась и не верила,
Что будет дождь, что будет град.

Все глубже шла ты в лес обманчивый
И за собой меня вела,
Улыбку прятала заманчиво,
И дивно искренней была.

А гром гремел уже раскованно
Над каждой елью и сосной.
Ты прошептала мне взволнованно:
«Что делать нам, хороший мой?»

И ель размашистая, темная
К себе хитро манила нас.
Я очи темные бездонные
Так близко встретил в первый раз.

Завесили нас ливни белые,
Пропало все, нависла тьма.
Ко мне обычно ты несмелая
Прижалась тесно вдруг сама.

Деревья гнулись многорукие,
Гром сотрясал небес простор,
Сердца им бились в лад упругие,
От молний заходил бор...

Стихи, друзья — все отдал в жертву я,
Но сберегу, как вещий сон,
Горячих уст желанье первое
И ели запах, ливня звон.

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕНАВИСТЬ

(Отрывок из поэмы)

4

Земля белорусская, кем ты назначена
Ареною быть беспощадных боев?
Державы могучие вечно корячились
На наших просторах полей и лесов.
Огнем и костями, кровью алой, железом,
Все земли удобрены войнами их.
Со всех сторон света солдаты к нам лезли,
Мечтая полечь на песках золотых.
А сколько землицы снарядами вздыблено,
Засыпано прахом безвестных имен!
Скажи мне, Отчизна, ужели ты избрана
Погостом остаться для вражьих племен?
Кроваво набухли дубравы и травы,
На небе пылают кровавые зори.
Земля дорогая! Имеешь ты право
На большее счастье, на меньшее горе.
Я знаю прекрасно, чего же ты хочешь.
От первой мелодии над колыбелью,
От первого лучика, что глянул в очи,
Я ведаю все до конца, безраздельно.

Нам щедро б кидать удобрения в почву,
От края до края чтоб был урожай,
Дворцы возводить до небес правомочно,
Поэмы творить и детей бы рожать...
Да вновь топчут нас сапоги чужеродные.
Орда навалилась. Начало войны
Отважно встречали и в первых же ротах мы
Твои, Беларусь, молодые сыны.
Мы честно и твердо захватчиков встретили.
Покуда отходят полки на восток, —
Мы держимся час, и второй, да и третий,
лишь
Сдержатъ бы врага, хоть еще на чуток...
Дымятся луга. Грохот не умолкает,
И режет глаза пересоленный пот,
И ненависть Родины жестко встречает
Тебя, мой ровесник и мой антипод.
Не стонут, не плачут, не кличут сестер тут
Бойцы, умирая от боли и ран.
Залитую кровью своей гимнастерку
Снимает израненный наш капитан.
И бьется он снова с отвагой удвоенной,
Мой друг и начальник — комбат боевой.
Да мало патронов, и падают воины.
На десять убитых — один лишь живой.
А немцы заходят и в тыл, и на фланги...
Тесней становись, дорогие братки!
Последние капли из вышитой фляги
Допьем и примкнем мы к винтовкам шттыки.

Враги понимают: их силы слабеют.

Со знаменем

В рост

И в атаку на нас.

Затихли совсем за рекой батареи.

Пришел, видно, смертный, товарищи, час.

Спокойно комбат наш в рубашке кровавой

На бруствер залез, крикнул зычно: «За мной!»

Веди, капитан, нас на смерть и на славу

В последний, святой и решительный бой!

1943-1944

-

СХЕМА ЖИЗНИ

Тяжко работаем. Грустно мечтаем.
Век догоняем. Героями ходим.
Тучей чернеем. Солнцем сияем.
Что-то теряем. Что-то находим.

Любим безумно. От счастья заходимся.
Рады, как черти. Как люди, рискуем.
Ссоримся. Миримся. Глухо расходимся.
Дней не хватает. Месяцы губим.

Любим детей. Потакаем им. Тешимся.
Радуют леги, пугают и трогают.
Бухнет беда — от отчаянья хоть вешайся.
Ну и наследники! Ахаем, охаем.

Верим с пеленок, что лучшее сбудется.
Опыт отцов, как всегда, забываем.
Плачем. Смеемся. Клянемся и судимся.
Где-то нагадим. Не убираем.

Шутим с иронией. Злобно лютуем.
Губим способности. Хитрости точим.
Жен забываем. Жен и ревнуем.
Хвалим кого-то. Кого-то мы топчем.

Грозно орем. С ерундой соглашаемся.
И голосуем. И протестуем.
То обнимаемся с другом, то лаемся.
Грóши считаем и тару пустую.

•

Не замечаем. Чутко заботимся.
И вспоминаем. И забываем.
Быстро возносимся. Катимся. Молимся.
Что-то умеем. Что-то сбываем.

Строим мы планы. И машем рукою.
Редко бушуем. Тихо сгораем.
Жаждем покоя. Не видим покоя.
Молча болеем. И умираем.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЧЕРНЯ

Трудись всю жизнь.

Трудись скогиной,
Пока не стукнет шестьдесят.
Все делай круто, как мужчина,
Что приготовился в десант.

Не кулаком решать старайся,
Умей свой норов показать,
И соловьем не разливайся,
Коль людям нечего сказать.

Детей люби — они, как солнце.
Жену напрасно не грызи,
Не будь коллегам крестоносцем
И мезтью людям не грози.

Ищи всегда свою дорогу,
Ищи себя, ищи без слов
И честь, и славу, даже Бога,
А не расхваленных божков.

Когда ж минует шесть десятков,
И все не сделано в свой час,
Уже не будет славы сладкой,
Не будет ничего у вас.

•
Я не зануда-проповедник
И для души рай не прошу.
Я сам себе служу обедню,
Сам и вечерню отслужу.

МИКОЛА СУРНАЧЕВ

Микола (Николай Николаевич) Сурначев родился в 1917 г. в д. Слобода Розгачевского района Гомельской области. Учился в Гомельском (1937-1939) и Минском (1939-1941) педагогических институтах. Работал в газетах. С 1941 г. — в Красной Армии, участвовал в обороне Кавказа, в освобождении Беларуси и Польши. Погиб 20 апреля 1945 г. под Берлином.

Печататься начал в 1933 г. Вышли сборники поэзии (1946, 1959, 1986).

День ото дня вели шляхи
Из края в край желанный.
От старой дедовской стрехи
До мазанок, яранги.

От сел и заливных лугов
До сжатых нив дождливых,
Везде был принят как родной
Веселый и счастливый.

На Волге я из-под весла
Смех слыхивал девичий,
То мне Кахетия несла
Вино и мед отличный.

Где виноград на землю свис
И шепчет непривычно,
Несла, больному мне, кумыс
Чернявая калмычка.

То на уральский малахит
Не мог я надивиться,
То рядом плакала навзрыд
Полтавская криница.

Казачка теплым молоком
И хлебом угощала
И смело зазывала в дом,
Как сына, обнимала.

Но только, где б ни воевал,
Где б ни лежал в траншее,
Таких лугов я не видал,
Как на родимых землях.

Таких рассветов и криниц,
Крутых вирóв и плесов,
Таких закатов и зарниц,
Таких берез и сосен

Я не нашел, как ни бродил
По свету одиноко,
И долго мой напев грустил
О Родине далекой.

1944

АЛЕСЬ БАЧИЛА

Алесь (Александр Николаевич) Бачила родился 2 апреля 1918 г. в д. Леишница Пуховичского района Минской области в крестьянской семье. В 1934 г. окончил Белорусский педагогический техникум, преподавал белорусский язык и литературу в сельских школах на Минщине. Заочно окончил Минский преподавательский институт (1939). 1939-1945 гг. — в Красной Армии. После войны работал в газетах, редактором Государственного издательства БССР. В 1957-1972 гг. — ответственный секретарь журнала «Полымя», в 1972-1978 гг. — старший редактор Государственного издательства. Член СП СССР с 1946 г. Награжден орденом Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», Дружбы народов и медалями. Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР (1967). Умер 3 апреля 1983 г.

Первое стихотворение напечатал в 1934 г. Вышли сборники поэзии, книжка стихов для детей (1981). В 1978 г. вышли «Избранные произведения» в 2-х томах, в 1986-1987 гг. — «Сборник произведений» в 3-х томах. Автор либретто опер. Перевел на белорусский язык «Тараса Бульбу» Н. Гоголя (совместно с Н. Последовичем), «Брестскую крепость» С. Смирнова, «Золотой ключик, или Приклю-

чения *Буратино*» А. Толстого, а также отдельные произведения русских, украинских и латышских писателей.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Траншей, окопов — их немало
Мы накопили по ночам...
Когда-то девушки тут рвали
Цветы, гуляя по дугам.

Пастух берестяной свирелью
Поля поутру оживлял,
А поздно вечером в шинели
Туманной пряталась земля.

И новый день свой рано-рано
Встречали рожи, словно май.
Теперь тут минами изранен,
В колючей проволоке рваной
Грохочущий передний край.

Друзья тут наши умирали
От вражьих пуль и взрывов мин,
Когда атаки отбивали
По десять раз за день один.

-

Хоть достает однообразность
Обстрелов грозных, ну так что ж?
Ты здесь со всеми несуразно
Войной суровою живешь.

Тут блиндажи — твои хоромы,
А сон ночной в землянке — рай.
И стал давно родимым домом
Тобой освоенный, знакомый,
Изрытый весь передний край.

1944

* * *

Отчизна моя дорогая,
Ты в счастье желанном живи:
Я сердцем тебе присягаю
В безмерной сыновней любви.

На реках, на стройках и нивах,
И ночью, и днем, и в восход, —
Работает всюду красиво
Великий советский народ.

Гляжу я — земля расцветает,
И песни творят волшебство:
Мне лучше родимого края
Нет в мире во всем ничего.

Чужого не надо нам хлеба.
Желанья у всех нас одни:
Хотим, чтобы мирное небо
Не знало пожаров войны.

Мы дружбы великой желаем
И верной сыновней любви.
Отчизна моя дорогая!
Красуйся и в счастье живи!

1950

ДАРИТЕ ТЮЛЬПАНЫ

Вослед смотрю влюбленным непрестанно...
Счастливые! Вы дарите тюльпаны!

Я не дарил — и не моя вина...
Мои тюльпаны раздала война...

И не на радость, не на счастье милым,
А братским неоплаканным могилам.

Слеза дрожит на веках — не забыть —
Таких букетов век бы не дарить.

И хоть не раз напомнят болью раны, —
Прошу: дарите алые тюльпаны.

Дарите милым — пусть ни явь, ни сны
Им никогда не принесут войны.

1964

КАСТУСЬ КИРИЕНКО

Кастусь (Константин Тихонович) Кириенко родился 12 декабря 1918 г. в д. Гайшин Славгородского района Могилевской области в крестьянской семье. Окончил литературный факультет Гомельского пединститута (1940). Участник Великой Отечественной войны. В послевоенное время -- на журналистской работе: главный редактор журнала «Бярозка» (1962-72 гг.), журнала «Полымя» (1972-88 гг.). Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР (1970). Умер 15 сентября 1988 г.

Начал печататься в 1939 г. Член СП СССР с 1943 г. Автор сборников лирики, политических книг для детей. В 1969 и 1978 гг. вышли избранные произведения в 2-х томах. Автор ряда сборников прозы и публицистики, занимался переводами.

Лауреат Литературной премии им. Я. Купалы и Государственной премии БССР им. Я. Купалы.

От углей пожарниц прикуривали,
Чай кипятили в касках.
И пели с глазами хмурыми
О нивах своих и хатках.

Завидовали даже раненым,
Желали им радости всякой.
Поутру росами ранними
Отважно ходили в атаку.

Водою и хлебом завтракали,
Заряды таскали с любовью.
Стреляли в заката зарево,
Тревожась, когда нет боя.

Над братской могилой печальной
Глотали слезы сурово,
И тяжело — как птицы в свой дальний
Путь — поспешали снова.

На пашнях, где буря пела нам,
Искали такие дороги,
Чтоб только остались целыми
И сердце, и руки, и ноги.

Но видели после баталий,
Что жив еще враг, не в могиле.
И тут же привычно, устало
Старательно порох сушили.

И вновь от костров прикуривали,
По отчим тужили хатам,
И двигались в мир манкуртовый
Великой земли солдаты.

Из Орши, Москвы и Кирова,
Черниговские и донские,
Помянут которых, дублируя,
И Вильнюс, и Минск, и Киев.

И, видно, любую силою
Их не сдержат неожиданной,
Пока за Отчизну милую
Сердца болеть не устанут.

И так эта боль бесконечна,
Что век им не знать покоя,
Под солнцем шагать им вечно
По грозному кличу: «К бою!»

1944

-

БЕЛАЯ ЧАЙКА

Прицепилась вдруг белая чайка и ждет:
Не успею заснуть, — а она надо мною,
Кружит, кружит — то острым крылом
черканет,
То кипящей волны обдаст белизною.

И кричит так печально, кричит каждый раз!
И глядит, и глядит. Только взгляд —
дикуватый.
Словно таинственный известен ей сказ.
Словно я перед ней в чем-то стал виноватым.

Просыпаюсь, подолгу лежу в тишине.
Чайка кружит и кружит, ожидая ответа.
Или птица мятежная чудится мне?
Или совесть моя просто мучится где-то?

Мне тревожно. Ни ночью, ни днем
Нет покоя душе. Что ж не спится?
Никого не обидел, не жег я огнем,
Никогда не убил ни единой я птицы...

Так откуда ж ты, чайка? Откуда и чья?
Ты чего ожидаешь? — скажи, если можно...
...А быть может, ты только тревога моя,
Та, с которой расстался я неосторожно?

Может быть, ты заметила в песнях моих
Слишком много печали и много покоя?
И, простив мне, пришла, чтобы сызнова в них
Зазвенела струна — боль за счастье людское?

Чайка не отвечает.... А я не могу
Жить так дальше, как жил, —
 чтобы чинно и сонно...
Словно кто-то, собрав грусть, сгибает в дугу
И несет в мое сердце — днем и ночью
 бездонной.

Зов тревожный в ушах поселился и ждет,
И признаюсь я вам без утайки:
Только очи сомкну — вновь крылом
 черканет,
Вновь кричит над душой совесть —
 белая чайка.

1961

6

АВЕРЬЯН ДЕРУЖИНСКИЙ

Аверьян Сафонович Деружинский родился 10 июля 1919 г. в д. Хлевно Кормянского района Гомельской области в крестьянской семье. Окончил Могилевский газетный техникум (1937), затем Коммунистический институт журналистики в Минске (1941). Во время Великой Отечественной войны работал корреспондентом. После войны занимался журналистской и издательской работой. Член СП СССР с 1964 г. Награжден медалью.

Печатается с 1939 г. Вышли сборники лирики, несколько книжек стихов для детей. Многие стихи поэта положены на музыку.

ЧТОБ СЕРДЦЕ ВСКОЛЫХНУТЬ

Хотелось мне поговорить с тобою,
И на тебя, прелестная, взглянуть,
Да, видно, ты не хочешь быть со мною, —
Не мог твоё я сердце всколыхнуть.

Смотрю давно, как вечер догорает,
На танцы в клуб влюбленные идут.
Одной тебя не видно, дорогая,
Не мог твоё я сердце всколыхнуть.

1953

ЧАРОВНИЦА

Вплетены дивчине в косы
Ленточки лиловые,
Ее брови — смоль, а очи —
Васильки бедовые.

На меня взглянула только —
И застыл без слова я:
Сердце враз заворожили
Васильки бедовые.

С той поры — где ни бываю, —
За рекой, дубровою, —
Не дают нигде покоя
Васильки бедовые.

Явно видно, чаровница,
Что попал в оковы я —
Мое сердце полонили
Васильки бедовые.

1954

МИКОЛА АВРАМЧИК

Микола (Николай Яковлевич) Аврамчик родился 14 января 1920 г. в д. Плесы Бобруйского района Могилевской области в крестьянской семье. В 1938 г. поступил на филологический факультет Минского педагогического института им. М. Горького, одновременно работал в редакции газеты. Во время Великой Отечественной войны участвовал в боях на Северо-Западном и Волховском фронтах. В июне 1942 г. при окружении на Волховском фронте попал в плен. Был освобожден из фашистского концлагеря в апреле 1945 г. В 1949 г. окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Член СП СССР с 1947 г. Заслуженный работник культуры БССР. В 1953-80 гг. — редактор отдела поэзии в журнале «Маладосць». Лауреат Литературной премии им. Янки Купалы. Награжден орденами и медалями. Заслуженный работник культуры БССР (1980).

Печатается с 1937 г. Автор сборников поэзии, занимался переводами. Вышли избранные произведения в 2-х томах (1980).

Вот они, привольные просторы,
Край родимый испокон веков!..
Бесконечное ржаное море
Чуть не хлынет на большак с боков.

И над обелисками-столбами
Дуб огромный с гордой головой,
Молниями битый и громами,
Смотрится, как строгий часовой.

А как утро петушиным пеньем
Огласится с солнышком всегда,
Озирать бескрайние владенья
Аист вылетает из гнезда.

Девушка омоет босы ноги
Луговой блестящею росой,
Ледяной воды журавль проглотит
И курлычет звонко над рекой.

Если видел ты, как полыхает
Синим пламенем сирень у хат,
Отчего вдруг сполохи мелькают
В стеклах окон и в глазах девчат;

Как кипит перед началом лета
Цветень перегретая садов,
Розовую пеной с белоцветом
Окропляет разомлевший дол;

Если знал, как соловьи тут хором,
Восторгаясь от такой красы,
Полоскают после пенья горло
Каплями серебряной росы;

Если вечером, когда закат растает,
Чувствовал ты сердцем молодых,
Как любовь тут в душах созревает,
А в садах — душистые плоды;

Если ощущал, как вечно ново,
Озаряя до вершин леса,
Негасимым пламенем лиловым
Вереск отражает небеса;

И когда не днями, а годами
Впитывал, всему благоволя,
Как тут хлебом, медом и грибами
Пахнет наша щедрая земля, —

То тогда поймешь ты, человеке,
Почему не жить мне без нее,
Без родимой Беларуси вечной,
О которой вся душа поет!

1958

РЯБИНОВАЯ НОЧЬ

Гроза неумолимо зреет
Среди иссохшей черноты...
Зарницы буйствуют, свеглеют,
Мрак вытесняя с высоты.

А в белом тень в большой тревоге
Во мгле окна дрожит ночной —
Любимый где-то все в дороге,
Прошла бы буря стороной.

Заволновалась тень желанно:
За дождевою дробью вслед
Возник при свете молний странных
Его знакомый силуэт.

Лицо дыханье осушает.
От теплоты взаимной их,
И на одежде исчезают
Остатки капель дождевых.

Под громы молний и сверканье
В ту ночь рябиновую им
Весь мир очищенным предстанет,
Омытый ливнем огневым.

1975

ПЕТРО ПРИХОДЬКО

Петро (Петр Федорович) Приходько родился 25 февраля 1920 г. в д. Альшиов Хотимского района Могилевской области в крестьянской семье. Окончил Могилевскую газетную партийную школу (1938), Высшие литературные курсы при СП СССР в Москве (1956). Участник Великой Отечественной войны. Работал в редакциях газет и журналов, с 1967 г. в издательстве «Белорусь», в 1972-80 гг. в издательстве «Мастацкая літаратура». Член СП СССР с 1947 г.

Печатается с 1936 г. Автор сборников стихов и поэм. Переводит поэзию народов разных стран. Лауреат Литературной премии им. А. Кулешова (1985).

* * *

Я хочу написать твой портрет,
Прославлять тебя песнями так,
Как не смог ни один бы поэт,
Ни художник-мастак.

И пойдут от портрета лучи,
Разольется очей твоих синь,
Затоскуёт тогда, загрустит
По тебе не один.

Если спросят, кто этот портрет
Написал, кто воспел тебя так,
Ты скажи, что писал не поэт,
Не художник-мастак.

Ты им искренне правду скажи,
Что обычным солдатом я был,
Что одною тобою я жил,
Просто сильно любил.

1948-1950

Присядь со мной, дружище, покури.
Еще часок есть отдохнуть до боя,
Я буду охранять твой сон, и до зари
Заснуть я не смогу такой порою.

С любимой своею такою порой
Я попрощался. С часа расставанья
Волшебный ношу я образ с собой,
Ношу печаль любви и ожидания.

Письмо ты мне прислать не позабыла.
Поведала надежды, думы, сны.
В конце спросила: «Голубь сизокрылый,
Скажи, когда вернешься ты с войны?»

Но что сказать, ответить дорогби,
Откуда знать мне, где конец всем лихам?
Я знаю точно: скоро будет бой,
А перед боем тут пока что тихо.

-

Ночь опускается на рубежи,
Звезда упала, низко полетела...
А вот моя любимая бежит
С косою черной, в сарафане белом...

Что это там гудит, гремит над головой?
Что ей мешает добежать ко мне?
— Эй, эй, боец!
Проснись! Начался бой!
Земля в огне...

1943-1945

Ты прекрасной мне кажешься просто,
Самой искренней из людей.
Нас теперь разделяют версты,
Но ты ближе мне всех и родней.

Ты в трудах ежедневно со мною,
Ты и в сердце моем, как цветы.
Если песню пою — всей душою
Я хочу, чтоб слышала ты.

Не скажу, что люблю и страдаю,
И легко ли в разлуке мне жить,
Но я знаю — с тобой, с нашим краем
Даль не может меня разлучить.

1953-1955

-

* * *

Не ходил я с тобой по дорожке одной,
Когда вьюга мела.
От дороги моей — полосы фронтовой
Далеко ты была.

Много было в походах отважных бойцов,
Многих я уважал.
О тебе же до самых последних часов
Ничего я не знал.

Надо мной прошумело немало ветров,
Но я понял, любя,
Что меж лучших друзей и моих земляков
Не хватает тебя.

1957-1960

МАМАЕВ КУРГАН

Я от бора-партизана,
Где и Буг, и Друть бегут,
Вновь принес поклон кургану,
Что Мамаевым зовут.

Под морозным лютым ветром
Ты восходишь на курган.
Лег на сотни километров
Степи снежный океан.

Вспомним снова, как стояли
Здесь солдатские фронты,
Ни на шаг не отступали
С легендарной высоты.

Как вставало на востоке
В мраке зарево зари.
Сталинград вошел глубоко
В наши пущи и боры.

Каждый дом пробит снарядом,
Гром, пожары, черный дым...
Тут в строю стояли рядом
Лес и хаты вместе с ним.

Понимали мы душою,
Что в простой солдатский строй
Встанет городом-героем
Крепость Брестская — герой.

Год за годом, поздно ль, рано,
Мир идет поклон отдать.
И на всех, на всех с кургана
Смотрит мужественно Мать.

Блеск снежинок в белой стыни,
И как будто слышен стон.
А из нашенской Хатыни
Долетает перезвон...

АЛЕКСЕЙ ПЫСИН

Алексей Васильевич Пысин родился 22 марта 1920 г. в д. Высокий Борок Краснопольского района Могилевской области в крестьянской семье. Учился в Коммунистическом институте журналистики в Минске (1937-39), окончил Высшие литературные курсы в Москве (1958). Участник Великой Отечественной войны. Член СП СССР с 1950 г. Работал в редакциях районных газет (1939-41, 1946-56), с 1958 г. в редакции газеты «Магілёўская праўда», с 1974 г. секретарь Могилевского областного отделения СП БССР.

Заслуженный работник культуры БССР (1980). Лауреат Государственной премии БССР им. Янки Купалы (1968). Награжден медалями. Умер 27 августа 1981 г.

Печататься начал в 1938 г. Автор сборников поэзии, поэтических книг для детей. Вышли избранные произведения в 2-х томах (1980).

* * *

На склоне дня светло, раскрепощенно,
На землю тень кладет дубов семья.
О, как нужны теперь твои ладони,
Любовь моя.

Когда устану — выпадет не в меру, —
Ищу поддержку в облике твоём;
И я в прилив могучих сил поверю, —
Ведь мы вдвоем.

Заметишь, что вскипаю бессердечно
И слово резкое сказать хочу, —
Ты опусти ладони мне на плечи,
И я смолчу.

Дубы листву теряют, как спросонья, —
У каждого листа короткий век.
В мой листопад нешумный ты дотронься
До сонных век.

И я почувствую, увижу, Всемогуший,
Узрю ладонями своими я
В полете ласточку, рябину в пуще,
Любовь моя.

1964

* * *

Прощай, приморский светлый городок,
Огни в воде... Так радовали нас вы!
Еще зайдем мы в старый уголок,
Запомним улицы и скажем: «Здравствуй!»
Запомним? Нет, придумаем свои,
Такие, чтоб о многом говорили.
Пусть оживают каждый раз они
И все, чем нас со щедростью дарили.
Сердца тут бились с каждым днем сильнее,
Гул ощущая, радость и сомненья.
Я в чем-то чище стал, богаче и мудрей,
И молодец в единое мгновенье.
Здесь множество дорог. Они везде —
Во все края уходят дружелюбно...
Переливаются огни в воде,
Передо мной они, и — недоступны.

1964

* * *

Светилось чуть зеленое окно,
И трепетали тени от ветвей.
Я слушаю знакомое давно,
Что оживает в музыке твоей.

Мажорно звуки плыли над землей,
Как лава синевы вслед за дождем.
В мелодии сливались и покой,
И высь, и даль, и жизни бурелом.

Себя безусым вспомнил я юнцом,
Уверенным, что очень щедрый свет,
Рябина рдеет каждый год огнем,
И — путь прямой до сердца и планет,

И есть любимая с моим окном,
И с ней пойдешь на самый край земли,
И этот край — не тесный мой окоп
(Тогда окопов видеть не могли).

Засыпались глубокие пласты
Над пройденным. И знаю я одно —
Что мир богат. Есть музыка и ты,
И есть твое зеленое окно.

1964

• * * *

Куда спешат седых дождей колонны,
Не зная ни дорог, ни переправ?
Гром отгремел давно — трубач бессонный,
Что всем живым и мертвым сбор играл.

Тогда с корнями вырывались ели,
Со склонов гор катились валуны,
Речушки обмелевшие кипели
И сеном-медом пахло от копны.

Ты появилась с молниями, ливнем,
С глазами — бездной голубой точь-в-точь.
И, может, для того, чтоб был счастливым,
Слепила всех рябиновая ночь.

Волыг миллиарды лили с неба воды,
Светили и гремели впереди...
Пригнувшись, пробегают небосводом
Осенние бесшумные дожди.

И я примкну к печальным их колоннам,
Короткому себя доверив дню;
И вновь вступлю на берег тот соленый,
Твои следы на дюнах догоню.

1965

* * *

Вскакивали в стремя печенег,
И хватали звезды на скаку...
Сгинули кочевники навеки.
Замостили пыльную тропу.
Истине не нужно, чтоб сказал ты
Что не весь еще в ладонях свет.
По-земному гибнут космонавты,
На земле давно живет Завет.
Ошибаться — но не в самом главном.
На смертельном вираже на миг
Вспыхнет щит немногословно, явно:
— Веру в достижимость сбереги.

Падали с разлету печенег,
Не схватив звезду на всем скаку...
Не достигнешь в бешеном набеге
Истины, доступной дураку...
Истине не нужно, чтоб сказал ты,
Что не весь еще в ладонях свет.
По-земному гибнут космонавты,
На земле мы веруем в Завет.
Ошибаться — но не в самом главном!
На смертельном вираже на миг
Щит с немногословным вспыхнет явно:
— Веру в достижимость сбереги!

АЛЕСЬ СОЛОВЕЙ

Алесь Соловей (Альфред Радек-Кодняк) родился 1 мая 1922 г. в д. Крысово Дзержинского района Минской области. Учился в педтехникуме, до войны работал в логотипской районной газете, учительствовал на Вилейщине. В октябре 1942 г. в Риге сотрудничал в журнале «Новы шлях». С наступлением Советской Армии в 1944 г. уехал на Запад, жил в Берлине, Праге, Вене. С 1949 г. жил в Австралии. Умер 22 января 1978 г.

Печататься начал в 1937 г. Первый сборник поэзии издал в 1944 г. в Риге. В Вене издана историческая поэма «Звінці» звяны святой Сафії» и сборник «Сіла гневу», в Австралии — сборник стихов. Посмертный сборник стихов вышел в Нью-Йорке и Мельбурне в 1982 г.

Стелют головы, как снопы, молотят
цепами стальными, на току жизнь
кладут, веют душу от тела.

«Слово о полку Игореве»

Там, на смертельном току, там, где головы
стелют цепами,
Веют души от тел, поля устилают костями,
Крепко держат свой стяг непокорные внуки
Всеслава,
Падает лолу один — новый сменяет его.

Думаешь, вѣражна, смѣть нашу славу
 священную кровью?
Высям безмерным под стать кровью чужою
 залить?
Сколько ты жизнь ни топчи —
 не поднимешься к ясным созвездьям,
Сколько ни прыгай, ни рвись, высей тебе
 не достигь.

1939

•

И леса, и луга, и лазурные нивы,
Неба — вечная синь, дол — как зелени шелк.
Это — Ты. Почему я с Тобой несчастливый?
Почему без Тебя жизни я не нашел?

За любовь лишь к Тебе я готов на мученья,
А в разлуке с Тобой не прожить — прозябать,
И за слово свое буду без отречения,
Как за слово Твое, головой отвечать.

И в глубинах души поднимается сила,
Гнев — название ей, и пророчит она:
За любовь лишь к Тебе — непокорному —
крылья,
За разлуку — виновному — только труп.

Непокорному — Ты и лазурные кони,
Из могилы виновным — голов не поднять.
На широких путях стародавней Погони
Устремлений Твоих ни разбить, ни сдержать.

1942

* * *

Леса. Пригорки. Вкус травы.
Лазурь небес. Поля. Озера.
Как далеко остались вы,
Отчизны близкие просторы!

А дни среди полей чужих
Лелеют нивы золотые.
Пойди, прислушайся. Но в них
Шумят колосья неродные.

Шумят. В простор полей взгляни:
Чуть дальше — Родины картины.
Плывут над ней кроваво дни
И пролетают над другими.

Погибель там, где чуждый след.
Своим, чужим... Куда же деться?
Окрест тебя — огромный свет,
А человеку нету места.

1944

* * *

• ...В очи девичьи, очи, как звезды,
Мне теперь, как глядел, не глядеть.

М. Седнёв

Жить судьба мне лихая пророчит,
А спасенья не вижу нигде.
Мне на вас, бесподобные очи,
Как глядел раньше я, не глядеть.

Доведется мне долу свалиться,
Как бывает порою всерьез,
Будут очи печально молиться
И не выплачут, видимо, слез.

Пусть они и не скажут об этом, —
Представляю такими я их.
Если не был бы в сердце поэтом,
Может, пел бы теперь о других.

Очи милые... Их я, бывало,
И печальными мог представлять.
Душу мне они всю взволновали,
Как никто не сумел взволновать.

И теперь я печаль им пророчу,
Не могу их надеждой согреть, —
Мне на вас, бесподобные очи,
Как глядел раньше я, не глядеть.

1945

Земля моя — сокровища, атласы,
Как ночью золото, как жемчуг в день.
Средь них так много чудных красок,
Что лучше в мире не найти нигде.

Когда б собрал их щедрою рукою
И вставил в строчки звучного стиха,
Он засверкал бы яркою дугою
Сквозь тьму и тлен, забвенье и века.

1945

АНАТОЛИЙ ВЕЛЮГИН

Анатолий Степанович Велюгин родился 27 декабря 1923 г. в д. Мошканы Сенненского района Витебской области в семье фельдшера. В 1939-1940 гг., будучи студентом литературного факультета Минского педагогического института им. М. Горького, работал в редакции газеты «Звезда». С сентября 1941 г. учился в Свердловском педагогическом институте. В 1942 г. был призван в Красную Армию, учился в Луганской авиашколе, участвовал в боях на Сталинградском фронте. В 1943 г. был ранен, долгое время находился на лечении в госпитале. В 1945-1946 гг. работал в газете. В 1948 г. окончил Минский педагогический институт им. М. Горького. В 1946-1984 гг. с небольшими перерывами работал редактором отдела поэзии журнала «Полымя». Член СП СССР с 1946 г. Награжден орденами и медалями. Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР (1969).

Печататься начал в 1934 г. Автор сборников поэзии, сборников стихов для детей. Вышли избранные произведения в 2-х томах (1973, 1984). Выступал и как переводчик. Лауреат Литературной премии им. Янки Купалы, Государственной премии БССР.

СМОЛЕНСК

Сосновый малахит,
Брусничная заря.
Славян кровавый щит
У берега Днепра.

Он принял ратный звон.
От русского штыка
Бежал Наполеон
Сквозь синие снега.

Вознесся над рекой
Вратами на стене,
За нею быстриной
Шуметь Березине.

1943

. * * *

Моей судьбы и смерти переправы,
И Сталинград поныне снятся мне...
Свалился я, подкошенный железом,
Родную землю обнял как сумел.
Она пропахла дымом и полынью,
Слезам наших матерей, детей.
Когда ее в ладони сжал до боли —
Сквозь пальцы брызнула густая кровь!..
Не помню я, когда на самолете
Меня везли далёко на Урал,
Где на болотах серых клюквы гроздьи
Цветут и спеют поздно, как у нас.
Лишь увидал стол операционной
И в окнах — чернолапую тайгу.
Покой вокруг... Белым-бело на свете.
Колышет, будто облако, меня..
Окаменевшие мои разжали пальцы —
И на паркет посыпалась земля.
Песчинки молча взглядом провожали,
Потом собрал их тихо санитар.
Седой, на моего похожий деда,
Песлышно он остался у дверей.
А раненые бредили о Волге..
За окнами огни и черный снег.

1943

ЗРЕЛЫЙ БОР

Из всех соборов есть собор,
Где хочется молиться:
В зеленой выси зрелый бор,
Звонят твои звонницы.

В роскошной зелени полян,
Где молодость ходила,
Багульник, липа, дурнопьян
Раздули все кадила.

Стоят полки боровиков,
Дрожит басок пчелиный.
Глубокий мох, на листьях кровь
Нетронутой малины.

Следы разрезов на стволах,
Что крест судьбы тернистой.
Спешит всю барсук-монах
В свой закуток тенистый.

Янтарных смол здоровый дух.
На кроне в выси ясной
На облаках белесый пух —
То ангела бьет ястреб.

Куда ни глянешь — новизна,
Чабрец плетет узоры,
И песню каждая сосна
Поет густому бору.

1959

РЫБАЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

Миколе Нагнибёде

Былины моря на граните
Читайте, дань отдав красе
Янтарного прибоя в Ниде
На Куршской солнечной косе,

Где ночь и день дымятся дюны
По скалам зыбким и крутым,
И хвойник там, извечно юный,
По склонам стелется, как дым.

И хочет он, разлапый, низкий,
Сдержать тяжелый шаг песков.
Седые волны, как колыска*,
Колышет долю рыбаков.

Былины моря — на граните
Замшелых, выщербленных плит, —
На старом кладбище у Нида
Расскажет все тебе гранит.

* *Колыска* — колыбель (*Прим. ред.*).

ВИКТОР ШВЕД

Виктор Никитович Швед родился 23 марта 1925 г. в д. Мора Белостокского воеводства в Польше. Окончил Белорусский лицей в Бельске (1946), отделение журналистики (1955) и белорусской филологии (1969) Варшавского университета. В 1948-57 гг. работал редактором в Институте общественных наук в Варшаве, в 1957 г. был публицистом в газете «Нива» (бел.) в Белостоке. В 1959-60 гг. — секретарем Главного управления Белорусского общественно-культурного товарищества в Белостоке. В 1960-88 гг. работал в варшавском издательстве «Книга и знания». С 1988 г. живет в Белостоке. Член Союза польских писателей с 1977 г. Награжден орденами и медалями. Давно завоевал значительную популярность на Белосточчине как белорусский поэт и просветитель-пропагандист белорусской литературы и культуры. Заслуженный деятель культуры Польши.

Начал печататься в 1957 г. Автор поэтических сборников.

ЦЫГАНСКИЙ ТАБОР

В заплатах облезлых шатры
На возах разномастных
В степи полуночной поры
Мне вспоминаются часто.

И песни, что под барабан,
Печальные звуки гитары,
Певал бородатый цыган
Пронзительно, искренне, с жаром.

И те, кто с детьми на руках,
Одетые чудно цыганки,
С монистом, платком на плечах,
Гадали на счастье крестьянкам.

Отъехало все их добро,
И горе, и детские слезы,
И то же пустое ведро,
Что звякало звонко под возом.

1991

• * * *

Людская жизнь, словно костер в ночное:
Сначала теплится чуть искорками вволю,
Огнем тихонько ползает порою
И вспыхивает пламенем веселым.

Потом она горит себе спокойно
И угасает на глазах бесплодно,
Недолго тлеет важно и достойно,
И пеплом забывается холодным.

1991

•

СВЕРКАЕТ ЛЕС МОЙ ЗОЛОТОЙ

Сверкает лес мой золотой,
Над головою неба просинь.
Шуршит опавшею листвою
Вся в позолоте дивной осень.

Она идет на мой порог
И остается домоседом.
Я в жизни все ищу дорог —
Идет за мною осень следом.

Как видно, с ней придется жить,
Не разделить нас силой злою.
И если с нею мне дружить —
Пусть будет осень золотою.

ДМИТРИЙ ШАТЫЛОВИЧ

Дмитрий Шатылович родился на Белосточчине в д. Черемуха 8 ноября 1926 г. Во время Великой Отечественной войны был подростком вывезен со многими юношами и девушками в Германию, освобожден наступающими войсками союзников. Призван в армию, получил ранение на фронте. После войны получил высшее инженерное образование, работал на инженерных должностях в Варшаве.

Опубликовал поэтические сборники (1992, 1993).

ПОМНЮ

Я все помню тот мост над обрывом реки,
Паутину нависшую ночи,
И пожатие нежное милой руки,
И рососою омытые очи.

Помню шепот, дрожащий на тонких губах,
О разлуке, любви, безрассудстве,
Как ты нежно сжимала в холодных руках
Мой подарок — букетик настурций.

Как меня целовала ты, будто во сне,
Как шептала «прощай» непорочно.
И как плавной походкою, словно в челне.
Поплыла в бездну черную ночи.

И я помню, как долго стоял и глядел
В черноту заколдованной дали.
Попелуй на губах, затухая, горел,
Щеки пламенем ярко пылали.

1957

О, ЕСЛИ Б...

О, если б вчера ты пришла на свиданье,
Букет пышных роз я б тебе подарил.
С единственным нес их тебе я желаньем,
Чтоб взгляд на них твой на мгновенье застыл.

Они для тебя зацвели так любовно,
Цвета их сияли, как звезд огоньки.
Они еще долго цвели, безусловно,
Когда б их согрела ладонью руки.

О, если б вчера ты пришла на свиданье,
Я сердце свое бы тебе передал.
Его в муках горьких и долгих страданий
Я лишь для тебя много лет продержал.

Но ты не пришла. Розы грустно завяли,
Покрыла их жуткая пыль забытья,
А сердце от боли, стыда и печали
Затихло в груди в мраке небытия.

1961

ЖЕНЩИНЫ ИЗ ЛУВРА

Дворец королевский дрожит от людей.
Полки пилигримов, и все как один
Пришли посмотреть на житье королей,
Застывшее в бронзе и красках картин.

Крылатая Ника впускает без виз.
Как улей, гудят толпы всех языков.
Потоком могучим то вверх, а то вниз
Несутся, как Сена меж арок, мостов.

Не помнятся все имена мастеров,
Полотна которых взирают со стен,
От малоизвестных из Средних веков
До славных, как Гойя, Ван Гог и Гоген.

Во всех коридорах и залах со спен
Взор тешат фигуры и лица богинь,
Веселых, как солнце, печальных, как тень,
Дам пышно одетых и нагих святынь.

Вот «Кревская Анна» — Гольбейна портрет —
На зрителей смотрит сквозь толщу стекла,
И будто сейчас, по прошествии лет,
Идет во дворец на прием короля.

В парче, словно в ризе; заманчивый лиф,
Под ней шемизетка ажурная вся,
И шею алмазы змеей оплели.
А крест и кораллы блестят, как роса.

В лице — утонченность, не видно морщин,
Под верхними веками два уголька,
Две узкие брови спадают с вершин,
И губы, как трепетные мотыльки.

А Халса «Цыганка»^{*} смеется всегда,
Красива она и свободна,
И грудь сладострастно обнажена,
И взгляд ее манит сегодня.

Вновь грустные очи — «Мадам Рекамье»:
Фриivolно в накидке присела в шезлонг
В запущенной келье, будто в тюрьме,
И ждет с нетерпением, когда явится он.

А вот «Одалиска» — картина Ингрэ*, —
Таинственно светится плеч белизна,
Но кажется, только попала в гарем
И очень боится султана она.

Вторая картина «Родник» — из глубин
Ступает красавица, брови вразлет,
На левом плече наклонился кувшин,
Откуда вода ручейками течет.

Исполнено грации тело ее
И груди, как яблоки райских садов.
Своей красотой пробудила живьем
В художнике, видно, любовь.

В покое направо от темных дверей
Стоит удивительный шкаф у стены.
Вокруг него толпы галдящих людей,
Никак наглядеться не могут они.

* Речь идет о французском художнике Ж.-О. Энгре.
(Прим. ред.).

Из шкафа, как в клетке, сквозь стекла окна
Джоконда чарует улыбкой живой,
В глазах ее светится отблеском дня
И радость, и счастье, и теплый покой.

За ней сотни женских блестящих очей
Меня через весь провожают дворец.
О каждой тут можно во власти страстей
«Поэму экстаза» писать, наконец.

А бронза и мрамор волшебных богинь —
И римских, и греческих — давних веков,
Мадонн и цариц, королев и княгинь,
Рожденных умелой рукой мастеров.

«Венера Милосская» — в мраморе грация,
С вечной нетленной своей красотой.
Тонкие губы едва улыбаются
Страстью волнуя и... чистотой.

Хоть взгляд устремлен ее в сторону, в парк,
Хотя и без рук, но как будто живая.
И хочется мне, чтобы сделала шаг
Навстречу любви богиня земная.

Проходят часы. Выхожу я во двор.
• Как день этот был бесконечен.
В ушах все звучит героинь этих хор,
В глазах — вдохновенье и вечность.

Я чувствовать буду любой божий день
И лица, и взгляды прекрасных богинь.
Веселых, как солнце, печальных, как тень,
Дам пышно одетых и нагих святынь.

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

Евдокия Яковлевна Лось родилась 1 марта 1929 года в д. Старина Витебской области. В 1948 г. окончила Глубокское педучилище, в 1955 — филологический факультет Минского педагогического института им. М. Горького. Работала редактором Учебно-педагогического издательства БССР. В 1960 г. окончила Высшие литературные курсы в Москве. Была литработником газеты «Звезда», ответственным секретарем журнала, главным редактором. Награждена орденом «Знак Почета». Член СП СССР с 1957 г. Умерла 3 июля 1977 г.

Впервые выступила в печати в 1948 г. Автор сборников поэзии и нескольких книжек для детей. Помимо стихов, писала прозу, занималась переводами. В 1979 г. вышли избранные произведения в 2-х томах.

СОНЕТ

Зачем ты мне, ведь я же не люблю
Тебя душою, мыслями, внушеньем,
И никогда меж звуков, их оттенков
Твой голос сердцем чутким не ловлю?

-

Зачем ты мне, ведь я же не желаю,
Чтоб в жизни ты не ведал горя тени,
Чтоб доверялся совести, влеченью,
С какими ты шутя, смеясь играешь?

А ты хоть раз подумал, пресловутый,
Что времени прекрасные минуты
Бездумно и напрасно тратишь ты?

Очнись, и, может, осенит вдруг свыше,
Что ты цветешь чернобылем пустым,
А сердца, что живет с тобой, не слышишь...

1957

НЕЛЮБИМЫМ

Я не скажу, вы плохи или нет,
И вам несчастий я не пожелаю.
Служите и выслуживайтесь; мне
Те дороги, кого я уважаю.

Хоть для меня не пожалели слез,
Вы издевались надо мной сурово...
Мой разум одолел и перенес
Боль чести, унижение словом.

Я вновь живу, хвала моим летам,
Дружу с лесами, с нивой несжатой...
С дорог своих песчинки я не дам:
Берите то, что дали мне когда-то!..

1962

.

* * *

В мгновении каждом поэзия есть,
В действиях вся красота ее, честь.
Во всем живущем — она всегда,
В нищем последнем — ее беда.
И, значит, мгновенье — оно мое,
И вдохновение — тоже мое!
Во всем живущем себя найду,
В нищем последнем — свою беду...

1965

Тот, кто вырыл колодец,
Не умирает...

А кто вырастил колос?
А кто выковал полоз?
Проложил тропу без ошибки,
Подарил
Дорогую
Улыбку?

Я смотрю
В колодец холодный.
Я с тобой,
Мой народ благородный...

1965

АЛЕСЬ СТАВЕР

Алесь (Александр Сергеевич) Ставер родился 10 августа 1929 года в д. Марговица Докшицкого района Витебской области. Весной 1944 г. был угнан фашистами в Германию, вернулся на родину в 1945 г. В 1949 г. окончил Борисовское педагогическое училище, в 1954 — филологический факультет Минского педагогического института им. М. Горького. Работал старшим пионервожатым и преподавателем белорусского языка и литературы в Бегомльской средней школе, инспектором школ Логойского района, литсотрудником газеты, редактором Государственного издательства БССР, заведующим литературной части Белгосфилармонии, научным сотрудником Института искусствознания, этнографии и фольклора АН БССР. В 1975-84 гг. — корреспондент-организатор Бюро пропаганды художественной литературы СП БССР. Член СП СССР с 1962 г. Умер 23 июля 1995 г.

Начал печататься в 1949 г. Автор поэтических сборников, писал также прозу.

ЖУРАВЛИ НА ПОЛЕСЬЕ ЛЕТЯТ

Чтоб любить Беларусь нашу милую,
Нужно в разных краях побывать.
Понимаю, зачем журавлиную
На Полесье весной тянет рать.

Что им знойные дни бестолковые,
Что им пышный платановый рай,
Если дали их кличут сосновые
И озерный, рябиновый край.

Сенокосы, жнивье, пуши, пажити
Не заменишь ничем и нигде,
И Отчизну, где тропочка каждая
В дом приветливый манит людей.

Чтоб любить Беларусь нашу милую,
Нужно в разных краях побывать.
Ты поймешь, почему журавлиную
На Полесье весной тянет рать.

1967

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

Владимир Семенович Короткевич родился 26 ноября 1930 г. в г. Орша Витебской области в семье служащего. В годы Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Пермской области, затем в Оренбурге. В 1944 г. вернулся в Оршу, получил среднее образование. В 1954 г. окончил филологический факультет Киевского университета им. Т.Г. Шевченко. Учителемствовал в деревне Лесовичи Таращанского района Киевской области (1954-1956), в Орше (1956-1958). Окончил Высшие литературные (1960) и Высшие сценарные курсы (1962) в Москве. С 1962 г. жил в Минске. Член СП СССР с 1957 г. Награжден орденом Дружбы народов. Умер 25 июля 1984 г.

Первые стихи опубликовал в 1951 г. Автор сборников поэзии, рассказов и повестей. Выступал как публицист и критик. Вышли избранные произведения в 2-х (1980) и в 8-ми томах (1987-1991). Работал как переводчик. Лауреат Литературной премии СП БССР им. И. Мележа (1983), Государственной премии БССР (1984).

На древней родине раскидистые клены
Неслышно начинают облетать
На рыжую траву, на мох зеленый,
Калитки и запруды, и на гать.
Земля глядит озерами-глазами
На ясный мир, что замер в красоте.
Так чисто, словно свет просторы залил,
Так тихо, словно нет людей нигде.
Извечная моя! В студеных росах,
Как год назад, миллионы лет, — увы! —
Бросает осень золотые косы,
И зиму кличет желтый плач листвы.
Морозит губы горький вкус рябины,
Целую их, холодные как лед.
О, вы, кто под руку пойдет с любимой
Под теми ж кленами чрез сотню лет, чрез год,
Поймете ли, что так же мы любили
И что ушли, как и уйдете вы,
Что вечны Родина и даль Отчизны милой
И желтый лист на зелени травы?

И что тысячелетиями клены
На землю будут тихо облетать
На рыжую траву, на мох зеленый,
Калитки и запруды, и на гать.
И что они не даром щедро всюду,
Когда вдыхаешь древний дух земли,
Роняют золото под ноги людям,
Чтоб мы ее любили, берегли.

1958

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Сегодня что-то тишина такая,
Что хочется присесть и погрузиться.
Звезда печально над землей мерцает,
И липа чуть от холода дрожит.
А я все почему-то забываю,
Что день прошел, угаснувший в тиши,
Что время мчится и что ты — другая,
И я исчез уж из твоей души.
Журнал передо мной с твоим портретом —
Глядишь с улыбкой светлой в тишине,
И я припоминаю Днепр и лето,
И тень капитана на сухой стене.
Но странно, я совсем не вспоминаю
Тот день, когда тебя увидел я
Впервые. Может, осень золотая,
А может, вешний день был в тех краях.
Но очень четко помню я: девчачий
Покой, Чайковский хмурый на стене,
Рояль о чем-то сиротливо плачет
И призраки капитанов на окне.
Ты помнишь: поздней осенью туманной,
Когда с деревьев все летит долой,
Лист желтый остается на капитанах,
Где конусы фонариком свисело?

Фонарь — и желтый шарик на каштане,
Всех братьев рядом вымела метла.
Вот так и я к любимой льнул, желанной,
И жил лишь только у ее тепла.
Меня влекли невиданные очи,
Похожие на просинь у небес,
И скромности девичьей многоголосье,
И святость, как судьбы пресветлой крест.
Есть мелочи великого значенья:
Любовь, которая растопит лед,
И даже половицы в темных сёнях
Век памятны, как сказок хоровод.
И может, для того она приходит,
Чтоб мы запомнили с тобою на века,
Как пахнут рыбою ночные воды,
Каков полет ночного светлячка;
Чтобы века не забывало сердце
Спокойный дым над зеркалами рек,
Чтоб каждый был до старости, до смерти —
Достойный, настоящий человек.
Я помню все: тугая ряска
Стянула пруд. Минул наш первый май.
Какой казался нам волшебной сказкой
Наш пригородный лес — как некий рай!
Пусть каждый хоть на миг поймет единый,
Как бесконечно сложен белый свет,
Как просто разминуться с той, любимой,
Которую ты ждешь десятки лет!

Уходят дни и годы. Понимаю,
Что счастье не бывает без Творца.
А боль живет, и сердцем ощущаю,
Что жить извечно будет, до конца.
И все ж на склоне дня и утром ранним,
И в ясный день, в полночной кабале
Я жизнь благодарю за тень признанья,
За то лишь, что живешь ты на земле.
Сажу в гостиную рядом с печкой дымной.
Шипит пластинка. В сердце много дум.
Кручу «Над домом флюгер у любимой»,
И Шуберт слушает со мною ветра шум.
О «Зимний путь»! Забытые строенья,
Забытый вкус твоих любимых губ.
Шарманки звуки стыннут, как виденья,
Промерз у деревенской хаты дуб.
Благодарю тебя. И пусть чужая,
Пусть для другого источаешь свет, —
Ты есть, ты где-то есть, и ты живая,
Ты ходишь ранним утром по траве!
Твои в загаре руки куст ломают.
Живи и вечной славой пламеней!
Рукой закрыв глаза, я улыбаюсь...
Ты есть на свете. И довольно мне.

1958

-

КОРЧМЫ

Корчмы... Дороги... Лира за спиною...
В годах Христовых — бедным школяром...
Идут ли дни и ночи чередою,
Повсюду мне любовь, и стол, и дом.
А в торбе за спиной слова — не ново, —
Для песен клетка, соль, фонарь-ночник,
Табак и нож, и вышитый суровый
За годы не протершийся рушник.
И горьких шуток воз везу без лени —
Любой садись, отдам и не совру,
Утру лицо я полотенцем в сéнях,
А не дадут, обсохнет на ветру.
Под каждым деревом домашним светит
светом,
И я прохожим мед сплавляю свой,
Поля, леса с неровным силуэтом
И стаи воронья над головой.
Перун смеется, плачет и тоскует,
С кустов рвет ветер одинокий лист,
И на щеках застыли поцелуи,
В устах зажатых — соловьиный свист.
В глазах, мир отражая, как в оконце,
Земля моя встает передо мной,
Высокая и чистая, как солнце,
Чистейшая, без пятен день-деньской,

Раскованная, добрая, святая,
Изведанная, как отцов поля,
И каждый день все более родная,
Что боги дади, даже не друзья.
По ней иду я с ранних зорь устало,
Деревья глажу, как на алтаре,
Чтоб каждый вечер на закате алом
Журавль колодца видеть во дворе
И сесть под стрехою, что пахнет дымом,
К которой прикипел могучий дуб,
И песней отвечать хозяйкам милым
За горький хмель и трепет томных губ,
Желанных, словно жнивеньское лето,
И преданных, как отчие поля.
Глядят девчата, сердцем взгляд согретый
И близкий, как родимая земля,
Как нежность женских рук надежных.
Что гладят ласково лихие кудри мне...
Корчмы дорог, раскиданные стежки
По всей моей озерной стороне.
И что мне те, кто за высокой брамой, —
Нелюбых окон жаждущая муть, —
Что в ночь глядят и шамкают губами
И думают, что могут жизнь свернуть?
Что мне они, когда, как дар единый,
За песню сердца, что несу в корчму,
Мне ало грёздя светятся рябины,
Не ведаю, за что и почему.

Когда за простенький припев, тоскуя,
Во всех домах, в моих родных краях
Меня всё, кажется, здесь нежит и целует
Земля моя, родимая моя.
Когда она, Любовь, руками божьими
Везде лихие гладит кудри мне.
Корчмы, дороги, стежки осторожные
По всей моей озерной стороне.

1969

...И прощай. Не нужно сожалений.
Что мне в них, когда на боль иным
Светит мне любовь благословенно,
Словно месяц, светом не своим.
Твои руки — солнечная сказка,
Только что заменит доброту?
Что мне солнце без тепла и ласки?
Что мне губы, где огонь потух?

1969

* * *

Строка бесспорна, безупречна —
Один для слабых верный щит.
Не умирать Поэтам вечно,
В бессмертных Песнях вечно жить.

Когда пойду с юдоли горя,
Не завершив последний сказ,
То божий мир меня повторит,
Как повторял уже не раз.

Как море, звезды и озера,
Какие в вечность заберу.
Мир щедрый.
Мир меня повторит...

Ну а не мир, так Беларусь.
Мне — хватит...

1979

МИКОЛА АРОЧКА

Микола (Николай Николаевич) Арочка родился 10 декабря 1930 г. в д. Ветевичи Слонимского района Гродненской области в крестьянской семье. В 1951 г. окончил Озерницкую среднюю школу Слонимского района и поступил на филологический факультет Белорусского государственного университета. В 1956-1960 гг. работал в журнале. В 1966 г. окончил аспирантуру при Институте литературы им. Янки Купалы АН БССР. С 1966 г. – научный сотрудник этого института. Доктор филологических наук. Член СП СССР с 1958 г.

В печати со стихами начал выступать с 1949 г. Автор сборников поэзии, драматических поэм (1982, 1990), книжек стихов для детей (1964). Издал сборники критико-литературоведческих статей. Один из авторов «Истории белорусской советской литературы» (1977). Переводит на белорусский с русского, латышского, польского, английского языков.

* * *

Где-то там, в зеленой пойме Нила
Собрались в дорогу журавли.
Может, птицам корма не хватило?
Может, не хватает им земли?

Нет, наверное. В краях далеких
Одного недостает — семьи:
Тех дубов наднеманских высоких,
Где им нужно гнезда вить свои.

1954

СЛОВО К ЯНКЕ КУПАЛЕ

Вступление к поэме «Крэва» («Кровь»)

Начнем разгадывать мы сами
Загадки наших горьких бед.

Янка Купала «Могила льва»

В свою зову поэму не Уранию,
Не опекуншу давних эпопей,
А нестибаемый твой дух, что помощней,
Нам наказал копать свои курганы.

Как тяжело спрессовались там в пластах
И пепел хат, и горький хлеб, и битвы,
Извечный страх, и вера, и молитвы —
Неужто это ныне — только прах?!

Теряем, что имеем... А бывшее
Как будто к нам летит на всех парах.
Развеивает время жестко прах —
И восстает из мертвого живое!

Живым — нам нужно познавать себя,
Идти все глубже к непростым разгадкам:
Кто были мы? Кто предки? Что в порядке?
Какая ожидает нас борьба?

Мы на своей земле... Мы дома снова!
И нерушимо так. Очаг наш не потух.
Давно нас учит твой, Купала, дух
Идти к самосознанию через слово!

Из-под былых разломов и руин
Беру стекла обломок, словно кредо,
И обжигает губы слово «Крэва»
Горячим стуском праведной крови.

1981

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николай Перяеслов</i>	
<i>Рифмованная аритмия времени</i>	5
От переводчика	20
КИРИЛ ТУРОВСКИЙ	
Похвала Евфросинии Полоцкой	27
ФРАНЦИСК СКОРИНА	
Веруй в Бога Единого	29
Бога в Троицу почитай ко славе	30
Понеже от рождения звери, ходящие в пустыне	31
Не копай под другом своим яму	31
СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ	
Метры на пришествие во град отчий Полоцк	
пресветяго, благочестивого и христолюбивого	
царя и великого князя Алексея Михайловича	33
Перемены всех дел человеческих	35
Душа	36
Радость печалью вершится	37
ЯН БАРИЦЕВСКИЙ	
Сопет	38
Девушка	40
ЯН ЧАЧОТ	
О ты, край мой несчастливый!	41
Из цикла «Собственные крестьянские песни»	
«Ах же ты, цветочек мой...»	43
«Поле, поле широкое...»	44
АДАМ МИЦКЕВИЧ	
Неману	45

**АНТОЛОГИЯ
БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ**
Перевод Геннадия Римского
1 том

Редактор *Ю. Баклакова*

Художник *Ю. Космынин*

Оригинал-макет *О. Зотова*

Ответственный за выпуск *С. Добрин*

Изд. лиц. № 00853 от 21. 01. 2000 г. Сдано в набор 24.11.00. Подписано в печать 20.07.01. Формат 70х100/32. Гарнитура «Грамон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Тираж 1000 экз. Заказ № 4591

ОАО «Русский Двор»
129224 Москва, Останковская, 30

Налоговая льгота --- общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 --- книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Тниография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер. 6

